



Ф. СЛЕЙТЕР

ЛОРЕНА

Annotation

XIX век, Гражданская война между Севером и Югом в США. У героини романа Лорен Селби красота, ум и мужество Скарлетт О'Хара. Но в любви ей не везет. Ее мужем стал недалекий, алчный и сластолюбивый человек. Лорена полностью отдается работе: на ее плечах огромная плантация Селби.

Лорена покорила судьбе и уже не мечтала о счастье. Но оно пришло вместе с передовыми отрядами янки генерала Шермана. Кто бы мог подумать, что свою любовь гордая богатая южанка найдет в лице врага, майора-янки Дэна Кэролла?!

Фрэнк Слейтер

Лорена

ЛОРЕНА

Сентиментальная песня времен войны^[1]

Слова почтенного Х. Д. Л. Вебстера

1. Годы шли, Лорена,
За весной зима,
Холодело небо,
Падали снега.

Снег скрыл траву от глаз,
Иней там, где росли цветы,
Но на сердце тепло сейчас,
Как было в те летние дни.

Но солнце не может так низко
Опускаться, Лорена,
Любовь всегда к сердцу близко,
Как голубое небо.

2. Сотня месяцев прошла, Лорена,
С тех пор, как я был с тобой,
Твою руку держал несмело,
И терял над собой власть.
Я чувствовал, как бьется пульс твой,
И еще сильнее бился мой.
Сколько месяцев прошло с того мая,
Когда почва вокруг цвела,
Когда розы благоухали,
И звонили колокола.

3. Мы наблюдали со склона холма,
Как с закатом день умирает,
Мы любили друг друга тогда
Больше, чем выражают слова.
Я любил, как и ты, Лорена,
Не сказал я, и ты не смела.

Но что у нас быть могло,
Если б любовь расцвела,
Прошли годы, но не прошло,

То, что в памяти навсегда.

Но я не хочу вспоминать
Твоих сумрачных форм, Лорена,
Мне хотелось бы им сказать:
Все потеряно — вот в чем дело.

Засните воспоминанья,
Будить не хочу вас я,
Зачем обращать вниманье
На прошедшие бед года.
Лорена, твои черты
Не хочу я помнить, прости.

4. Рассказ о прошлом, Лорена,
Не хотел бы я повторять,
Надежды были несмелы
И могли лишь обманом стать.
Они жили, чтоб умереть,
Нам осталось только жалеть.

Сожаленья о них терзают
Твое сердце даже сейчас.
Слова «можно забыть», кто знает,
Были ль ложью тогда для нас.
Это были твои слова,
Чтоб погибнуть, любовь жила.

5. В моей памяти горят
До сих пор твои слова,
От отчаянья в душе ад,
Струны сердца ты в плен взяла.

Сердце женщины говорит,
Что всегда было верным мне,
А долг война зло велит
Разорвать образ твой в душе.
Он сурово велит сейчас
Порвать узы, связавшие нас.

6. Это мало, что значит уже,
В вечность прошлое отошло.
Да, я буду лежать в земле
Меж могилами далеко.

Наши головы, Лорена,
Будут там погребены,
Расцвести едва успела
Жизнь, как кончены мечты.

Жизнь угасает так быстро,
Но слава Богу за то,
Что на земле лишь искра
Сгорает, а не все.

Жизнь на земле — только часть себя,
Здесь все превратится в прах,
Но после нее наши сердца
Сольются на небесах.

Последний час доктор Янси ехал среди тумана, который поднимался с реки и окутывал дорогу. Теперь, когда вечер убывал и близилась ночь, туман быстро устремился вверх. К северу над песчаной равниной, поросшей соснами, на холодном ноябрьском небе отчетливо виднелись звезды.

Размахивая хлыстом над головой старого мерина, тянувшего двуколку, врач плантации лучшей погоды и не ожидал. Ведь в Джорджии тянулось запоздалое бабье лето, поэтому дождь и туман обернулись благом. Скверные дороги и вышедшие из берегов реки задержали солдат армии северян в пределах захваченной ими Атланты. Как только погода улучшится, они непременно снова двинутся вперед. Неужели следующий удар они нанесут в юго-восточном направлении и выйдут к Саванне^[2]? Или же сначала они обезопасят свой фланг, продвигаясь через Брод Индейцев к Мейкону, затем по дороге, ведущей к Переправе Брандта, за которой уже начинается плантация Селби Холл?

Янси знал, что строить такие предположения бессмысленно. Из-за разноречивых слухов он даже не мог хотя бы приблизительно определить, кто берет верх — твердолобые, не сомневавшиеся, что Худ, взяв в свои руки командование, разобьет северян Шермана, или те, кто готовились надеть траурные повязки и в душе уже капитулировали. Он мог лишь молить Бога, чтобы удача Селби, всю войну витавшая, словно черный ангел, над мансардами Большого Дома, помогла выдержать и грядущий тяжелый удар Марса... Щелкнув хлыстом более резко, он мысленно вернулся к подвластным ему делам, таким как вызов к роженице из арендованной фермы, отнявший у него весь день.

По всем правилам логики, вызовы к роженицам от арендаторов Селби в эти дни должны были стать редким явлением. Почти все мужья надели униформы: жены занялись мужской работой в поле и на хлопкоочистительном заводе. Муж Нэн Пурди служил в войсках Конфедерации с самого начала войны, однако Нэн рожала каждый год столь же регулярно, что и коровы в хлевах Селби. Доктор Янси подумал, что семейство Пурди достойно занять почетное место в «Календаре фермера». Сержанту Бену Пурди после каждых десяти лунных месяцев требовалось лишь одно увольнение, чтобы обеспечить себе бессмертие. В семействе Пурди никогда не переведутся мужчины, которые будут обрабатывать его сорок акров, везти телеги с хлопком к Селби для ежегодного распределения прибылей.

Клан Пурди найдет способ выжить, несмотря на то, чем закончится грядущая зима, сулившая неудачи. Однако про своих людей Янси пока такого сказать не мог — хотя, когда его двуколка свернула на подъездную дорогу, белое строение Селби Холла и зеленый участок, прилегавший к нему, казались столь же вечными, как и время.

У ворот стояли часовые. На кострах в кедровой роще готовили поздний ужин. Значит отряд кавалерии капитана Брэдфилда Селби еще не получил приказа снова влиться в состав бригады. Если не считать данного обстоятельства, ничто не говорило о том, что дыхание войны коснулось этого уголка Юга. По обе стороны подъездной дороги в звездном свете купались ровно подстриженные бархатные лужайки. Иначе и быть не могло — раз хлопок уже собрали, рук хватило и для подобных хлопот. Вдоль подъездной дороги двойной ряд дубов аккуратно подрезали: сегодня этот безупречный строй деревьев больше, чем какая-либо другая черта, давал знать о вечном чуде Селби Холла. «Здесь, — подумал Янси, —

настоящая обитель покоя. Разве постороннему наблюдателю придет в голову, что этот покой только внешний, что он обманчив?»

Именно сам большой особняк, словно афинский храм, возвышавшийся на рукотворном холме, окруженном розовыми садами и самшитом, и являл собой эту странную обособленность и отчужденность. Отдельным миром казались готовые блоки рабочих строений, смутные очертания хлопкоочистительного завода и склада. То же можно было сказать про пять тысяч акров еще зеленевших борозд, олицетворявших смысл бытия Селби Холла: яркий свет, лившийся через застекленные двери Большого Дома, не мог рассеять иллюзию, будто это какой-то великолепный, полузабытый склеп... Скотный двор был предусмотрительно отгорожен от английских садов защитной полосой кедров. Она расходилась только в одном месте, где дорога общего пользования ответвлялась от изящно изгибающейся подъездной аллеи. Во дворе конюшни Янси отдал вожжи конюху, который вышел ему навстречу, услышав скрип колес.

Врач плантации собирался сразу же направиться в Большой Дом. Опустив уставшие ноги с двуколки, Янси заметил, что его сапоги стали красными от глины во дворе Пурди и, передумав, направился к прямоугольной полосе света в конторе надсмотрщика. С перепачканными в глине сапогами в Селби Холле делать нечего. К тому же ему очень не терпелось узнать, вернулся ли Люк Джексон, уехавший с поручением в Декейтер.

В конторе Люка не оказалось, хотя над его столом горела висячая лампа. Молодой негр Саладин, совсем недавно произведенный в бухгалтеры плантации, корпел над грессбухом. Его красивый профиль цвета черного дерева резко выделялся на фоне выбеленной кирпичной стены конторы. Янси снова передумал и, не входя в контору Люка Джексона, пошел к себе. Саладин числился среди его давних друзей, но сегодня у него не было настроения общаться с ним.

На его памяти ни один раб в Селби столь быстро не поднимался так высоко. Янси до сих пор помнил, какая буря негодования прошлой весной разразилась в Округе Крей, когда Лорена Селби, даже не посоветовавшись с отсутствовавшим мужем, пристроила этого негра в конторе надсмотрщика... Несколько лет до этого в округе снисходительно похихикивали, когда старый судья Селби, известный диковинными идеями, сделал Саладина одним из своих протеже, а позднее преподнес его своей невестке в качестве свадебного подарка. В то время в Джорджии не ощущалось недостатка в белых бухгалтерах. Никому даже в голову не могло прийти, что однажды черный, как уголь, раб займется изучением бухгалтерских книг Селби лишь благодаря одному обстоятельству — надсмотрщик оказался слишком занят и неграмотен, чтобы справиться с подобным делом.

Доктор Янси решил не ломать голову над неопределившимся статусом Саладина и вошел в свою лечебницу. Это небольшое здание, обшитое вагонкой, располагалось между конторой Люка Джексона и хижинами. Поскольку в его прямые обязанности входила забота о здоровье трехсот полевых рабочих, врач плантации решил, что будет удобнее, если перевязочная и кабинет будут располагаться в пристройке. Здесь он мог оставаться на ночь на случай, если в хижинах кто-то неожиданно захворал или возникла угроза эпидемии. Здесь он хранил бренди, служившее ему утешением после наступления темноты уже столько лет, что он сбился с точного счета. Здесь хранились также книги и памфлеты, которые показались бы еретическими, если бы он выставил их на всеобщее обозрение в строгих комнатах Селби Холла...

После того, как врач полностью переоделся, отражение в зеркале говорило о том, что

его допустят на званый вечер Лорены. Янси немного перекусил на кухне Пурди, и его уже не волновало то обстоятельство, что он опоздал на ужин. В расписании дня Янси еда никогда не занимала важного места. Особенно если под рукой все еще можно было найти бренди и хорошие гаванские сигары.

Врач опорожнил первую рюмку бренди, пока завязывал широкий галстук. Готовясь к вечерней прогулке к хижинам, он взял сигару и, чиркнув шведской спичкой, в мыслях благословил Квентина Роули. Сейчас только брат Лорены мог доставить в Селби сигары, как и шелковое платье, которое она собиралась надеть сегодня вечером. Их, преодолев блокаду, привез один из контрабандистов, которого Квент нанял в Уилмингтоне. Такие предметы роскоши в это время считались дурным вкусом, ведь враг уже вторгся на землю Джорджии: спартанское пренебрежение к вещам, делавшим жизнь сносной, считалось обязательным среди твердолобых. Некоторым хватило ума отправить свою звонкую монету за рубеж.

Янси подумал, что Лорена выше подобного лицемерия. Со дня первого выхода одиннадцати штатов из Союза она отдала все, что смогла, делу Конфедерации. Сегодня ее муж проводил дома последний вечер, и она заслужила званый ужин. К тому же Лорена могла не обращать внимания на сплетни соседей и без страха сделать своего раба помощником надсмотрщика. Благодаря ее управлению во время отсутствия Брэда Селби, триста рабов и их потомство сегодня вечером спали в своих жилищах столь же спокойно, будто здесь все еще правил судья. Кто из землевладельцев в Округе Крей мог таким похвастать?

Хижины рабов располагались тремя полумесяцами в лощине позади скотного двора — они все сияли после побелки, новая кровельная дранка защищала крыши от осенних дождей. Двери и окна были закрыты на задвижки — необходимая предосторожность во время безлунных ночей, когда кругом сновали призраки. Натренированное ухо Янси не могло уловить никаких кошмарных звуков за дверями. Если не считать храпа уставших работников, других звуков, кроме хныканья новорожденного в хижине Большого Джодди, не было слышно. А пение жены Джодди уже начинало успокаивать ребенка.

Янси был бдительным пастырем: удостоверившись, что его паства находилась в безопасном загоне, он вернулся той же прочно утрамбованной дорогой, не завершив обхода. Сейчас все спали — даже жена Большого Джодди и ее последний отпрыск. У двери главного надсмотрщика Аякса слышался мощный храп, от которого, казалось, вот-вот заплывет крыша. Аякс сегодня заслужил отдых. Он был единственным главным надсмотрщиком в Селби, обладавшим привилегией носить свернутую вокруг шеи плеть, пока расхаживал целый день между рядами хлопка. То же можно сказать о плотниках-близнецах Касторе и Поллуксе, названных так по капризу старого судьи. На протяжении этих трудных военных лет они творили чудеса изобретательности, стараясь содержать Селби в порядке. То же относилось к гиганту из Мозамбика Прому (сокращенное имя от Прометея). Он стал лучшим сортировщиком хлопка в этих краях и лучшим после самого Аякса подборщиком и прессукладчиком на хлопкоочистительном заводе.

«Лорена, — думал Янси, — сделала все возможное, чтобы дать этим трем сотням работников нормальное существование, а также пообещала им, что смогла, и на завтрашний день». Возвращаясь к лужайкам, он снова взглянул на север. Смотри вверх множества крыш, он разглядел дорогу в том месте, где она шла вдоль берега реки к пастбищу, граничившему с плантацией Гринтри. Ноябрьские звезды служили вечными маяками над беспокойной рекой. Трудно поверить, что захваченная после упорных боев Атланта лежит

всего в каких-то тридцати милях за пастбищем. Или что завоеватели, стоявшие теперь за укреплениями города, лишь ждали приказа командования стереть с лица земли все, что составляло Селби.

Поднявшись на южный портик Селби Холла, Янси обнаружил, как трудно смириться с тем, что это уже настоящая угроза.

С этой стороны дом выходил на английские сады, начинавшиеся за бархатно-зеленым ковром лужайки. Вдали у Лебединого озера виднелся бельведер. За ним девственный сосновый лес скрывал дорогу на повороте в сторону Мейкона. Янси знал, что гордые деревья сохранены преднамеренно, чтобы все заметили вежу в богатой истории этой местности. Они занимали первоначальную четверть владений Селби. Еще в то время, когда Джорджия была необжитым местом, первый Селби валил здесь лес, чтобы поставить хижину.

В те дни эта земля также стала полем битвы. Пока здесь утверждалось первое поколение, кругом бушевали сражения с индейцами. Некоторые из более старых хозяйственных построек, ставшие реликтами, хранили следы пуль, хотя большинство набегов краснокожих миновало рождавшуюся плантацию. С самого начала Селби вели искусную торговлю — покупали землю у воюющих сторон, но не примыкали ни к одной из них.

Лорена впитала гениальное умение Селби отлично вести хозяйство, ее учителем был старый судья. Лорена первым делом хранила преданность этой земле, оставленной ее мужу судьей. Неужели она столь же успешно переживет и грядущую бурю?

Даже сейчас врач плантации не жаждал идти на званый вечер, он закурил вторую сигару и уселся на верхнюю ступеньку портика. Прислонившись спиной к колонне, он хмуро смотрел на происходившую в столовой сцену, напоминавшую пьесу без слов. «Вряд ли эта сцена нуждается в словах», — подумал Янси, рассматривая семь человек, сидевших вокруг овального стола. Собственно, он был рад тому, что застекленные двери заглушали голоса. Поскольку он на подобных ужинах не менее сотни раз сидел справа от Лорены, то мог по памяти воспроизвести большинство слов, которые обычно говорились в таких случаях.

Старый полковник Гамильтон в этот вечер сидел на стуле, который обычно любил занимать, — он представлял собой полную достоинства карикатуру на офицера, ушедшего в запас и облачившегося в гражданскую одежду. Пустой рукав сюртука составлял часть этого героического фасада — гордое свидетельство того, что Гамильтон потерял руку при Шило^[3]. Рядом с ним сидел один из лейтенантов Брэда; второй расположился напротив него по другую сторону обеденного стола. На молодых людях сверкали безупречные униформы, оба были как военные с фамильных портретов. Они оба ушли на фронт вместе со своими слугами, а потом приглушенными голосами проклинали Ричмонд и приказ мистера Дэвиса, запрещавшего пользоваться на поле боя такой роскошью. Крестonosцы Округа Крей являлись элитным войском, снаряженным на деньги Селби. Сегодня они шли в бой в домотканых одеждах. Но в запасе у них имелись парадные туники для торжественных событий вроде этого.

Брэдфилд Селби вальяжно восседал на месте хозяина, застывшая улыбка не сходила с его лица. Янси знал, что сюртук мужа Лорены скроен в Лондоне; отличная ткань сизого цвета и позолоченные иероглифы на высоком воротнике эффектно оттеняли его байроновскую внешность. Зритель на портике еще раз подумал, что Брэд так красив, что не может быть создан из плоти и крови: эти классические черты лица, словно на римской монете, казались высеченными на веки вечные. С этого расстояния оставались незаметны наметившиеся мешки под глазами — предательские полумесяцы, которые ясно говорили о

разгульных похождениях, какие только набоб плантации мог втиснуть в тридцать лет своей жизни. К тому же посторонний наблюдатель не угадал бы, что хозяин Селби, а таковым он был лишь номинально, пьян в стельку: Брэд держался хорошо, хотя и принял изрядное количество спиртного.

Квентин Роули сидел слева от своей сестры. Его вечерний сюртук тускло-черного цвета оживляла льняная ирландская рубашка с оборками и рубиновые запонки. Он казался стройным в сравнении с воинственными мужами. Когда он смотрел в их сторону, его губы искривлялись в снисходительной улыбке. Квентин чувствовал себя совершенно непринужденно и забылся в притворном флирте с супругой полковника. Клара отвечала ему с такой напускной скромностью, будто была еще совсем девочкой, хотя на вид ей можно было дать все ее пятьдесят.

И наконец, Янси решил обратить внимание на хозяйку. Одного взгляда на Лорену было достаточно, чтобы убедиться, что ее гости держат себя в руках и стычка Квента с Брэдом еще впереди. Сегодня вечером хозяйка Селби, правившая здесь не только номинально, выглядела как никогда прелестной и как никогда уверенной в себе. «Чарлстонские манеры дают себя знать, — подумал врач плантации. — Они помогли ей выдержать пять лет брака. Они помогут ей достойно провести сегодняшнюю вечеринку».

Ужин почти закончился. Пока Янси наблюдал, Лорена и Клара Гамильтон встали со своих мест, вздымая волны шелка кринолинами: когда обе покидали стол, казалось, будто они плывут, а не идут. Квентин Роули отбросил в сторону салфетку и поспешил раскрыть перед ними дверь в фойе. Но Брэд тоже вскочил, держа в руке рюмку. Гулким баритоном он произнес тост, отчего зазвенели подвески канделябра. Эхо его голоса долетело до портика.

— Друзья мои, вручаю в ваши руки Конфедерацию. А также ее красивых женщин, среди которых моя жена является достойным примером.

Гамильтон тоже поднял рюмку. Как и остальные адъютанты, он был в парадной форме и вытянулся по стойке смирно:

— За Конфедерацию и ее дам!

Квент и не собирался дотрагиваться до своего напитка. А Лорена, вернувшись к столу, взяла свою рюмку и высоко подняла ее. Этим она тоже бросила вызов обычаю: в Округе Крей большинство дам выслушивали комплименты, опустив глаза.

— За наших храбрых солдат и за сыновей, которые сэберегут будущее, ради которого сейчас умирают их отцы.

Янси тихо посмеивался, пока осушались рюмки. Он заметил, что слова Лорены сильно удивили Брэда. Всем было хорошо известно, что Селби Холл все еще не обрел наследника. Что означал тост жены — вызов или предзнаменование? Осторожно спускаясь с портика, врач плантации отмахнулся от этого назойливого вопроса.

Он задержался у застекленной двери, чтобы бросить последний взгляд. Дамы уже пересекли круглое фойе, они, словно нагруженный шелком караван торговых судов, выплыли из тени знаменитой винтовой лестницы в двойную гостиную, сумрачность которой рассеивали несколько стоявших ламп. В столовой четыре воина уже собирались приступить к портвейну и бренди. Если смотреть с этого угла, то сцена напоминала музейную диораму — праздновали время, которое больше никогда не вернется. Может, это была сцена из мелодрамы или одна из живых картин, столь дорогих сердцу сентиментального драматурга? Или заключительная сцена, после которой зрители рыдают всю дорогу до самого дома?

Поведение Квента Роули стало понятно наблюдателю с портика. Отказавшись выпить за

тост Брэда, он неспешно подошел к пианино, стоявшему в отгороженной части гостиной, и натренированными пальцами пробежал по клавишам. Музыка, заполнившая Большой Дом, звучала зловеще и приятно. Узнав тему Шопена, Янси понял, что циничный брат Лорены выбрал ее не без умысла. Это была третья часть Второй сонаты си-бемоль минор — похоронный марш усопших.

Может, сказывалась пародия на Шопена или всего лишь осенняя сырость начинала проникать в его кости, но Янси решил принять новую порцию бренди, а уж потом явиться перед гостями Лорены. Вернувшись в свою пристройку, где на столе лежал открытый дневник, он беспристрастно начал в нем писать:

«14 ноября 1864 года.

Вернулся с фермы Пурди в 9 часов вечера после того, как принял роды пятого сына Нэн Пурди, здоровяка весом в десять фунтов. У матери и ребенка отличное самочувствие.

Когда я приближался к Селби, густой туман начал подниматься над дорогой.

В хижинах все спокойно».

Врач плантации еще раз опрокинул рюмку. Спиртное стало необходимым лекарством в эти дни. Он постоянно думал о Лорене Селби и оценивал грозившую ей здесь катастрофу. После этой порции бренди смирение уже начинало вытеснять отчаяние. Пребывая в таком настроении, врач мирился с тем, что ему перевалило за шестьдесят и он ничего, кроме совета, не сможет предложить Лорене. От такой мудрости старика она заранее откажется.

«Нет никаких известий от Люка, отправленного на разведку дорог вокруг Декейтера. Вряд ли это имеет значение. Даже без всякой разведки я могу точно сказать, какие вести он привезет.

Если судить по поведению собравшихся на вечеринке гостей, можно подумать, будто противник все еще не покинул Вашингтон. Что это показывает — храбрость или глупость, а может быть и то и другое?»

Рина решила, что ее вечеринка удалась, несмотря на дурные знамения. (В имени «Рина» домашние рабы видели самое лучшее, и Лорена привыкла к этому сокращению). Даже Брэд вел себя хорошо, если учесть, сколько он выпил.

Ее немного расстроило появление Дяди Дока, как она с детства величала Янси, хотя тот и не приходился ей родственником. Поскольку она наперед знала настроение врача, ее не обеспокоил его неожиданный уход после тостов, которыми завершился ужин. Однако она обрадовалась, что больше никто не заметил его присутствия на портике. По-видимому, Дядя Док устал притворяться и слишком любил ее, чтобы обременять своей скукой. Он зайдет потом, когда под влиянием достаточного количества бренди ноги сами принесут его сюда.

Она также поняла зловещую музыкальную шутку брата: похоронный марш Шопена предназначался исключительно для ее ушей. Правда, супруга полковника сделала вид, что в паузах светского разговора подпевает этой мелодии, но у Клары Гамильтон не было слуха. Рина тряхнула головой, отмахиваясь от скрытого смысла этой шутки. Квент изо всех сил старался выполнить трудный пассаж и сделал вид, что ничего не замечает: ему было достаточно, что смысл кое до кого дошел.

Рина сдерживала свое недовольство и продолжала беседу с Klarой Гамильтон. Между ними шел разговор, уместный для гостиной в паузе между ужином и возвращением напыщенных джентльменов, раскрасневшихся от слишком большой дозы спиртного. В других случаях ей удавалось неплохо сыграть свою роль — сегодня вечером ей это оказалось не по силам. Устала она или нет, ей хотелось, чтобы Дядя Док пришел раньше остальных, хотя она и понимала, что тогда он, скорее всего, начал бы ругать ее за отказ покинуть Селби.

В конце концов, у него на это были все основания: она давно могла бы последовать его совету. Теперь, когда урожай лежал в Селби Холле, его хозяйка заслужила право отправиться на юг, хотя бы в Мейкон, и пересидеть там нынешний военный конфликт. Но пока она не собиралась трогаться с места. Гамильтоны, Рэндольфы и Бюэллы упрямо цеплялись за свои дома и надежды, чем Селби хуже их.

Длившаяся более трех лет война не причинила плантации ущерба: благодаря контрабандистам Квента, проникавшим сквозь блокаду, в бухгалтерских книгах плантации все еще значилась прибыль. Помимо культового тезиса, гласившего, что положение обязывает и что необходимо проявить храбрость под обстрелом, она не смогла воспротивиться побуждению разыграть удачу Селби до конца. Сейчас, когда Рина принимала мужа-воина, получившего увольнение, она вполне могла найти оправдание этой длительной и опасной игре. Вызов, который она бросила в лицо Брэда Селби, был продуман: ее тост заключал в себе призыв, чтобы он в эту последнюю перед отъездом ночь дал ей сына, которого у них до сих пор не было. Она не пожалела о своей дерзости.

Когда угроза солдат армии Севера станет неминуемой, она встретит это известие стойко. Пока Брэд спал под крышей Селби, она ни за что не признается в том, что их брак балансирует на грани пропасти. Или что сам Селби Холл, ставший центром ее мира, завтра может превратиться в руины.

В столовой звучали громкие мужские голоса. На фоне этой напыщенной полифонии Квент начал играть венский вальс. Клара Гамильтон на цыпочках танцевала с воображаемым партнером. Рина знала — торжественный пируэт ее гости предвещает, что

та отправится наверх, где начнет перебирать свой и так идеальный шиньон до последнего локона. Признав, что должна следовать примеру Клары, Рина удержалась от этого побуждения. На этот раз манерами можно было пожертвовать ради воспоминаний.

Ее брак начался на высокой романтической ноте. Где она впервые свернула с пути истинного?

Как ни странно, когда она встретила с Брэдфилдом Селби, играли тот же вальс. Тогда в Чарлстоне состоялся ее первый выход в свет в одном из знатных домов на Баттери. Брэд был в униформе первого полка драгунов Джорджии, когда пригласил ее на танец. «Хотя в стране войны нет, — пояснил он, — уже сформированы добровольческие полки южан в ответ на быстро наступавшее безвыходное положение». В ту ночь, когда его руки под вздохи скрипок обнимали ее во время танца, война казалась далекой угрозой. Давно у нее не было красивого и такого веселого партнера. В Чарлстоне за ним утвердилась слава завидного жениха — дебютантка не могла желать лучшего.

Это был брак по любви с первого дня — и хотя кое-кто из ее друзей называл его союзом противоположностей, все согласилось, что она сделала блестящий выбор. И дело не в том, что в умении вести себя Роули ни в чем не уступали Селби из Джорджии. Предки Рины были старейшими поселенцами в Северной и Южной Каролине. Как и многие шотландцы, они приехали сюда в конце 1600-х годов, чтобы принять участие в основании города Стюарт-Таун. Когда рейды индейцев заставили их вернуться в Чарлстон, они отличились в торговле. Лорена Роули происходила из рода успешных торговцев. Округ, где она родилась, являлся неотъемлемой частью Юга в той же степени, что и глиноземные акры Брэда.

Несмотря на происхождение, алхимия Эроса сделала свое дело в ту весну. Она чувствовала, что умрет, если Брэд Селби не сделает ей предложение. Однако когда отзвучал последний звук кадрили в том сезоне и предложение руки последовало, она обнаружила, что воспринимает его почти спокойно. В конце концов, она ведь была одной из Роули — ей полагалось воспринимать это как должное.

Даже тогда она знала, что Брэда привлекает ее сдержанность. В тот год в Чарлстоне можно было найти и более красивых девушек, но мало кто мог сравниться с живостью его характера и никто не мог превзойти ее по образованию или сообразительности. Неужели какая-то внутренняя слабость, неизвестная даже ему самому, тянула Брэда к ее сильным сторонам? К ее невозмутимой уверенности в том, что она сможет соперничать с ним не только по уму? Лорена помнила, как Брэд удивился, узнав, что она окончила духовную семинарию для молодых леди в городе Роли. Такое образование для женщин значило гораздо больше, чем его собственный пергаментный диплом Университета Виргинии. Как многие джентльмены Юга, Брэд Селби считал, что женщины, включая и жен, соединяют в себе качества королев и слуг. Они заслуживали, чтобы их лелеяли и... использовали, если в том возникала необходимость. Брэду было внове обнаружить, что у его невесты есть голова на плечах.

Лорена не сомневалась, что вначале он полюбил ее, полюбил по-своему. Может, несмотря на все свое насмешливое поведение, он все еще и теперь любит ее. Как ни странно, свадебное путешествие в Лондон и на континент оказалось утомительным. Она не осмеливалась задаться вопросом, почему так произошло.

Впервые приехав в Селби Холл, она приняла большую цепь с ключами от дома — это была часть ритуала, утвердившая ее в качестве хозяйки плантации. Отец Брэда, старый судья, все еще проживал по месту службы и твердо выполнял свои обязательства, хотя его здоровье

сдавало. С первого дня свекор сделал все, чтобы невестка была здесь желанной, ввел ее в новый круг обязанностей. Благодаря его доброжелательной твердости Лорена обнаружила, что способна хорошо адаптироваться к новой обстановке. Но оцепенение не отпускало ее до самого прибытия Дяди Дока из Чарлстона. Судья оказался другом, а не доверенным лицом. Она могла открыть сердце только перед мужчиной из собственной страны.

Во время ухаживания она рассказала Дяде Доку, что любит Брэда. Она твердила, что тот является верным рыцарем, Лохинваром^[4] с Запада (в Чарлстоне часть Джорджии, принадлежавшая Брэду, считалась чем-то вроде границы). Еще тогда она почувствовала опасения, которые ее слишком осторожный ментор не решился облечь в слова. Теперь она поняла, что Янси видел не только эффектную оболочку жениха, но и его суть хвастливого, не достигшего зрелости мальчишки, который так и не поймет, что настоящий брак требует взаимных уступок.

После того как Рина вернулась из свадебного путешествия, Дядя Док ради нее отказался от врачебной практики в одной из Каролин^[5] и стал доктором плантации в Селби. Ей не терпелось разобраться в своих невысказанных сомнениях. В день его приезда она ворвалась в лечебницу еще до того, как он успел распаковать сумку. Она не пыталась скрыть слезы, когда прижалась лицом к знакомому плечу, прикрытому истертой одеждой. Она настояла на том, чтобы он обошел вместе с ней новые владения, прежде чем открыто высказать все, что у нее накопилось на душе. Даже первый вопрос она задала не без запинки:

— Как ты думаешь, у меня здесь все хорошо получается?

— Лорена, даже лучше, чем тебе кажется, — ответил этот флегматичный человек, подняв брови, что напомнило ей о прежнем доме, и расплылся в улыбке, которую наполовину скрыла борода. — Надеюсь, встретив меня, ты проливали слезы радости.

— Тебя не проведешь.

— Девочка, хочешь мне рассказать обо всем?

Она справилась с трусливым желанием промолчать.

— Похоже, я наконец-то стала взрослой. Не могу же я вечно утомлять тебя своими невзгодами.

— Не взрослей слишком быстро. Хотя бы до тех пор, пока не решишь, что ты хочешь получить от этих Селби.

— Что я хочу, Дядя Док? И почему я хочу этого? Ответь на эти вопросы, и ты вылечишь здесь своего первого пациента.

— Упрямых невест за день не вылечишь, — ответил он. — Сначала самое важное. Я понимаю так, что ты не равнодушна к Джорджии.

— Я люблю ее. В Селби я с самого начала почувствовала себя как дома. Судья был сама доброта...

Если Янси и заметил, что она не упоминала имени мужа, то не не подал и виду.

— Ты предпочитаешь этот огромный особняк дому своей тети в Чарлстоне?

— Да, Дядя Док. Правда. Мне впервые удалось забыть, что я сирота, удалось почувствовать, что я впервые нахожусь так близко к живой природе. Кажется, что даже сама земля живет и дышит.

— Это богатая земля, если о ней заботиться, — заметил он. — Мне говорят, что судье Селби можно доверять. Понравится ли тебе здесь так же, когда наступит зима и мороз убьет все, что зелено?

— Селби переживет мороз и будет готовиться к весне.

— Так оно и будет. Все равно, что женщина, носящая в чреве дитя.

— У меня скоро будет ребенок?

— Думаю, тебе лучше знать. Я не был рядом с тобой во время медового месяца.

Рина почувствовала, что краснеет, но заставила себя ответить недрогнувшим голосом:

— Я молюсь, чтобы у меня родился сын. Только этого мне не хватает, чтобы почувствовать, что мое место здесь.

— Каждая невеста желает сына, — сказал Дядя Док. — По крайней мере, если она хочет оправдать обручальное кольцо. Конечно, одного желания мало. Сына еще надо суметь получить.

— И что же это должно означать?

— Только то, что миру для продолжения рода нужны разные женщины. Счастливые любят своих мужей по-настоящему. Любят настолько, что способны отдать нечто большее, чем только себя, когда ложатся в постель. Таких женщин ждут лишь радостные заботы — полный дом детей. Между прочим, большинство из них бедны, как церковные мыши.

— Бедны, но они достигли своего. Ты это хотел сказать?

— Чтобы добиться своего, надо платить определенную цену. Мой опыт говорит, что большинство из этих матерей умирают молодыми — от перенапряжения. Или, точнее, они умирают оттого, что слишком многим жертвуют.

— А остальные?

— Остальные из другой породы. Им дети нужны исключительно ради себя. Чтобы те заняли место мужа, которого жена перестала любить или даже стала ненавидеть.

Эти слова ранили ее в самую душу, но эта боль, как ни странно, была приятной. Впервые она ясно увидела, где у нее дела идут не так.

— Надеюсь, что я понимаю тебя, Дядя Док.

— Слишком не спеши, юная барышня, — сказал он, по-деревенски растягивая слова, чтобы те прозвучали не столь больно. — Ты ведь все еще невеста.

— Да, но дела принимают не совсем хороший оборот... — она густо покраснела, сообразив, что ей стало известно после этого разговора, и не знала, то ли плакать, то ли смеяться. — Ты старый дьявол. Подбиваешь меня на такие разговоры, хочешь, чтобы я потеряла скромность.

— Давай выкладывай все начистоту, — сказал он. — На этот раз не скрывай ничего.

— Разве замужество меняет женщину? Не приведет ли это все к боли и... отвращению?

— Только ты можешь в этом разобраться, — ответил он.

— Но я чувствую себя так, будто меня используют, — воскликнула она. — А я пока еще ничем не жертвую.

— Многие жены так себя чувствуют, — ответил он. — Другие быстрее набираются ума-разума. Разве ты не слышала, что любовь как раз такова, какой ее сделает женщина, а не мужчина?

Вспомнив поведение Брэда в большой хозяйской спальне наверху, когда он неожиданно, дико набрасывался на нее, после чего она оставалась беспомощной и испытывала невыразимый ужас, Рина закрыла глаза.

— Скажи, что ты имеешь в виду. Я теперь в состоянии слушать.

— Начнем вот с чего, Лорена. Тебе доводилось бывать в домах, где люди дают понять, что ты нежеланна. Разве это не типичное явление для множества браков после того, как

супруги оказались в спальне?

— Может быть. — Она не выдержала его пристального взгляда.

— Есть другие дома — ты еще не постучала в дверь, но тебя уже ждут, желают, и ты знаешь об этом. Ты чувствуешь, как счастье просачивается сквозь стены. Зная, что люди за ними счастливы, ты тоже счастлива.

— Значит, ты хочешь сказать, что я виновата?

— Я хочу сказать, что женщина должна планировать брак. И в некотором роде заслужить его. В Селби тебе еще предстоит его заслужить. Сейчас ты молода и напугана, накопилось много всего. Дальше все пойдет легче. Разве ты не спускала петли, когда впервые училась вязать?

— И не раз.

— Отправляясь в это свадебное путешествие, ты была самой умелой рукодельницей в Чарлстоне. Выйти замуж — все равно, что вязать: требуется практика. Конечно, есть и разница. Вязание следует по одним и тем же установленным правилам, какой бы пряжей ты не пользовалась. Но никто не изобрел верный шаблон, по которому пойдет брак.

— Разве практика не ведет к совершенству?

— И да и нет. Однако будь я на твоем месте, я бы стал вязать только в том случае, если бы у меня для этого появилось настроение. Теперь, когда ты устроилась на новом месте, думаю, ты больше не совершишь ошибок.

— Спасибо за доверие, — сказала она. — Я уже сейчас могу им немного воспользоваться.

— Доверие тебе не помешает, девочка, когда оно действительно понадобится. Что-то в твоей головке делает тебя непохожей на остальных представительниц слабого пола: поверь мне, я знавал разных женщин. Раз нет более приятного слова, я назову это силой воли.

Тогда она рассмеялась, пораженная тем, что может скрывать свои чувства за веселостью.

— Это плохо?

— Нет, если пользоваться ею умеренно, — ответил он. — И не выказывать ее своему мужу. Не сходить ли нам в Большой Дом? — переменял он тему разговора. — Посмотрим, что у них там в чулане.

— Ты имеешь в виду подвал, разве не так?

— Естественно, девочка. Ради чего же я последовал за тобой сюда? Мы вышли замуж за самый лучший винный погребок в Джорджии.

После своей исповеди Дяде Доку Рина почувствовала, что к ней вернулась часть былой уверенности. Настроение у нее значительно улучшилось, когда она догадалась, что судья Эндрю Селби, который начал с того, что признал ее невесткой, видно, сейчас смотрел на нее, как на хранительницу его владений и их будущего.

Брэд, как и подобало сыну и наследнику, заглядывал по установленному обычаю на хлопкоочистительный завод и на поля. Не без скуки и с нескрываемым презрением он ездил на аукционы, где покупатели из Мобила торговались из-за хлопка, которым едва успели засеять землю. Осенью он глядел через плечо бухгалтера, когда подводились итоги года и на счета Селби шли фантастические прибыли. Невестка скоро выяснила, что Брэд плохо соображает в делах и не способен вести скучные, но важные споры о цене. Это приводит к сокращению прибылей.

Рина сама всегда прекрасно разбиралась в цифрах и искренне интересовалась

экономикой плантации, стечением факторов, приведших к возникновению Селби Холла, и пыталась сохранить его прежнее величие. Она догадывалась, что судья Селби в течение всей жизни создавал это чудо. Но он умирал, хотя до самых похорон не признавал, что силы его ушли и дни его сочтены. Он не видел, в чьи руки можно передать все бразды правления.

Сначала она и не мечтала, что судья станет готовить ее для роли преемника. В первый год жизни на плантации она полагала, что дружеские и подробные наставления свекра идут от доброго сердца и он хочет помочь ей легче вписаться в здешнюю обстановку. Когда он начал приглашать ее на бартерные сделки с брокерами, давать ей просматривать бухгалтерские книги плантации вплоть до счета за ремонт гостевого крыла и списка новых негров, купленных им на рынке Нового Орлеана, Рина убедилась в серьезности его намерений. Судья Селби обнаружил, что у невестки на плечах голова прирожденного управляющего. Между ними уже не было секрета, что сын судьи — человек никчемный.

Скоро Селби Холл перейдет в наследство Брэду: это стало очевидно сразу после того, как Рина прибыла сюда невестой. Если молодая жена подарит Брэду наследника, род продолжится. Для этого было необходимо, чтобы дела плантации шли по заведенному порядку. В районе, охваченном кризисом, правлению Короля Хлопка ничто не угрожало: бесспорную способность Селби поставлять в тюках хлопок лучшего качества следовало сохранить при любых обстоятельствах. За два года до того, как первый снаряд упал на Самтер^[6], Лорена взяла на себя большую часть обязанностей, которые обычно полагалось выполнять мужу. Когда необъявленная война стала объявленной, она держала все в своих руках.

С помощью судьи она постигала тайны всего хозяйства. Исследовала все механизмы мельницы — начиная от большой каменной дамбы на реке до огромного черпакового колеса, которое намальовало зерна в таком количестве, что им можно было накормить каждого работника Селби, а также негров в Гринтри и Гамильтон Хандред. Во время уборки она изучала механизмы хлопкоочистительной машины и понимала каждую стадию отделения семян от хлопка. По мере того как Рина ознакомилась с работой плотницкой мастерской и кузницы, пекарни и коптильни, она поняла, что это огромное владение функционирует самостоятельно и что оно самодостаточно, если не считать импорта таких необходимых вещей, как литое железо и медикаменты на аптечные полки Дяди Дока. Или такие предметы роскоши, как изданные в Лондоне книги судьи в переплетах из телячьей кожи, или парижские украшения, отчего жизнь казалась красивой и богатой.

Одев под юбку высокие сапоги, чтобы защититься от гремучих змей, заползавших в борозды, Рина от рассвета до заката ходила по полям за надсмотрщиками, отдававшими приказания монотонными голосами. Она запоминала все в сложной последовательности выращивания хлопка: вспашку, засев, обрезание зеленой поросли, удаление травы и сорняков. Она наблюдала за разметкой поля, за появлением блестящих цветков странной формы, за ростом семенных коробочек. Смотрела, как они лопаются, обнажая свое снежно-белое содержимое, следила за сбором, очисткой от семян и укладкой хлопка в спрессованные тюки.

Не раз во время уборки Лорена шокировала судью тем, что трудилась рядом с его работниками — до тех пор, пока могла срывать падающее каскадами белое богатство также умело, как они, и набивать драгоценным грузом джутовый мешок, тянувшийся позади. Она знала, что этот каторжный труд можно точно измерить, лишь испытав на собственной шкуре, что такое каждый день честно работать на поле.

Она посещала хижину, пока не узнала и не запомнила каждую негрятенку и ее отпрыска по имени. В лечебнице она помогала Дяде Доку принимать роды. Она читала молитвы по умиравшим и усопшим, освоила тысячи других способов оказания помощи, обеспечивая на деле рабам Селби вполне сносную жизнь, а также такие удовольствия, как обильная еда и крыша над головой... Судья оказался строгим и справедливым надсмотрщиком. Требуя беспрекословного повиновения, он всегда уважал свою землю и людей, которые ее обрабатывали, будь они черными или белыми. Уважение стало первым принципом и в ее собственном своде правил.

Что же до Брэда, то он обращал мало внимания на такие абстрактные вещи, как прибыль или убыток. Или на необходимость серьезно подумать о надежном будущем, когда Юг откололся, решив фактически освободиться от тирании северян и стать отдельным государством. Всецело поглощенный своими делами, куда входила объездка, тренировка и уход за скаковыми лошадьми, прославившими имя Селби, он, похоже, не ведал о том, как отец трудится ради него и как жена всеми силами включилась в этот труд. В эти последние жаркие месяцы перед войной Брэд редко бывал дома. Поскольку он мастерски объезжал и тренировал скаковых лошадей, спрос на его услуги никогда не уменьшался. Когда открывался сезон скачек, он путешествовал с конюшней Селби, чтобы глазом знатока взглянуть на тренеров и жокеев.

Если эта деятельность оставляла ему мало времени на молодую жену, тем хуже. Как муж, он мог утверждать, что его совесть чиста. Он чуть ли не настаивал, чтобы жена сопровождала его в этих поездках, и страшно, но недолго дулся, когда та отказывалась. Во время первого выхода Джорджии из Союза и присоединения к Южной Каролине он произносил тосты и совершал круги победителя в Новом Орлеане. Когда умер его отец (это случилось через неделю после того, как войска Севера получили блестящий отпор в Вирджинии), он как раз этим и занимался.

С тех пор Рина управляла Селби не только фактически, но и номинально.

Брэд лишь для приличия возразил, когда она настояла на том, чтобы он подписал соглашение с синдикатом судовладельцев Квента. Этот флот, проникавший сквозь блокаду, располагал капитанами в каждом порту от Мобила до Кейп-Фьер, в соглашении точно оговаривалось, что флот доставит хлопок Селби в Нассау и английский Мидленд в обмен на равный дележ прибыли... С начала войны это был единственный вклад Брэда в дело. Он никак не мог понять, как Рина сумела удержать его рабов на земле, причем ни один из них не бежал по дороге свободы, или как она могла поддерживать Селби в столь прекрасном состоянии в трудное военное время.

В действительности она была рада тому, что он воспринял ее способности как нечто само собой разумеющееся, как и свое не прекращавшееся благополучие. Она особо гордилась, что его плантация, как и ее собственный дух, до сих пор находится на подъеме, в то время как петля Союза не на шутку затягивалась. Работа поглотила ее целиком, избавив от необходимости задумываться о будущем. Только одного не хватало: Селби Холл оставался без наследника, а в браке они жили уже шестой год...

Сегодня вечером, сидя на диване с притворной беспечностью в новом розовом кружевном платье, которое Квент специально привез ей из Парижа, Рина наблюдала, как пальцы брата бегают по клавишам. В детстве они с Квентом никогда не были близки. Потребовалось столкновение деловых интересов, чтобы им пришлось вспомнить о своем родстве и вытекающих из этого преимуществах.

Правда, иногда они ссорились. Как и Дядя Док, Квент набросился на нее за то, что она отказалась найти убежище в Южной Джорджии или во Флориде. Еще суровее он ругал ее за упрямую веру в плантацию и в Брэда. Именно Квент считал, что ей следует предоставить Брэда его судьбе, поскольку война явно проиграна. Брат не понимал, что она с радостью вложила одно состояние в брачные узы, потерявшие теперь ценность, а другое — в виде говядины и муки отправила в штаб Конфедерации. Она также не смела сказать брату о необходимости произвести на свет сына, которого требовал Брэд. Квент был софистом и холостяком. Брат никогда не поймет, что эта потребность в ребенке стала самой крепкой цепью, привязавшей ее к мужу, только это удерживало их брак на плаву.

Освободившись от старых печальных дум, Рина подошла к пианино.

— Я иду в контору надсмотрщика, — сообщила она. — Если Брэд спросит, передай ему.

Играя трудный аккорд, Квент не оторвал глаз от клавиатуры.

— Когда ты научишься не путать работу с удовольствием?

— Не сегодня... если ты настаиваешь на поездке в Мейкон. Я хочу, чтобы ты сегодня произвел наш окончательный расчет.

Брат перестал играть.

— Ты же не собираешься загнать Люка Джексона в угол раньше Брэда? Как раз вовремя могу спросить, привез ли уже Люк верные сведения об Атланте?

— Разумеется, ты хочешь этим вопросом о *верных* сведениях сказать, что Брэд не готов смотреть правде в глаза?

— Мы вместе с Брэдом учились в Университете. Даже тогда он не допускал, чтобы правда мешала его развлечениям. И сегодня он не изменился.

— Я обиделась бы на тебя, если бы у меня было время.

Квент улыбнулся и стал играть длинное траурное арпеджио.

— Лорена, я отпускаю тебя, каковы бы ни были мотивы твоего ухода. Только не оставляй гостей слишком долго одних.

— Я вернусь через пять минут, — ответила она. — Честное слово.

На портике ее плечи обнял холодный ноябрь, но она не стала возвращаться за палантин, который оставила на диванчике. Свежий ночной воздух тут же взбодрил ее, как и запахи, доносившиеся из промокшего от дождя сада. Зная, что совершает языческий ритуал, и убедившись, что никто за ней не наблюдает, она опустила на одно колено на тропинке и пальцами коснулась земли в клумбе цветов.

Как ни странно, этот ритуал тут же успокоил ее. Рина сейчас призналась, что она и земля Джорджии едины, что она и впредь будет служить этой земле до конца. Хотя Рина до сих пор оставалась бесплодной, этот красный глинозем принес еще один богатый урожай... Неужели есть хоть зерно правды в классической легенде о том, что мать земли Деметра может возродить всех тех, кто нуждается?

Брэд уедет завтра: он сообщил об этом за ужином. За последнюю ночь в Селби они все еще могли бы наверстать пять бездетных лет.

В рабочем кабинете Люка Джексона лампа ярко горела, освещая бухгалтерские книги. Рина взошла на крыльцо, понимая, что не сможет вернуться к Квенту, не предъявив ему доказательства, что ее ночная прогулка была оправданной. Когда позади источника света кто-то зашевелился, она, испугавшись, подалась чуть назад, потеряв на мгновение свое спокойствие, обретенное с таким трудом. Затем, убедившись, что это Саладин, она переступила через порог.

— Сал, мне жаль, что тебе приходится работать так поздно.

— Мадам, мастер Люк велел мне сегодня закончить все. Он говорил, что эти отчеты вам нужны к отъезду мастера Квентина. — Голос молодого негра звучал твердо: только пропуск отдельных звуков в словах выдавал его происхождение. Было трудно поверить, что до начала войны он работал в поле. Раздумывая над тем, правильно ли она поступила, так быстро повысив Саладина, Рина понимала, что у нее не оставалось выбора. Несмотря на цвет кожи, люди с хорошими мозгами в Селби ценились выше всего. Армия в Округе Крей забрала всех мужчин. Сал стоил трех Люков Джексон, когда дело шло о подготовке отчетов; он неутомимо задавал темп и на поле, и на хлопкоочистительном заводе. В отличие от него надсмотрщик напоминал терпеливого барана-вожака, державшего в подчинении работников, не внушая им личную преданность. Способности Люка были ограничены. Всякий раз хозяйка Селби убеждалась, что умственным возможностям Сала нет предела.

Сделав себе такое признание, она почувствовала некоторое недовольство и услышала, как из могил поднимаются голоса ее предков. Видно, белый человек рожден для того, чтобы заправлять экономикой плантации. Он создан для того, чтобы отдавать распоряжения, проявлять щедрость и, в конце концов, на свой манер играть роль бога. Она бросила вызов этому древнему принципу, когда допустила Сала, пусть даже в условиях военного времени, к своей бухгалтерии. Захочет ли он после войны снова взяться за мотыгу? Простят ли ему в округе то, что он явно на равной ноге общался, хотя и короткое время, с ее надсмотрщиком?

Рина задала этот вопрос в уме и склонилась над гробами, а раб находился у нее под рукой. Ее немного беспокоило то, что в его присутствии она не чувствовала ни малейшего напряжения.

— Все эти книги нам сегодня понадобятся в Большом Доме, — холодно сказала она. — Мистер Роули скоро возвращается в Уилмингтон. Он должен сверить наши транспортные накладные со своими собственными.

Город Уилмингтон, находившийся в штате Северная Каролина, был одним из портов сторонников Конфедерации, который оставался открытым во время блокады. Судоходный синдикат Квента перенес свои конторы туда и бизнес по-прежнему процветал. Но Саладин, как и она, знал, что хлопок, уложенный в тюки в Джорджии, больше не найдет выхода из Уилмингтона. Армия Шермана перерезала железные дороги, соединявшие Округ Крей с востоком через Атланту.

— Как мы отправим хлопок, мисс Рина?

— Мы не будем отправлять, — ответила она. — Я только жду случая, когда положение улучшится. Но мистер Роули должен точно знать, что у нас лежит на складе.

— Мадам, разве он не может продать его контрабандистам?

От последнего слова обоим стало неловко. Всем было известно, что брокеры северян, выступая впереди армий Союза, были готовы при молчаливом согласии начальников военной полиции запереть на всякие замки склады с хлопком в районах боевых действий. Хлопок, отмеченный таким своеобразным знаком, можно было продавать по цене, диктуемой армией, а затем перепродать его по истинной стоимости... Рина ответила не сразу. Видно, Саладин легко раскусил хитрости белых людей.

— Даже если подобные контракты не были бы запрещены законом Джорджии, — ответила она, — капитан Селби не разрешил бы делать это. Янки всегда будут нашими врагами. Мы никогда не сможем заключать сделки с ними. Если учесть, как они поступили с Югом.

Бывший раб робко опустил глаза, но его голос странным образом не выдавал робости.

— Мисс Рина, мы ведь раньше продавали Северу хлопок! Разве нельзя снова продать, раз война почти закончилась?

— Сал, сделки с контрабандистами совсем иное дело.

— Извините меня, мадам. Наверно, я это сказал, не подумав.

Рина отвернулась, озадаченная логикой этого вопроса. Она знала, что между собой негры только и говорили о том дне, когда обещанная им свобода станет действительностью. Саладин намеревался жениться на одной из ее домашних рабынь, красивой девчонке по имени Флорри, когда такие союзы станут законными. Рина уже почти согласилась на этот брак. Без Сала и его огромного влияния на работников она так и не смогла бы собрать весь урожай. Сейчас было трудно возразить ему прежними обветшалыми аргументами.

— Враг нас еще не победил, — машинально сказала она. — Мой муж убежден, что мы их выбьем из Джорджии.

— Возможно, так оно и случится, мисс Рина. Но с янки это будет нелегко.

Она покинула контору надсмотрщика с достоинством, и ее уход нельзя было назвать бегством. Только перейдя лужайку, она призналась, что оставила Сала, не дав ему ни одного честного ответа: любой ее ответ не мог бы обмануть даже ребенка. «Если за рабами останется последнее слово, — говорила она себе, — то твое дело точно проиграно». Поднимаясь по ступеням портика, Рина немного помедлила, прежде чем перешагнуть из реального мира в притворный.

В гостиной звучал звонкий смех Клары. Офицеры Брэда вышли из столовой и теперь нависли над диванчиком, почтительно заигрывая с женой полковника. Квент играл Моцарта — веселую пародию на армейский патруль, в которую все время врвался звук нелепой дроби барабанов. Эту очередную насмешку он предназначал только для ее ушей. Подпевая без слов одному отрывку этой мелодии и кутаясь в чарлстонские манеры, словно в накидку, Рина влетела в дом, чтобы снова быть вместе с гостями.

Брэд Селби глубоко вдохнул пары бренди и залпом проглотил остатки ароматного напитка. Во главе стола старый Гамильтон описывал тактику, которую он применил, чтобы застигнуть врасплох и почти уничтожить генерала Гранта во время Питсбургского десанта, будто стратегия той битвы без правил родилась исключительно в его голове. Брэд мог бы дословно повторить эти разглагольствования. Делая вид, что слушает, он чуть прикрыл веки. Не то чтобы он устал. В действительности он бодрствовал и дошел до той серединной точки опьянения, когда следующий шаг может обернуться соблазнительным приключением, но Брэд пока еще не решил, каким он будет.

Он был уверен, что войска выдвинутся завтра, но приказов из бригады еще не получал. Последняя ночь в собственном доме должна кончиться либо дракой, либо весельем, и выбор оставался только за ним. Как бы он ни решил, Рина не имела права жаловаться. Поменявшись местами с полковником, он сейчас смотрел в окна портика. Брэд заметил, как она вышла из дома и направилась к конторе надсмотрщика. Иногда он не сомневался, что интерес Рины к бухгалтерским книгам превзошел естественную преданность мужу. Или в том, что его жена, считавшая, что важнее ее больше никого нет, забыла о том, что он в десятке боев рисковал сложить голову ради нее.

За время этих вынужденных отлучек он дал ей слишком много власти в управлении Селби, опираясь на здравую теорию, что неразумно держать ее на коротком поводке. Он был готов признать, что для женщины она справлялась весьма неплохо. Но он ни за что не станет благодарить ее за то, что она всего лишь переняла методы его отца. И уж ни в коем случае он не согласится с ее предположением, что она навсегда взяла в свои руки бразды правления.

До сих пор status quo^[7] давал хорошие результаты, и Брэд не возражал. Он не обращал внимания на дошедшие до полка слухи, что жена фактически платит зарплату работающим в поле рабам и завела черного бухгалтера... Люк Джексон заверил его, что парень знает свое место. Брэд вряд ли мог винить Рину за то, что она воспользовалась самыми доступными средствами, чтобы удержать рабов на земле и собрать урожай. Однако все радикально изменится, когда Шермана вышвырнут из Джорджии и этим безумным разговорам о свободе навсегда будет положен конец.

Между тем ничего страшного не произойдет, если напомнить жене, кто здесь настоящий хозяин.

С каких это пор она решила, что может управлять плантацией столь же хорошо, как и он. Или что в хозяйственных делах она принимает даже лучшие решения, чем он? Занятый более интересными делами, он полагал, что на плантации все пойдет само собой и урожай принесет достаточно денег, чтобы хватило на развлечения молодости. Конечно, то обстоятельство, что Рина взяла все в свои руки, лишь побочное явление войны. Когда война завершится победой, он скажет ей, что все понимает, и, если она искренне раскается, простит ее. Сегодня он лишь преподаст ей предварительный урок, чтобы обиднее уколоть ее.

Дай бог, чтобы эти запоздалые военные приказы находились в пути; ему не терпелось начать новый поход. При этой мысли сердце у него забилось быстрее. Война и Брэд Селби с самого начала стали хорошими приятелями: он получал полное удовлетворение от любого служебного поручения, несмотря на проявленное упорство противника, отказывавшегося капитулировать после поражений. Поскольку завтрашний день означал новое прощание,

Рина явно будет ждать его у себя после вечеринки. В такое время проявление страсти мужем-воином — неписанный закон, но Брэд не подчинялся никаким законам, которые противоречили бы его настроению в данный момент. Сегодня, несмотря на бурное красноречие в конце ужина, он не испытывал позыва снова овладеть женой. В данный момент он был больше настроен ненавидеть, чем любить.

Он считал, что когда-то любил Рину, особенно во время бурного ухаживания в Чарлстоне. Лорена казалась очаровательным миниатюрным существом, она была стройна как чистокровная кобылка и так же горяча, несмотря на сдержанность, если вывести ее из терпения. Лорена Роули была лучше, чем тоник, который он употреблял во время каникул в Каролине. Она приносила ощущение разнообразия после пышнотелых красоток, терявших сознание в его руках, от случая к случаю вторгавшихся в его спальню и уверенных, что он изберет одну из них в качестве хозяйки Селби.

Естественно, даже чистокровная кобылка должна реагировать на неприятности семейной жизни. Во время свадебного путешествия он брал свою жену, когда ему того хотелось, как бы невзначай или грубо, в зависимости от того, как повелевало настроение. И это тоже являлось частью свода его правил поведения: как же еще доказать, что он муж, владелец, а она лишь хрупкий сосуд? Когда она не оправдывала его ожиданий, он не обращал внимания на ее слабость. Послушание — вот все, что мужчина в действительности хотел от хорошо воспитанной жены, и, в конце концов, сына, который продолжит его род. Ожидая, пока Рина подчинится этим разумным требованиям, он охотно предавался развлечениям на стороне.

Как только оба устроились на плантации, он, не теряя времени, возобновил связь с одной любовницей в Новом Орлеане. Вторую женщину для развлечений он держал в Мобиле; бывая в Атланте, он всегда выбирал лучших девочек у мадам Жули. Вполне естественно во время охоты на лис или когда скверная погода не позволяла выехать из Селби, он плодил свою долю отпрысков с негротянками, следуя традиционному *droit du seigneur*^[8] — обычаю, уважаемому с древних времен. Право же, не стоило прекращать такую приятную рутину лишь потому, что по брачному тотализатору ему досталась столь холодная жена.

Отдавая Рине должное, он видел, что ее обуревают глубокое чувство стыда из-за неспособности обеспечить Селби наследником. Во время нынешнего увольнения, он старался исправить это упущение. Не он виноват, что жена, которой очень хотелось зачать, оказалась бесплодной.

Слава богу, он нашел другие способы, как поддержать себя в хорошей форме, забыть раздражавшее его обстоятельство, что у них с Риной нет детей. Мало кто из офицеров его ранга мог бы сравниться с ним в храбрости. Он завоевал боевые почести в армии Северной Виргинии, у ручья Антиетам и при Геттисберге. Во время полуостровной кампании он во главе сотни отчаянных ребят совершил бросок через Чикахомини, чтобы создать угрозу штабу неприятеля. Как отмечалось в официальном рапорте, этот рейд убедил генерала Маклеллана, что его позиции непригодны для обороны, и принудил противника к отступлению... Брэд Селби столь высоко ценил самого себя (эту оценку его отец когда-то назвал монументальной), что упорно не признавал поражений ни в любви, ни на войне. Почему он должен сейчас поступиться своей гордостью и принять вызов, брошенный Риной за ужином? Он придумает, как более приятно завершить этот вечер.

Гулкий голос полковника Гамильтона перешел в откровенный, сильный храп. Герой

Шило заснул на своем стуле, его борода плавно вздымалась, словно иглы ленивого дикобраза. Едва хозяин наклонился, чтобы забрать только что открытую бутылку, как Гамильтон вдруг взмахнул рукой, словно во сне пережил мгновение былой славы. Осторожно встав из-за стола, Брэд Селби зажал бутылку под мышкой и выскользнул из комнаты.

Выйдя на портик, он старался держаться подальше от ряда застекленных дверей, которые вели в первую половину длинной двойной гостиной.

Вечеринка Рины шла полным ходом: об этом свидетельствовали звонкие голоса. Осторожно заглянув внутрь и увидев, что Янси наконец-то присоединился к другим, Брэд не обнаружил желаний оказаться среди них. Чего стоил один Квент Роули! А Квент и Дядя Док вместе составляли пару противников, на которых он больше не мог спокойно смотреть — по крайней мере, без двух дуэльных пистолетов и сознания, что он обладает полной свободой убрать их с дороги.

Ночной воздух ударил ему немного в голову. Остановившись в тени, он покачивался и поддерживал себя, облокотясь о ближайшую колонну. Он видел, что Янси говорит без умолку с Кэлом Ламбертом, тыча в лейтенанта пальцем, чтобы довести свои слова до его сознания. Когда врач плантации принимал в своей лечебнице непомерное количество бренди, он уже не мог держать язык за зубами. Сейчас он доказывал при помощи своей сумасшедшей логики, что Англия никогда не признает Конфедеративные Штаты Америки и что обещанное вмешательство мексиканского императора Максимилиана тоже плод фантазии — короче, эта освободительная война окончательно проиграна... Надо признать, в штабе все судачили, что Шерман безнадежно растянул линии снабжения во время взятия Атланты. Вторгшихся можно было бы раскромсать, стоило только прорвать эту линию. С учетом бездарности Гранта, проявленной в Виргинии, такого поражения было бы более чем достаточно, чтобы чаша весов качнулась в другую сторону.

На мгновение Брэду очень захотелось крикнуть, чтобы этот человек, подошедший к грани предательства, заткнулся. Этот парень был близкой родней Рины, и только по этой причине его терпели в Селби. Однако лояльность жены к прошлому должна иметь свои границы. Когда он вернется домой навсегда, то отправит старого идиота восвояси... «Сегодня, — угрюмо подумал он про себя, — Янси вполне может выиграть словесную дуэль у Ламберта».

Нетвердой походкой он спустился с портика, остановился у последней из застекленных дверей. Если не считать того места, где горела одинокая лампа, вторая половина гостиной погрузилась во мрак. Раздвижные двери, отделявшие ее от этой половины, были закрыты. «Еще один результат правления Рины», — подумал он: считалось непатриотичным напрасно жечь свечи в военное время, даже если фитили в ламповом стекле были пропущены через сало Селби... В дни судьбы Большой Дом на вечеринках сиял, словно утреннее солнце. Если бы приказания отдавал сын судьи, сейчас каждая комната светилась бы точно так же.

В дальней стене отворилась дверь в кабинет судьи: вторая лампа в консоли, прикрепленной над П-образной полкой, осветила высокие книжные шкафы. После отъезда Брэда Рина сделала эту комнату своим личным пристанищем: здесь она хранила собственные записи о делах плантации. «Ей было бы поделом, — подумал Брэд, — если бы он вернул себе это святилище отца и устроился бы здесь до утра с тем, что осталось в бутылке». Поколения Селби спали внизу, не снимая сапог, когда винтовая лестница в фойе оказывалась слишком опасной для восхождения. Сегодня вечером хозяин дома последует

этому обычаю.

Брэд уже собрался пересечь затемненную гостиную, как застыл от удивления, когда в кабинете загорелась еще одна лампа. Флорида, одна из домашних рабынь, мелькнула в дверях со свечей в руках: поскольку свет горел позади нее, рельефно очерченная пышная фигура девушки являла собой приятное зрелище. Он и прежде замечал, как Флорри с наигранной скромностью занималась своими обязанностями, соблазнительно покачивая бедрами, что было весьма интересно, поскольку она делала это без всякой задней мысли. Он продолжал наблюдать за ней, не выдавая своего присутствия. Брэд уже не первый раз мысленно легко раздевал ее, будто очищал кукурузу от шелухи.

Брэд подумал, что ей лет шестнадцать, самое большее семнадцать. Поддавшись знакомому тайному чувству, он приблизился к двери, чтобы поближе рассмотреть эту оставленную без внимания красоту и застыл со злым взглядом, когда заметил, что Флорри не одна. Видно, она вошла в кабинет, чтобы осветить дорогу своему спутнику с бухгалтерскими книгами, который сразу опустил на стол первую стопку из рук.

Даже в сумрачном свете Брэд узнал в этом человеке Саладина, раба, которого Рина перевела в контору надзирателя. Сейчас Брэд не мог поверить, что тот осмелился войти в Большой Дом. Пристально наблюдая за этой парочкой, Брэд заметил, что Флорри явно напряглась от тревоги: девушка знала, что Саладин переступил границы, ведь только домашним рабам разрешалось входить и выходить из дома судьи.

Это нарушение приобрело дополнительный смысл, когда он вспомнил еще одну новость: только вчера Люк Джексон говорил, что Сал откровенно поведал ему о своем намерении жениться на Флорри, когда армии Союза выполнят обещание Линкольна об эмансипации. Брак между неграми в Селби был неслыханным делом, если не считать тех немногих рабов, которым даровали свободу. Даже если Рина хотела сделать исключение, ей надо было посоветоваться с ним, настоящим владельцем Флорри. «Флорри, — подумал Брэд, — все еще остается его собственностью, и он волен поступить с ней как пожелает».

Оба раба еще не почувствовали его присутствия. Когда он заговорил, его голос прозвучал, словно удар плети:

— Парень, что это значит?

Флорри обернулась так резко, что едва удержалась на ногах. То же произошло с помощником Люка Джексона. Стоявшие рядом при ярком свете ламп кабинета, они являли собой резкий контраст. Девушка была светлой квартеронкой, цвет ее гладкой кожи напоминал кофе с молоком. В каждой черте Саладина сохранились следы Африки — он был грациозен, как пантера, к тому же, наверное, из лучших представителей своей нации. Брэд спокойно сделал это сравнение и пожал плечами, соглашаясь с реальностью. Быть может, потом он размножит их ради сохранения потомства.

— Отвечай, черт бы тебя побрал! — заорал он. — Что раб с плантации делает в моем доме?

Чернокожий, наконец, заговорил твердым голосом, не опустив головы:

— Я больше не раб с плантации, мастер Брэд...

— Ты хочешь сказать, что я лгу?

— Нет, сэр. Не хочу...

— Я хорошо знаю своих работников, — протянул Брэд. — Выйди на середину, парень. Давай-ка, взглянем на тебя.

Сал тут же повиновался приказу: Брэд с удовольствием заметил, что его руки судорожно

вцепились в оставшиеся бухгалтерские книги. Флорри, закатив глаза, прижалась к стене гостиной. Наслаждаясь страхом, который он вселил в обоих, хозяин Селби забрал из ее руки свечу, зажег свечи на каминной полке, достал трость, которая лежала под скрещенными ружьями его отца. Когда Брэд заговорил снова, он легко коснулся щеки Саладина свинцовым наконечником трости.

— Как тебя зовут?

Этот вопрос, конечно, был излишен и Брэд задал его, улыбаясь. Он видел, что негр догадался о его цели — получить от него ожидаемый ответ.

— Я Сал мисс Рины, капитан. Мастер судья преподнес меня ей в качестве свадебного подарка.

Трость опустилась на щеку Сала. Это был проверенный удар, достаточно сильный, чтобы остался рубец, но не выступила кровь.

— Не рассказывай мне того, что я и так знаю. Я же задал тебе вопрос — чем ты сейчас занимаешься здесь?

Сал принял удар, не дрогнув. Брэд внимательно наблюдал за ним, готовясь ударить сильнее, если заметит хоть малейшее недовольство в глазах чернокожего.

— Мисс Рине понадобились ее книги, капитан. Я принес их. Она не против...

Трость снова опустилась, и на второй щеке появился рубец.

— Я против, Сал. Ты запомнишь это в следующий раз?

— Запомню, капитан.

— Я вижу, что запомнишь. А теперь вон отсюда!

Приказ прозвучал, словно удар грома. Когда Сал опустил голову в знак повиновения, Брэд бросил трость.

— Возьми книги, Флорри, — приказал он. — Положи их на письменный стол кабинета. Я взгляну на них позднее.

Квартеронка выхватила оставшиеся книги из рук Сала: при этом она бросила на него умоляющий взгляд, в котором читались и любовь, и страх. Брэд продолжал пристально наблюдать за ними. Видно, Сал надеялся, что ему позволят уйти вместе с Флорри; когда негр не выказал желания уходить, пальцы Брэда начали поигрывать с кобурой, висевшей на ремне. Он пожалел, что оставил револьвер наверху. Он стрелял в рабов и раньше, чтобы укрепить дисциплину, стараясь лишь ранить, а не убить их. Здесь так было заведено, и Сал знал это не хуже его.

— Я же велел тебе, парень, убираться отсюда. У тебя плохо со слухом?

— Нет, сэр. Я ухожу.

Эти небрежно произнесенные слова прозвучали почти как пародия, но Сал, наконец-то, прошел в застекленные двери. Он остановился в них и, посмотрев на Брэда, слился с ночью. На мгновение Брэд подумал, не вернуть ли его, чтобы учинить порку, которую тот явно заслуживал: после такого оскорбления Сал легко отделался. Затем он передумал и опустил в кресло лицом к открытой двери кабинета.

Сал уж точно ошивается поблизости в темноте. Найдется способ наказать его как следует за то, что тот возомнил, будто у него в голове есть мозги. Или за то, что в этих мозгах затаилось побуждение, хотя и смутное, способное нанести вред хозяину.

В кабинете Флорри уже раскладывала на столе последние бухгалтерские книги. Она слишком тщательно выполняла это незначительное поручение, стараясь не показать свой страх. Лицо Брэда расслабилось при этом зрелище: теперь, когда хозяин дома решил, как

поступить дальше, он почувствовал себя на десять лет моложе.

— Флорри, принеси мне сигару, — приказал он. — В шкафу лежит коробка.

Он заговорил ласковым голосом, когда его рот перестал дергаться от злости, улыбка, искривившая его красивые губы, стала благосклонной. Девушка вышла из кабинета, неся в одной дрожавшей руке гаванскую сигару, а в ладони другой протянула шведскую спичку. Он взял сигару, кивнув в знак благодарности, понюхал ее, затем запихнул в рот.

— Разве мистер Селби не научил тебя, как зажигать спичку?

— Мастер Брэд, я боюсь спичек.

— Они не причинят тебе вреда, — ласково успокоил он.

— Не надо, мастер Брэд!..

Он посмотрел в ее пустые глаза и заметил в них страх. Никто из них не заговорил, пока она неловко возилась со спичкой, наконец, зажгла ее и поднесла к концу сигары. Брэд взял ее за запястье, чтобы пламя не дрожало, глубоко затянулся и не спускал с нее глаз, как охотник, собирающийся прикончить раненую лань.

— Когда ты освободишься от работы? — спросил он.

— Сейчас, сэр. Я уже собиралась уходить.

— Ты спишь в хижине?

— Нет, сэр. Сейчас я живу внутри.

— В комнате за кухней?

Флорри кивнула, у нее от страха выкатились глаза.

— Иди туда и жди. Я приду к тебе.

— Мастер Брэд, это ваша последняя ночь в Селби. Разве мисс Рина?..

— Ты видела, с чем ушел раб с плантации, — мягко сказал он. — Хочешь получить то же самое?

Она ушла, чуть волоча ноги, как раненая лань. «Это сравнение, — подумал Брэд, — сейчас ей очень идет». Налив себе еще бренди, он унес рюмку и бутылку в кабинет — он знал, что Сал из темного сада наблюдал за его разговором с Флорри, и остался доволен этим.

Ярко освещенный кабинет судьи пришелся ему не по вкусу, он погасил лампу на столе и уселся на длинном диване, набитом лошадиным волосом. Солдату всегда приятно знать, что между боями найдется, где отдохнуть. Покончив с Флорри, он проведет остаток ночи здесь. Он ляжет, не снимая сапог, и будет готов отправиться в путь сразу после того, как получит приказ.

Сал стоял в тени самшитов и в беспомощном оцепенении наблюдал горящими глазами за кабинетом. Он видел, как Флорри вышла из Большого Дома и начала огибать западное крыло. Он не слышал слов, наблюдая за сидящим в кресле капитаном Селби, но их смысл и так был понятен, как и неохотное согласие напуганной Флорри. Только когда она оказалась вне опасного радиуса света с портика, он вышел ей навстречу.

— Флорри, погоди!..

Она бросилась в его объятия и излила свой ужас в слезах.

— Сал, я хочу умереть. Я хочу умереть и рассыпаться на маленькие кусочки!

— Он ведь знал, что я буду смотреть, разве не так?

— Сал, лучше бы ты этого не делал.

— Слушай меня, — сказал он. — Когда он постучит, поверни ключ в замке и оставь его в таком положении.

— Сал, в комнате черной девушки нет замков.

— Бог мне свидетель, я его когда-нибудь убью!

Когда эти слова слетели с его уст, он не поверил, что произнес их. Однако после того как он сказал их, как ни странно, ему стало легче: он даже улыбнулся, видя, что Флорри затаила дыхание.

— Не говори так, Сал! Мастер Брэд выпорет тебя...

— Время, когда Мастер Брэд может пороть, подходит к концу, — сказал он. — Он сейчас не имеет права обижать тебя.

— У него есть все права. Разве я не его собственность?

— Рабство осталось в прошлом...

— Только не на плантации Селби...

Сал отошел от нее и прошелся среди затемненных деревьев самшита, сжимая кулаки в бессильной злобе.

— Иди, скажи об этом мисс Рине, — посоветовал он. — *Она* остановит его.

— Сал, ты ничего не понимаешь. Мисс Рина тоже принадлежит ему. Белая кожа, черная кожа — какое это имеет значение?

Сал заговорил не сразу. Она сказала правду, но он мог возразить на это своей правдой.

— Да, он владеет ею... сейчас, — тихо сказал он. — Не забудь, что Селби тоже принадлежит ему. Но он не заработал Селби. Эту плантацию держит мисс Рина. И если она не будет заботиться о плантации, то все здесь завтра погибнет.

— Забудь о завтрашнем дне, — упрямо возразила Флорри. — Важно то, что происходит сегодня. Сегодня я сделаю, как велит мастер Брэд, и мисс Рина тоже сделает, как он скажет. Она точно такая же.

— Флорри права, — заметил новый голос. — Жизнь научила ее мудрости. Не спорь с ней.

Сал обернулся и облегченно вздохнул, когда в темноте увидел светлую фигуру врача плантации.

— Доктор Янси, что вы слышали? — хриплым голосом спросил он.

— Достаточно. Сал, лучше возвращайся к себе. И оставайся там до тех пор, пока капитан Селби не уедет.

Сал бросил взгляд на Флорри, которая кивнула, соглашаясь со словами врача, и заметил, что она почти обрела прежнее спокойствие.

— Доктор, это несправедливо. Вы это знаете.

— Кто говорит о справедливости? Это закон.

— Я хочу жить сам по себе, а не как собственность белого человека. Сколько мне еще придется ждать?

— Сал, судя по тому, как идут дела, — не очень долго. А сейчас надо помнить лишь об одном: достичь мира гораздо труднее, чем выиграть войну.

Янси повернулся сперва к одному негру, потом к другому, указывая пальцем на каждого. Сал слышал, как он читал такие нотации в своей лечебнице, давая слабительное и советуя, когда отнимать ребенка от груди. Так же он успокаивал Большого Джодди, пока вправлял тому руку, сломанную во время столкновения с Брэдом Селби.

— Разве мы не имеем права сопротивляться?

— До тех пор, пока закон на его стороне, не имеем права. Посмотри на Флорри. Она это понимает.

— Разве она должна ждать его, как он ей приказал?

— Да, Сал. Вероятно, такой приказ он отдает в последний раз.

Флорри уже направилась к крылу дома, где находилась кухня. Янси взял руку Сала, собиравшегося остановить ее. Это движение привело Сала в чувство.

— Доктор, наверно, вы правы, — сказал он, смирившись с неизбежным. — Мы сейчас бессильны.

Сал ушел бы, ему ни минуты больше не хотелось смотреть на сверкавший Большой Дом, ибо тот зримо напоминал о его позоре, но Янси еще не закончил свое нравоучение.

— Сал, давай посмотрим на это вот как. Ты здесь сила, реальная сила и останешься таковой навсегда. А такая сила означает ответственность.

— Вам виднее, доктор.

Это правда, негры слушались Сала, когда он проповедовал терпение. После того, как мисс Рина сделала его кассиром, негры оставались в своих хижинах и никуда не бежали. Сал знал, дело не только в том, что она, нарушая обычай, платила им зарплату. Он тоже поддался подобным уговорам и стал живым подтверждением того, что на Юге есть белые, не считавшие негров животными.

— Завтра они будут слушать внимательнее, — сказал Янси. — После того, как ты станешь свободным. Тогда мисс Рине действительно понадобится помощь, чтобы держать рабочую силу в послушании. Только подумай, что она сделала для тебя. Разве ты не можешь отблагодарить ее за это?

Сал мог лишь склонить голову, слыша столь мудрые слова. Мисс Рина в буквальном смысле слова превратила его из раба в человека: не ее вина, что он пока не может сбросить свое ярмо. Это правда, ей отчаянно понадобится помощь, когда наступит мир. Для подготовки земли к первому послевоенному урожаю потребуется огромное количество рук. Люку Джексону не удастся набрать столько людей, хотя он и умел руководить ими на поле. К тому же надсмотрщик не справится с бухгалтерскими книгами и не сможет найти способ, как закончить год с прибылью. Сал вышел из своих раздумий, поняв, что в них не осталось места для Брэда Селби. «Проблема капитана должна разрешиться, — убеждал он себя, — сама по себе, когда обещанная свобода станет действительностью».

— Доктор Янси, я буду вести себя тихо, — пообещал он.

— Тогда я буду спать со спокойной совестью, — ответил врач плантации. — Иди в свою хижину и не шевелись, пока не прозвучит утренний колокол.

Врач пошарил в кармане и вытащил одну из своих круглых коробочек с пилюлями — в хижинах она воспринималась почти таким же символом власти, как надсмотрщик Аякс, никогда не пускавший в ход свою длинную плеть. Или волшебные бусы, спрятанные в скважине над дверью хижины, куда приверженцы Библии ни за что не догадаются заглянуть... Сал сдержал слезы, которые застилали ему глаза. Какой толк думать о плетях и волшебных бусах, когда он стоял на пороге другого, лучшего, мира?

— Проглоти вот это, — сказал Янси. — И ты будешь крепко спать.

— Доктор, я буду спать и без пилюль.

Однако, закрыв дверь хижины, он обнаружил, что легче дать слово, чем сдержать его. Десятки раз он вздрагивал, слыша шаги на улице, и обнаружил, что во время тревожного сна мечтал о возвращении Флорри. Однажды, совсем забывшись во сне, он вообразил, будто своими руками схватил капитана Селби за горло. Он улыбнулся и основательно встряхнул обмякшее тело капитана, чтобы убедиться, что тот мертв.

Пока сновидения шли своим чередом, он погрузился в настоящий сон, гордясь тем, что отказался принять лекарство доктора. Сегодня лишь во сне он мог отомстить за Флорри. «Настоящая расплата наступит, — горячо убеждал он себя, — еще до того, как жизнь Брэда Селби придет к естественному завершению».

Когда доктор Янси с большим опозданием явился к Большому Дому, веселье достигло кульминации: только натренированное ухо уловило бы фальшь в бахвальстве мужчин или тембре женского смеха. То обстоятельство, что полковник Гамильтон продолжал храпеть над рюмкой своего бренди, оставалось незамеченным, как и отсутствие Брэда... Теперь, загасив свою последнюю сигару и наблюдая, как Сал, пожав плечами, уходит, врач плантации почувствовал, что вечеринка Рины наконец-то близится к концу.

Все дело в интонациях, в паузах после остроумных ответов: даже с портика он смог во всем отлично разобраться. Гости Рины реагировали так, как и должны, понимая, что ночные свечи оплывают, запас веселья и комплиментов иссякает. Уверая себя в том, что он уже внес свой вклад, Дядя Док осторожно обошел освещенную часть дома и направился к опустевшей половине двойной гостиной.

Он точно знал, где в этот час надо искать хозяина Селби. Дело не в том, что такая встреча доставляла ему удовольствие, но Брэд заслужил несколько словесных пощечин.

Столкновение хозяина и раба, свидетелем которого он только что стал, завершилось легкой победой хозяина. Брэд применил все виды оружия; он использовал их с вызывающей легкостью. Позднее наступит очередь более жестких столкновений. Никто не осмелился бы предсказать их исход. Никто не мог предвидеть, как Лорена, оказавшись между двух воюющих сторон, могла бы избежать неприятных последствий.

Наблюдая за ее затянувшейся дуэлью с Брэдом, Янси старался оставаться беспристрастным судьей. Сегодня вечером он мог сказать себе, что Лорена заслуживала победы, хотя столкновение обернулось против нее с самого начала и обещало явно мрачные перспективы. Лорена проявила себя земной женщиной, созидающей изобилие. Брэд оказался пережитком прошлого, от его прикосновения погибало все. Представляя лишь чрезвычайно малую часть Юга и его культуры, он и подобные ему стали теми гнилыми яблоками, которые портили всю бочку.

В том, что их брак оставался без наследника, проявилась определенная справедливость. Бесплодие все же было свойственно породе мужчин вроде Брэда, несмотря на то, что они с завидным постоянством плодили отпрысков в негритянских хижинах... Одна бесспорная истина оставалась в силе: Лорена сможет оправдать брачный союз, лишь родив наследника Селби. Казалось весьма вероятным, что после завтрашнего ухода Брэда она останется неоплодотворенной. Еще более вероятным казалось то, что Селби в конце года будет лежать в дымящихся развалинах. Как хозяйка плантации сумеет выжить без работы, державшей ее на плаву, без ребенка, способного заменить любовь мужа?

Когда Янси открыл дверь кабинета, Брэд лежал на диване. Судя по всем внешним признакам, от избытка бренди он погрузился в нирвану; однако он тут же занял сидячее положение, услышав шаги у двери. С открытыми глазами он казался почти трезвым. Складывалось впечатление, что перед вами джентльмен с Юга с безупречными от рождения манерами, человек, способный крепко выпить и на рассвете, распевая песни, отправиться в путь, готовый охотиться на лисиц или убивать янки.

— В следующий раз, — сказал Брэд, — проявите вежливость и сперва постучите.

Янси удобно устроился на вращающемся кресле за столом.

— Знакомство с бухгалтерскими книгами, наверно, оказалось для вас тяжким делом?

Хозяин Селби кулаками протер глаза и прогнал сон.

— Янси, не дерзите. Смотрите, как бы не перегнуть палку.

— Познакомьтесь с этими цифрами еще раз, — сказал врач плантации. — И вы увидите, что прибыли отмечены черными чернилами в положенных местах. На вашем месте я восхищался бы таким чудом.

— Я все еще не понимаю, откуда у нас взялась прибыль.

— Хвалите жену за это и контрабандистов вашего шурина. Разве не пора признать, что Лорена отличный управляющий?

— Охотно признаю, — ответил Брэд. Он поднялся с дивана и поправил полы красиво скроенной туники. — Не скрою, это меня вполне устраивает.

— Лорена не первая жена, которая успешно занимается делами мужа, пока тот носит униформу.

— Она управляла плантацией еще за два года до Самтера.

— Вините в этом капризы вашего отца, ведь вы чаще всего бывали в отъездах.

— Вы снова завели эту старую песню?

— Возможно и так, но в другой тональности, — ответил Янси мягким тоном, резко контрастировавшим с его словами. — Конечно, я не виню вас в том, что вы транжирили наследство отца так, как считали нужным. По крайней мере в то время, пока еще можно было охотиться на лисиц и драться на дуэлях, а креолки ждали вас в Новом Орлеане. Вы мастер в таких делах. Лорена охотно давала вам деньги после того, как умер судья. В браке заключались сделки и похуже.

— Только не говорите мне, что я должен пойти Рине навстречу, — ответил Брэд. — Это еще одна мелодия, которая мне уже надоела.

— Это ваша последняя ночь здесь, — заметил Дядя Док. — Разве вы не могли остаться трезвым?

— Я трезв, черт подери!

— Вы достаточно трезвы, чтобы понять, что горе убьет вашу жену, если вы сегодня к полуночи не придете к ней.

— Старый греховодник, к чему вы клоните?

— Мне надо вам подробно объяснить?

— Янси, идите к черту. Разве я виноват в том, что Рину оплодотворить труднее, чем норовистую кобылу?

Мгновение оба напряженно смотрели друг на друга: снова Дядя Док признал, что заранее проиграл спор.

— Вы прекрасно жили во время этой войны, — сказал он. — А что если удача отвернется от вас? Разве вы не были бы счастливее, если бы появился наследник?

— Конечно, был бы. Больше всего в этой жизни я хочу сына. Разве я виноват, что Рина не может ожеребиться?

— Может быть виноваты. Как и во время прежних увольнений, вы и на сей раз не обращаете на нее внимания.

— Вы хотите сказать мне в лицо, что я ублюдок? — заорал Брэд.

Дядя Док сдержался.

— Нет, Брэд. В Селби ублюдки либо очень черного, либо очень желтого цвета кожи. Вы, к сожалению, законнорожденный.

— Что вы этим хотите сказать?

— Ничего. Просто хотелось проявить остроумие, но мне это не удалось из-за отсутствия слушателей. Что же касается Рины, она хорошо подготовлена к вдовству. Она спокойно переживет вашу смерть, если нам посчастливится увидеть вас мертвым.

— Янси, это уже слишком...

— Вполне достаточно, — согласился Янси. Он поднял голову, увидев, как у двойной двери, разделяющей обе гостиной, появился силуэт. — Идет ваш надсмотрщик. Его отругайте ради разнообразия.

Оба умолкли, пока Люк Джексон закрыл двери и, прихрамывая, направился к кабинету. Надсмотрщик плантации был высокого роста с лошадиным лицом землистого цвета. Выражение этого лица не было насмешливым, а вопреки сельской традиции оставалось мрачным. Хромота, появившаяся в результате чуть не закончившейся фатально встречи с возбужденным быком, похоже, стала неотъемлемой частью его неуклюжего облика. Люк мог позволить себе обойтись без принятых манер и только кивнуть гостям, проходя через дом. Не успел он заговорить, как Янси понял, что у него плохие новости.

Брэд вышел в гостиную и вместо приветствия сердито уставился на надсмотрщика.

— Джексон, где ты скрывался? У меня к тебе масса вопросов.

— Извините, капитан. Я выполнял поручения доктора Янси.

Акцент, с каким эти слова были произнесены, сразу выдал его. Несмотря на льняное пальто и широкополую шляпу плантатора, было ясно, что Люк Джексон — деревенщина из дальнего края. В данном случае перед ними стоял неотесанный белый арендатор из горной местности Теннесси, которому необходимо время, чтобы поставить крест на собственных предрассудках, но он тем не менее упорно цеплялся за них.

— С каких это пор ты работаешь на доктора Янси?

— Миссис Селби велела мне.

— Не миссис Селби, а я отдаю приказания, когда бываю дома. Понятно?

— Да, капитан, — ответил Люк. — Только доктору понадобился хинин из Декейтера. Раз уж я отправился в такую даль, то решил хорошо оглядеться вокруг.

По лицу Брэда было видно — назревает гроза, но Дядя Док заметил, что тот держит себя в руках. Он подавил горькую улыбку. Раб с плантации, ступивший на ковер хозяина, должен подвергнуться безжалостной порке. Порка негра являлась естественным способом излить гнев. Но ни один джентльмен с Юга не позволит выйти из себя в присутствии надсмотрщика. Белых рангом ниже нельзя было ни пороть, ни гневить.

— Разве ты не знаешь, что дорога в Декейтер закрыта для гражданских лиц?

— Может и так, капитан, но сегодня я там не увидел ни следа от наших военных. Только вокруг Атланты поднималось много пыли, и везде сновали солдаты армии северян.

— Враг не выслал патрули из Атланты. Он не осмелился на это.

— Капитан, враг сегодня выслал патрули, — сказал Люк с тем же бычьим спокойствием.

— Джексон, я не стану утверждать, что ты врешь. Я лишь скажу, что ты ошибаешься.

— Разве здесь кто-нибудь рассказывал хоть об одном нашем патруле? — спросил Янси.

— А это, извините, военная тайна, — ответил Брэд.

— Какое это имеет значение. Мы все знаем, что пройдет немного времени и Шерман предпримет очередное наступление. Раз генерал послал своих верховых в Декейтер, то он к этому уже готов.

— Янси, с каких это пор вы стали стратегом?

— Брэд, даже гражданскому лицу видно, что нас бьют. Почему бы ни признать это?

— Если бы вы не были родственником Рины, я вызвал бы вас за это на дуэль.

— Как вам будет угодно, — ответил Дядя Док. — Я верю фактам. Приятно услышать правдивые вести после ваших разглагольствований.

Брэд сжал руки в кулаки: Янси приготовился к удару. Вместо этого Брэд презрительно взглянул на него и хлопнул себя по бедру. Этот жест был предназначен Квентину Роули, который только что вошел из другой комнаты. Как всегда, Квент выглядел немного замкнутым и втайне радующимся, будто внутренне улыбаясь шутке, которую решил оставить при себе.

— Сделайте одолжение, Квент, — обратился к нему Брэд. — Скажите своему Дяде Доку, что он стал трусом.

Брат Лорены уселся в лучшем кресле гостиной. Когда Квент заговорил, то казалось, будто он думает вслух и почти не обращает внимания на беспокоящие рассказы Брэда.

— Иногда не мешает испытать чуточку старомодного страха, — ответил он. — Что до меня, то завтра к утру думаю быть уже в Мейконе. Надеюсь, мне удастся убедить сестру поехать со мной.

— Только не говорите мне, что *верите* этим сплетням старых женщин!

— Это не сплетни, Брэд. Вы сами лучше знаете, если только не потеряли связь с собственной армией.

— Я получаю регулярные донесения.

— Когда вы получили последнее из них?

— Я не могу ответить на этот вопрос. Генералу Худу требуется время для перегруппировки...

— Не беспокойтесь. К утру вы получите приказ, и ручаюсь за то, что он вам не понравится.

Услышав произнесенное спокойным голосом утверждение, Брэд стал рассказывать медленнее. Он был наслышан о связях Квента по обе стороны фронта и знал, что его сведения точны.

— Значит, вы полагаете, что Шерман рискнет дать сражение?

— Я уверен. И в этом не будет почти никакого риска — после избиения, которому нас подвергли у Атланты.

— Какова цель противника?

— Саванна.

— Дорогой, Саванна находится на побережье!

— Не учите меня географии, — сухо ответил Квент. — Я полагаю, что они дойдут до нее без большой битвы.

— Ни одна армия на земле не сможет пересечь Джорджию и остаться целой.

— Эта сможет и останется целой. В тот день, когда Худ сдал Атланту, Юг проиграл войну.

— Джорджия восстанет и уничтожит их.

— Ошибаетесь, Брэд, — сказал Квент. — Они уничтожат Джорджию. На этот раз вы стоите перед лицом новой войны. Такой, которая не имеет ничего общего с рыцарским духом и еще меньше похожа на кавалерийские атаки. К Новому году эта война положит конец сопротивлению в глубине Юга. И могу спорить, что к весне Виргиния капитулирует.

— Думайте, как вам угодно, — хриплым голосом ответил Брэд. — Не мое дело

убеждать твердолобых. Но не говорите о капитуляции в моем присутствии.

Холодные глаза Квента не моргнули.

— Пойдите, разбудите полковника Гамильтона боевым кличем. Он будет вне себя от радости.

— Старик Гамильтон — дурак. Меня его мнение не интересует.

— Это ваше первое разумное замечание, — заметил Квент. — Когда я уходил, он еще храпел после ужина в своем кресле. Полковника вряд ли можно винить: он, наверно, отведал первый приличный ужин после того, как от него сбежали рабы. — Квент вздохнул и налил бренди. — Полковнику сегодня везет больше, чем большинству из нас. Он окончательно потерял связь с действительностью. Прямо сейчас, могу спорить, Гамильтон видит сны о том, как потерял руку у Шило, и о двух сыновьях, которых он отдал Ли в качестве пушечного мяса...

— Сэр, в моем присутствии никому не позволено критиковать генерала Ли. Даже брату моей жены.

— Я никого не критикую, включая наших генералов. И я, не моргнув глазом, позволю вам погибнуть, обороняя Селби. Но я не хочу, чтобы Лорена пострадала только потому, что вы обречены и прокляты.

— Рина — моя жена. Если я обречен, то мы обречены вместе.

— Благородное чувство, — сказал Квент. — Будем надеяться, что она не откликнется на него, и мы с ней отправимся на Юг.

— Лорена никуда не поедет, — сказал Янси. — Я сделал все, чтобы отговорить ее от такого шага.

Брэд с опозданием вспомнил о присутствии Люка и указал большим пальцем на дверь.

— Джексон, тебе лучше оставить нас. Это вроде как семейное дело.

— Зачем Люку уходить? — спросил Квент. — С тех пор как вы стали кавалеристом, он, не покладая рук, работал на Селби. Люк имеет право слышать, о чем мы говорим.

— Спасибо, мистер Роули, — сказал надсмотрщик, уже отступая к двери, явно не желая быть свидетелем ссоры хозяев. Он задержался, лишь когда Квент обратился непосредственно к нему.

— Сколько у тебя хлопка на складе?

— Почти тысяча тюков.

— Первого сорта?

— Сэр, мы здесь выращиваем только такой хлопок.

— У меня есть веские причины узнать это, — сказал Квент. Теперь он смотрел прямо на Брэда. — Мои агенты в Лондоне тоже считают его первосортным. Как вы знаете, мы можем отправлять хлопок прямиком только из Уилмингтона. Если действовать расторопно, то я мог бы еще успеть заключить сделку.

Янси заметил, что глаза Брэда неожиданно заблестели. Капитану кавалерии ужасно не хватало звонкой монеты, а Квентин всегда рассчитывался золотом.

— Что вы задумали? — резко спросил он.

— У меня есть друг в Атланте...

— У вас кругом друзья.

— Не стану отрицать это, — ответил Квент, старательно растягивая слова. — Этот друг тоже торгует хлопком. Он не совсем входит в штаб Шермана, но неплохо знаком с ним и называет его дядей Билли. Если дать ему полную свободу действий, то он успеет продать

тысячу тюков до того, как их разворуют эти лодыри.

— Проклятье, сэр! Я не хочу иметь дела с янки.

— Некоторые из моих лучших друзей — янки. Хлопок Селби через Нассау уже достиг ткацких фабрик Новой Англии. Какой смысл возражать против еще одной сделки?

— И слышать не хочу.

— Даже ради Лорены? Каждый год этой бесполезной войны она вкладывает доходы плантации в никому не нужные облигации Конфедерации...

— Еще только не хватало, чтобы Селби Холл пошел на...

— *Эта* сделка принесет звонкую монету. Наличные будут лежать в Лондоне. У вас хватит для посева нового урожая.

— Когда Ричмонд выкупит наши облигации, у нас появится целое состояние.

Квент выпил свое бренди.

— Тогда поступайте, как вам заблагорассудится. Не сомневаюсь, что вы уцелеете. Такие люди, как вы, всегда выживают, независимо от того, что они говорят.

Спор прекратился, когда из двойной гостиной вошла Рина. Быстро обернувшись назад, она закрыла двери, взглянула на четверых мужчин с той особой улыбкой, какую берегла для подобных встреч. Брэд, дувшийся в кресле, тут же вскочил на ноги.

— Квент, я поступлю по-своему, — заявил он. — И вот что я вам еще скажу. Жена поддержит меня.

Рина медленно шла по ковру: в тишине был слышен шелест ее шелкового платья.

— Извините, джентльмены. Я помешала вашей беседе?

— Лорена, как раз наоборот, — сказал ее брат. — Это тебя прямо касается. Я думал, как избавиться от твоего хлопка...

— Если речь идет о контрабандной торговле, то я решительно против.

— Подумай хорошенько, прежде чем сказать последнее слово, — предупредил Квент. — Сделка совершенно законна, если она будет осуществлена на уровне штаба. Охрана военной полиции у твоих ворот могла бы спасти Селби от грабителей...

Рина одарила мужа сверкающей улыбкой.

— Мои ворота уже охраняются... нашей кавалерией. Лучшей защиты мне не нужно.

— Ты моя сестра, — сказал Квент. — Нельзя же все время валять дурака.

— Я леди, ставшая фермером, мне надо работать, — ответила Рина. — Война — это по части Брэда, и он, кажется, не очень волнуется. — Она улыбнулась надсмотрщику. — Люк, ты привез хорошие новости?

Люк Джексон с трудом сглотнул под пристальным взглядом Брэда.

— Мадам, Янси вам все расскажет. Я только что отчитался перед ним. Извините меня, я совершенно измотался: от Декейтера долгий путь.

Надсмотрщик вышел; глядя на его печальное лошадиное лицо, можно было решить, будто он раздумывает над тем, как избавиться от невыносимого бремени.

Рина смотрела ему вслед с совершенно невозмутимым спокойствием. «Ты уже знаешь, какие новости привез Люк, — подумал Дядя Док. — Если ты сейчас разыгрываешь спектакль, то только ради такой дубины, как твой муж». Вслух он осторожно сказал:

— Похоже, противник уже вышел из Атланты. Брэд утверждает, что ситуация находится под контролем.

Капитан кавалерии тут же заговорил и его звонкий голос звучал искренне.

— Моя дорогая, Округ Крей в безопасности. Если хоть один патруль осмелится

пересечь Брод Индейцев, мы его тут же уничтожим.

— Брэд, это все, что я хотела узнать. — Посторонний наблюдатель мог бы поклясться, что Рина полностью доверяет своему мужу-воину. — В таком случае в Селби все будут спать, не видя кошмаров. Клара и полковник уезжают. Твои адъютанты проводят их до Форкса. Не хочешь попрощаться с ними?

— Отличная мысль, — согласился Брэд. — Я заодно проверю свои заставы. Соблюдая вежливость, он угрюмо кивнул всем мужчинам по очереди. Было видно, что он с радостью ухватился за этот повод, чтобы убежать от ужасающей новости Люка. — Квент, надеюсь, вы проиграли спор, — сказал он. — Какой муж мог бы требовать от жены большей верности или преданности?

Брэд ушел, несколько не убавив щегольства и высокомерия.

— Лорена, вот это уход, — сказал Квент. — Сам мистер Бут на сцене вряд ли проделал бы это лучше.

— Не надо упрекать Брэда, — сказала Рина. — Селби — заповедник феодализма. Как владелец, проживающий на плантации, он должен сохранить кое-какие иллюзии. — Она обратилась к Янси: — А теперь говори, какие вести привез Люк. Сегодня это важнее.

Она слушала молча, пока врач плантации пересказал сообщение надсмотрщика. Когда Янси закончил, она на мгновение откинулась в кресле и закрыла глаза. Теперь врач заметил, как она устала.

— Дядя Док, это зловещие новости. Хочешь напугать меня?

— Нет, моя дорогая. Это всего лишь факты. Авангард войск Союза может появиться здесь уже к утру. Поверь моему слову, тогда на нас обрушится синяя лавина.

— Здесь произойдет сражение?

— Сомневаюсь. Случись, что Брэд столкнется с ними, если задержится здесь слишком долго, у него не будет иного выхода, как драпать.

— Наконец-то противник нанесет нам визит. Думаю, это справедливое вознаграждение за то, что я делала вид, будто его вовсе нет.

— Называй это, как хочешь, — заключил Квент, — но настала пора уносить ноги.

— Тебе уж точно пора.

— Не можешь же ты вечно танцевать под дудку Брэда.

— В этом году ты повторяешь это не один десяток раз, а часы в Селби идут вперед.

— Завтра одна пуля может все остановить.

— Я не боюсь пуль. Ты ведь только что сказал, что сражения не будет.

— Чем же тогда тебя можно испугать?

— Не думаю, что генерал Шерман тронет гражданских лиц, — сказала Рина. — Я также не верю, что он тот двуглавый дракон, каким его воображают. К тому же главная дорога идет через Переправу Брандта. Отсюда это в пяти милях к северу. Они могут нас и совсем не заметить.

— Я уже собрал свои вещи, — сказал Квент. — Завтра я уезжаю утренним поездом из Мейкона. Открой свои глаза, и поедем вместе.

— Куда ты направляешься на этот раз?

— Пожалуй, в Лондон. Большая часть моей наличности там.

— Брэд возил меня в Лондон во время свадебного путешествия. Кроме дождя я там ничего не видела.

— Тогда проведем зиму во Франции. Обратимся к парижскому адвокату, который

оформит твой развод. Я оплачу по счету и позднее помогу тебе найти настоящего мужа.

— Я уже замужем, — ответила Рина.

— За Селби?

— За Селби, Квент. И за Брэдом тоже, хотя он и не хочет в этом признаться.

— Ты же не можешь жить на поле боя.

— Этот дом стал полем боя еще до того, как началась война. Я найду способ, как укрыться.

Слушая этот разговор и понимая, что эта барышня от своих слов не отступится, Янси вопрошающе взглянул на Квента. Тот пожал плечами, и видно было, что он вот-вот признает свое поражение.

— В твоих словах что-то есть, — сказал врач торопливо. — Но твой брат прав. Ты можешь с честью выйти из боя.

Рина двинулась в сторону портика, чтобы раскрыть одну из застекленных дверей. Какое-то время она всматривалась в ночь, будто ожидая, что тишина опровергнет предсказание Квента.

— Дядя Док, ты видел, как сжигают остатки растений?

— Я сам сжигал их. А что?

— Скажи Квенту, как это происходит. Он вырос в городе и, вероятно, ничего об этом не знает.

— Вся грядка накрывается дровами, — объяснял Янси. — Затем с углов подносится огонь. Земля подогревается, и сорняки гибнут. Затем ее разрыхляют мотыгой и окучивают. Новые растения восходят свежими и зелеными.

— Как раз это и произойдет в Джорджии. — Рина повернулась к брату. — Мы снова начнем сеять, когда погаснет костер.

— Полезная метафора, — ответил Квент. — Не думаю, что она применима к Югу. Война оставляет после себя особую сорную траву. Она хорошо растет на выжженной земле.

— А я говорю, что мы вырастим урожай на земле Селби.

— Без работников, которые тянут плуги?

— Наши рабы станут трудиться как получившие свободу невольники.

— Ты можешь вообразить, что старый Гамильтон станет платить зарплату новому свободному негру? Или Рэндольфы? Или Бьюэллы?

— Даже им придется, если кто-то подаст пример. Когда они увидят, что только так можно уцелеть...

— Как Селби может подать пример с таким владельцем, как Брэд?

— Я позабочусь о Брэде, когда придет время, — ответила Рина. — Однако нет сомнений: этой плантацией должна заниматься я. Я никому не могу передать эту работу. Я также не могу уклониться от нее, сбежав отсюда.

— И что же ты здесь будешь делать?

— Много чего. Чтобы поддерживать Селби в надлежащем состоянии, надо работать постоянно, целый день. Еще предстоит очистить хлопок...

— В то время как на складе нет свободного места?

— Мы как-нибудь найдем место. Когда уложим последний тюк, придется подумать о будущем урожае. Брэд потребует, чтобы семена лежали в земле к тому времени, когда он уволится из армии.

— К черту Брэда и то, что он потребует! Лорена, это место должно принадлежать тебе.

Наверно, только так можно решить твои проблемы. — Квент встал. Янси видел, что брат Лорены затягивает спор лишь для того, чтобы обрести равновесие духа. — Давай я соберу деньги, чтобы уплатить ему за эту землю. На это много не понадобится, когда округ займут войска.

— Брэд скорее умрет, чем продаст свою землю.

— Кому какое дело до его чувств? Его можно заставить продать ее. Чем он собирается оплачивать налоги, когда снимет с себя униформу?

— Возможно, он не снимет ее, — сказала Рина. — Если это наступление против нас продолжится, он говорит, что объединит силы с Мексикой.

Наконец зазвучал голос Янси:

— Квент, можешь уезжать со спокойной совестью. Я не могу убедить ее переехать в безопасное место. Думаешь, тебе удастся?

— Дядя Док, обещаю, что ты останешься.

— Я уеду только вместе с Лореной, — ответил Янси. — Но не раньше.

— Береги ее, а то тебе придется иметь дело со мной.

— Квент, мы с Дядей Доком сумеем защитить друг друга, — сказала Рина.

Она подставила щеку для поцелуя, затем проводила брата к двери, ведущей к западному портику и конюшне. Янси заметил, что гостя выпроводили твердо, но соблюдая все приличия.

— Возьми желтый кабриолет, — посоветовала она. — Он едет быстрее всех. Аякс отвезет тебя до Мейкона.

— Я поеду один, — ответил брат. — К тому же я уже взял этот кабриолет. Мои сумки уложили в него еще до ужина.

— Видишь, дорогой! Ты давно решил бросить меня на произвол судьбы.

— Лорена, поступай, как знаешь. Желаю тебе удачи.

— Квент, мне повезет гораздо больше, чем тебе, — ответила она, улыбнувшись. — У меня есть место и работа. Ты годишься лишь для того, чтобы добывать деньги.

— По крайней мере, я не спускаю их на рыцарей без доспехов, — ответил он. — Это мой последний укол перед новой встречей. Я вернусь в тот день, когда мистер Дэвис признает, что война закончилась.

— Ты найдешь меня здесь, — пообещала Рина. — Можешь твердо рассчитывать на это.

Дядя Док молчал, пока не затворилась боковая дверь. Он подумал, что его уход весьма типичен: эти Квентины Роули с Юга всегда будут на шаг опережать историю, аккуратно избегая поражений, ибо они успевали угадать, чем закончится следующая глава до того, как ее напишут. А вот не менее сообразительные Лорены рождены, чтобы храбро встречать трудности. Сегодня он уважал бы Рину гораздо меньше, согласись она бежать вместе с братом.

— Каков наш следующий шаг? — спросил он, устраиваясь в своем любимом кресле у камина и жалея о том, что сердце старика не бьется вровень с его уверенным гулким голосом. Его попытка изобразить льющую через край жизнерадостность не обманула Лорену. Он не поднял головы, когда она встала за его спиной, оперлась обеими руками о спинку кресла и уставилась на языки пламени.

— Дядя Док, ты хорошо умеешь молиться?

— Так себе. Я не очень надеюсь на то, что мои молитвы вознагралятся. Кстати, приятно снова открыть, что Бог существует.

— Попробуй вот эту молитву. Помолись, чтобы армия Союза прошла мимо Селби.

— И сожгла бы владения Гамильтонов?

— Отнюдь. Говоря о сжигании сорной травы, я не шутила. Но если нас пожалеют, разве это не станет поворотом судьбы?

— Боюсь, что на этот раз все поворачивается против тебя. Квент говорит, что Округ Крей нанесен на карту противника подробно до последнего курятника. Эта плантация более трех лет снабжала армию Конфедерации. По-видимому, ее внесли в черный список.

— Что же тогда? Я делаю глупость, оставаясь здесь?

— Скажем иначе, девочка. Ты сможешь выйти из игры даже после того, как она будет сыграна. Здесь ты стала пленницей собственного успеха.

Успокаивая врача, Рина положила руку ему на плечо.

— Разве большинство женщин не цепляются за родной дом до последнего вздоха?

— Селби — это родной дом или символ?

— Символы тоже важны. Мало кому из нас достается родной дом или муж, о которых мы мечтаем. Ты согласен, что Селби удачная замена родному дому?

— Какое место во всем этом занимает твой капитан кавалерии?

— Я все еще остаюсь женой Брэда. Я намерена подарить ему сына. Вот для чего я создана.

— Не стану отрицать, это веская причина.

Воцарилась тишина, которую нарушило лишь шипение выпавшего в камине сучка из соснового полена.

— Я надеялась забеременеть еще до окончания его увольнения, — призналась Рина. — Эта нескромная мысль тебе нравится?

— Нет ничего естественнее, — ответил Янси. — Признаюсь, с такой замечательной надеждой можно отправиться на боковую. Если только можно спать, когда армия противника приближается к Селби. Позови меня, если я тебе понадоблюсь. Я вряд ли сомкну глаза.

Он не шелохнулся, пока Рина гасила свечи в гостиной. Он также не стал ей помогать, когда она взяла свечу с кронштейна, открыла раздвижные двери и начала подниматься по лестнице из благородной тропической древесины. Улисс, старый дворецкий, задувал свечи во второй гостиной. Он удостоил хозяйку Селби поклоном, когда та исчезла из виду.

«Гости ушли, — подумал врач плантации, — пир окончен». Он взял собственную свечу, пока в больших комнатах нижнего этажа еще не стало совсем темно. Врач начал обычный полуночный обход — старик, у которого за плечами осталось больше половины жизни, не мог отказать себе в таком удовольствии. Ему хотелось спать, но в то же время не было охоты добираться до своего дивана.

Сегодня он совершал обход особенно тщательно, проверяя задвижки на каждом окне, цепочки на тяжелой двери из красного дерева, которая вела на южный портик. Улисс уже давно сгреб в кучу тлеющие угольки, но все еще ходил от камина к камину, проверяя дымоходы, и закончил свой обход в просторной, сверкавшей медью кухне. Здесь открытые очаги были заставлены подогревателями тарелок. Готовился завтрак, который старшая повариха Пенелопа подаст через час после восхода солнца. Высокие часы «Терри» — подарок благодарного владельца ткацкой фабрики из Массачусетса — громко тикали в гордом одиночестве. Сверив их со своими часами и обнаружив одинаковые показания с точностью до минуты, Дядя Док едва заметно улыбнулся. Он вспомнил вызов, который Рина

бросила своему брату. Война прошла по опустошенному Югу, но часы Селби продолжали отсчитывать время.

Как странно, что эти часы подарил янки.

Рина отпустила Мамочку Джо, когда та раздела ее лишь наполовину. Пыхтение старой рабыни сначала успокаивало ее. Теперь, подчиняясь какому-то непонятному побуждению, она сама завершила подготовку ко сну.

Ее халат покоился на вешалке, юбка с кринолином находилась в специальном шкафу. Лорена сняла лифчик, высокий узкий корсет. Следы от каждого из этих предметов одежды остались заметны на ее теле из-за того, что шнуровка была затянута до отказа. Ее тело прикрывала лишь сорочка, она сбросила прекрасно сшитые льняные панталоны и осторожно спустила чулки. Лорена лишь на мгновение задержалась у стоявшего в туалетной нише большого зеркала в подвижной раме и сбросила на пол сорочку. Она еще раз убедилась, что нет такой женщины, фигура которой могла бы вызвать у нее чувство зависти.

Надо признать, ее удивительно стройная фигура терялась в пышных платьях, вошедших в моду, в оборках, делавших женщину похожей на плывущее судно. Ее груди не были большими, но отличались поразительной упругостью. Ее молочно-белая кожа поражала гладкостью, фигура мило сужалась в талии, затем расширялась в бедрах. А ноги любой скульптор назвал бы совершенными. Это была красота борзой, лишенная всяких соблазнов одалиски... Разве подобные тела созданы для любви? Откуда ей было знать, как надо любить, если она ничего другого не знала, как уступать похоти мужа?

Рина взяла с туалетного столика флакон с духами. Это был подарок с «Албемарла», флагмана флота контрабандистов Квента, прорывавшего блокаду, французские духи с сильным ароматом мускуса. Недовольно прикрыв глаза, она коснулась пробкой мочек ушей.

Не рискуя еще раз взглянуть на себя в зеркало, она почувствовала, что страшно краснеет. В такие мгновения она была готова верить, что недобрые глаза следят за ней, хотя шторы на балконе, ведущем на верхний этаж портика, были опущены, и только одна лампа горела у ее постели. Ее глаза дрогнули при виде этого внушительного памятника Эросу. Не поставить ли на тумбочку еще одну лампу? Она предпочитала совершать брачный ритуал в темноте: Брэд же настаивал на том, чтобы горел ночник. Казалось, он почти наслаждался тем, какой властью обладает над ней.

Дядя Док говорил, будто некоторые женщины беременеют благодаря своей развратной природе, и плодородие является побочным продуктом наслаждения, которое те доставляют своим мужьям. Как бы она ни старалась, ритуал Венеры не приносил ей радости: она хотела лишь подарить Селби наследника... Как всегда, эти плодородные акры представлялись ей не пространством, а живым человеком. Однажды Брэд взбешенный в горячке спора, обвинил ее в том, что она вышла замуж за плантацию Селби. Она любила эту землю, а не ее хозяина. Сегодня Лорена могла признаться в том, что это обвинение соответствует действительности. Она хотела возродить Селби вместе с Брэдом, а не самого Брэда.

Ее муж — в этом она теперь могла признаться откровенно — не поддавался изменению. Не она виновата в том, что у нее ничего не получалось, но он все же мог подарить ей ребенка. Тогда появился бы очередной наследник Селби, зачатый без любви.

Домашние рабы Селби знали много странных народных преданий из своего незатейливого прошлого. Только сегодня вечером Мамочка Джо шепнула, что сейчас наступило самое лучшее время «сделать малыша». Теперь, повторяя вслух эту грубую фразу, Рина наслаждалась ее вульгарностью. Думая об этом, она чуть не возжелала Брэда. Но даже

В это мгновение она понимала, что ее желание возбудила не изголодавшаяся плоть. Брэд являлся лишь слепой мужской силой, способной помочь ей реализовать свои потенциальные возможности.

Погруженная в мысли, убаюканная теплым помещением, она совсем забыла о своей наготе. Снова увидев себя в зеркале, она с пылающими щеками вернулась к постели и взяла ночную рубашку из чистого шелка. Этот предмет одежды, спрятанный целомудренно в коробке, украшенной вышивкой, привезли из Японии на одном из кораблей ее отца. Складки ткани с шелестом легли ей на плечи, и Рина заметила, что рубашка, словно вторая кожа, обхватила ее грудь и бедра.

В другую ночь она избрала бы более скромный предмет одежды. В этом украшении медового месяца чувствовалось что-то непристойное. Конечно, именно это делало женщин привлекательными, хотя ее классные подруги в Роли шептались, что настоящие женщины вообще не имеют ночных рубашек. «Сегодня он взберется по этой лестнице, — сердито сказала она про себя. — Он *обязан* это сделать».

Часы, стоявшие на ее туалетном столике, уже показывали за полночь. Чтобы как-то отвлечься, Рина наклонилась к дорожной сумке, лежавшей открытой рядом с кроватью, и начала складывать в нее одежду, которая понадобится Брэду во время очередного похода. Она быстро управилась с этим. Принадлежности кавалериста в эти дни не занимали много места — на седле должны были уместиться дополнительные нагрудные патронташи.

Рина не имела ясного представления о том, чем занимается ее муж на войне. Она также не испытывала ужаса, какой охватывал большинство жен, когда мужья снова отправлялись в свои части. В Брэде было нечто несовместимое со смертью, железная воля помогала ему выйти невредимым из каждой битвы. Какие бы ошибки он ни совершал, храбрость его не покидала: об этом говорили медали на тунике его парадной униформы.

Квент часто беседовал с офицерами-однополчанами Брэда: большинство из них шептали, что капитан Селби идет на риск ради самого риска. У ручья Чикамауга под ним пали три коня. Во время рейда после отступления от Геттисберга он провел роту добровольцев через авангард генерала Мэда и вернулся. Вместе с ним уцелели еще три человека, но он мог доложить, что боевое задание выполнено. Рина отлично понимала такие истории. Брэд родился солдатом. Во время первой битвы он обрел свое настоящее призвание.

Закрыв складную дорожную сумку, Рина достала из шкафа полевую униформу, чтобы бросить на нее последний взгляд, хотя и знала, что та вычищена. Она застегивалась не на позолоченные пуговицы, а на деревянные крючки, но двойные полоски на плечах были начищены до блеска. Она аккуратно свернула униформу и положила ее на дорожную сумку, где Брэд без труда найдет ее при дневном свете. После этого она почувствовала, что горячие слезы каплют ей на руки. Как чудовищно, что она так холодно провожает его, но он выполнит свою последнюю функцию в ее жизни, если подарит ей сына.

«Подобные размышления, — убеждала она себя, — столь же опасны, сколь неподобающи. Она ни в коем случае не должна проявлять недовольства тем, что Брэд опаздывает — нельзя упрекать его, если он все же явится к ней». На столе стоял графин с бренди, рядом с ним всего одна рюмка. Сколько бы Брэд ни пропустил внизу, он любил выпить последнюю порцию перед сном. Рина за столом редко пробовала что-нибудь крепче, чем глоток вина. Сейчас она налила себе полную рюмку коричневатого-желтого напитка и залпом осушила ее. Она видела, что так часто делает Янси.

После некоторого жжения наступило чудесное ощущение. Она обнаружила, что еще способна преодолеть две выстланные ковром ступеньки, ведущие к брачному ложу, и опустилась на него. Устроившись, словно восточная султанша, в огромном гнезде из подушек, налила себе еще одну рюмку. Рина ждала мгновенной реакции. На этот раз, однако, она оказалась более ощутимой.

Скоро Рина невольно задремала: веки закрылись столь же предсказуемо, что и глаза фарфоровой куклы. Она один раз вскочила, услышав скрип половицы за окном на балконе.

На мгновение ей показалось, что противник уже захватил Селби. Затем, оторванная от действительности теплой оболочкой спиртного, она уснула, ничуть не беспокоясь оттого, что спит одна.

Лорена проснулась, услышав, что за окном идет дождь. У нее ныли руки и ноги от ледящего утреннего холода. Огонь на решетке камина погас. В одной шелковой рубашке, дрожа всем телом, она прошла к шезлонгу и надела стеганый халат, оставленный там Мамочкой Джо.

На столике рядом с постелью горела лампа, а стрелки часов приближались к четырем часам. Когда она раздвинула шторы, ночь еще окутывала всю землю, но за облаками уже занимался красноватый блеск, предвещавший рассвет.

Мысли Рины путались, и она не знала, что делать дальше, но спохватилась и, пошарив в шкафу Брэда, нашла хлыст. На балконе снова скрипнула половица, на этот раз под ее ногами. Рина направилась к лестнице, ведущей вниз на портик... Еще не совсем проснувшись, она выбрала этот путь инстинктивно. Рина знала, что должна загнать мужа в угол: если бы она застала его в фойе, тот, глядя нагло ей в глаза, нашел бы оправдание своему отсутствию.

Его храп она слышала, еще не открыв дверь кабинета. Как она и ожидала, Брэд спал в одежде на диване, набитом конским волосом. Рядом с ним стояла пустая бутылка. Над головой Брэда горел свет. В облике мужа проглядывало нечто животное; это впечатление усиливали расстегнутая туника и подол рубашки, который он не потрудился заправить в брюки. Рина не раз находила мужа в таком положении. Раньше она вызывала Улисса, чтобы тот помог перенести его в постель, затем спала, как могла, устроившись в нише для одевания. Сегодня у нее не было сил на подобную любезность: она знала, что до самой смерти будет избегать прикосновений Брэда.

Рина сжала хлыст крепче. Сделав шаг к дивану, она подняла его, готовясь нанести удар, но тут рука Дяди Дока схватила ее за запястье.

— Девочка, я же говорил тебе, что у меня чуткий сон.

Рина потрясла головой, словно женщина, проснувшаяся от жуткого сна и уставилась на свою руку, сжимавшую хлыст. Янси спокойно забрал у нее хлыст и отложил в сторону.

— Сейчас ты даже этим его не разбудишь, — сказал он. — Принести дробовик?

Трясаясь как в лихорадке, но уже не от холода, Рина прижалась лицом к его плечу.

— Как я здесь оказалась? Я чувствую себя так, будто ходила во сне.

— Представь, Лорена, но это недалеко от истины.

— Что я хотела сделать?

— Устроить порку, — ответил он. — Видит бог, Брэд здорово истязал твой дух все эти годы. Все же лучше дать ему отлежаться. Если судить по этой пустой бутылке, Брэд отключился до утра. Он все равно не узнал бы, кто его выпорол и за что.

Не зная, кого она ненавидит больше — лежавшего на диване или себя, — Рина горько расплакалась.

— Никогда прежде мне не было так стыдно, как сейчас, — рыдая, сказала она.

— Готов согласиться, — сказал Янси. — Разве я только что не говорил, что он заслуживает плети?

— Ожидая его прихода, я выпила две рюмки бренди. Но не в этом дело.

Янси вывел ее из кабинета. Оба молчали. В окне четко отражался странный красный блеск. Наконец Рина проснулась совсем и недоуменно переглянулась с Янси, когда оба услышали непрекращающийся тихий плач, — такой звук мог раздаваться лишь в хижинах. Уже не первый раз ее работники, напуганные явлениями, выходившими за пределы их понимания, с мольбой взывали к давно забытым богам.

— Что это — лесной пожар?

— Противник поджег Атланту, — пояснил врач плантации.

— Атланту?

— Местные пожары начались два дня назад, — сказал он. — Сегодня пламенем объят весь город. Мы получили это известие час назад.

Рина высвободила руку и побежала к восточному портику. Стоя на влажной лужайке, она увидела, что небо пульсирует от чудовищного рукотворного полярного сияния с центром на северо-западе. Хотя пожар бушевал далеко, не оставалось сомнений, почему он возник и что предвещает.

Плач, приглушенный закрытыми дверями хижин, не прекращался. Только несколько молодых негров рискнули выйти, чтобы поглазеть; большинство рабов, повинувшись необходимости прятаться от того, что им было непонятно, заперлись в хижинах. Она знала, что они от страха будут ежиться в хижинах до тех пор, пока колокол не возвестит подъем... Задаваясь вопросом, будут ли рабы повиноваться завтра наглому зову колокола, Рина уже знала ответ: даже сейчас они подчинятся заведенному порядку, конец которому положило это пылающее знамение. Здесь буквами, понятными любому, было начертано, что такое свобода, но рабы плантации Селби все еще ждали распоряжений хозяйки. Осознание этого факта отдавало горьким вкусом тоника. Она спросила Янси:

— Значит, армия Союза двинулась вперед?

— Иначе это истолковать нельзя. С сентября Атланта служила им бивуаком, и теперь солдаты уничтожили ее.

Рина посмотрела на подъездную дорогу и на костры часовых, очертившие лагерь кавалеристов.

— Наверное, войску Брэда нельзя задерживаться здесь до утра?

— Они еще не получили приказа выдвигаться. Я только что узнал это от лейтенанта Ламберта.

Лорена неожиданно обнаружила, что сотрясается от смеха. Надо же было такому случиться, чтобы как раз в этот момент, когда уничтожалась столица Джорджии, Брэд Селби мог так храпеть.

— Конечно, нам следует хоть немного отдохнуть, — сказала она. — Надо готовиться к тому, что завтра сюда хлынут беженцы.

— Я распорядился организовать солдатскую столовую, — сообщил он. — Улисс и Пенелопа расположат ее у ворот. Догадываюсь, что весь округ побежит впереди войск янки...

— Дядя Док, я рада, что ты подумал об этом. Спасибо тебе. Как только станет светло, я приду туда.

Рина усталым движением руки отбросила волосы со лба. Теперь, когда ее отношения с мужем достигли роковой черты, теперь, когда угроза противника была столь же осязаема, что и пожар у горизонта, она чувствовала себя удивительно спокойной, и ей так хотелось спать, что трудно было устоять на ногах.

— Я пойду поспать, пока еще могу. Даже если бы нам и удалось разбудить Брэда, вряд ли он смог бы сейчас спасти Атланту, — сказала она, полностью разочаровавшись в своем муже.

Оказавшись снова в своей комнате, она, шатаясь, добралась до постели и натянула на себя одеяло. Она так устала, что даже не закрыла дверь, ведущую на лестничную площадку. Она больше ничего не слышала, кроме довольного храпа Брэда, она узнала этот вулканический гул, который сотрясал весь дом...

Заснуть сразу Лорена не смогла и долго плакала в темной комнате. Затем, прямо перед рассветом, она вдруг ощутила, что безвыходное положение может распутаться, почувствовала, словно спала с горла душившая ее петля. Решение появилось само собой из глубин мозга, где знание рождается раньше, чем слово. Будто ей на ухо шептал голос язычника, уверявшего, что не существует непреодолимых трудностей, даже когда надвигается армия противника и старые ценности приходится выбрасывать за борт.

Лорена лишь один раз проснулась и поняла, что льет сильный дождь. На одно мгновение она широко раскрыла глаза и ужаснулась хитрости, которую другая, прямолинейная, Лорена так дерзко предложила ей во сне. Вспомнив вдруг семейную легенду о том, что один из ее предков был пиратом, она невольно улыбнулась и снова заснула.

Дядя Док тоже улыбнется, если она осмелится доверить ему это безрассудное, неокрепшее решение. То обстоятельство, что это решение вообще пришло ей в голову хотя бы и во сне, доказывало лишь одно — ее дела приняли новый отчаянный оборот.

С восходом солнца дождь прекратился. Освежающий бриз разогнал облака, и они совсем исчезли с первыми проблесками света. Майор 2-го кавалерийского батальона Дэниел Кэрролл вместе со штабными остановил коней на склоне над бродом Индейской реки. Он почувствовал, что устанавливается хорошая погода для битвы, предполагая, что южане без боя не отдадут эту стратегически важную переправу. Пока адъютант расправлял на седле полевую карту, он взял бинокль и начал изучать местность в южном направлении. Хотя его внимание сосредоточилось на этом занятии, он заметил, что курившаяся земля Джорджии, покрытая зеленью, была очень красивой. «Такая земля, — подумал он, — слишком щедрa и не следует наносить ей вред боевыми действиями».

— Вышлем разведчиков, майор?

— Подождем. Держите батальон в укрытии, пока не станет светло.

В конце концов, сам Кэрролл спешил, чтобы пройти среди желтых сосен и ближе взглянуть на реку и дорогу на дальнем берегу. Это был высокий, широкоплечий мужчина лет под тридцать, немного угловатый и загорелый, что придавало ему своеобразную красоту. Симпатичную внешность портил лишь напряженный взгляд, побочное явление военного ремесла, в котором именно от осторожности зависит, что будет впереди — жизнь или смерть. Он с удовольствием начал разминать длинные ноги, стоило им только коснуться пружинистого дерна. Затем, словно осторожный кот, спрятался за одной из сосен. После трех лет войны он освоил искусство передвигаться незаметно и бесшумно.

Сегодняшняя вылазка батальона была обычной разведкой, далеко вперед от основных сил Союза. Цель вылазки — проверить способность противника к сопротивлению на дорогах вокруг Переправы Брандта, единственно важного поселения в Округе Крей, если не считать самой Атланты, столицы округа. В разведывательных донесениях говорилось, что большая часть подразделений Конфедерации отступила с главными силами армии Худа, но Кэрролл научился самостоятельно проверять подобные сведения. Твердо укрепившись на северном берегу реки, он наотрез отказался подвергать своих людей ненужному риску.

Имея позади себя четыре роты закаленных бойцов, он не сомневался, что встретит беспорядочное сопротивление противника на выгодных для себя условиях. Проще всего было бы взять под контроль брод и захватить узел дорог позади него. Он научился относиться серьезно даже к предрешенной победе.

Кэрролл пробирался сквозь папоротник, вспомнив без всякого повода игру «Охота на индейцев», которой увлекался ребенком в Аллеганских горах, и остановился у самого края леса. Здесь сосновый лес сменялся лугом, мягко простиравшимся до мутной красной реки внизу. Близкое расстояние давало возможность проверить первые впечатления. С того места, где он находился, можно было остановить продвижение даже очень многочисленного противника. Брод Индейцев недаром получил такое название. В засушливую погоду всадники могли легко проскакать от одного берега до другого. Но из-за сильных дождей этим утром волны с плеском набегали на берега реки. Брод можно будет перейти, но самые глубокие места придется форсировать вплавь.

В таких условиях переправа южан под огнем противника была бы равнозначна самоубийству. Кэрролл решил отсидеться под прикрытием леса и не открывать огонь до тех пор, пока не удостоверится, что его прибытие осталось незамеченным.

— Майор, мы твердо сидим?

Он улыбнулся своему молодому адъютанту. Несмотря на то, что Джеку Келлеру только что исполнилось двадцать лет, этот мальчик начинал проявлять себя отличным тактиком.

— Лейтенант, как вы бы стали действовать в этом положении?

— Раздал бы пайки, сэр, и немного выждал бы. Еще рано переправляться вплавь.

— Слишком рано, — согласился Кэрролл. — Если между этим местом и Мейконом расположена кавалерия, она непременно ищет нас. Мы поиграем в прятки, пока это еще возможно.

Приказ завтракать в седлах был выполнен молча. Второй пенсильванский кавалерийский полк состоял из ветеранов, а батальон Кэролла считался первоклассным: даже новобранцы, закаленные в недавних боях после Чикамауги, стали частью этой сплоченной оси войны. Жуя холодную булочку с беконом и в то же время изучая карту, майор обнаружил, что его бдительность не ослабла, несмотря на долгий путь из Атланты. Ему было приятно снова двинуться в путь, ощутить, что шлагбаум снова открыт.

Завершив свою спартанскую трапезу глотком рома, Кэрролл почувствовал, как расширяются его ноздри, уловившие знакомый аромат: это был запах жареной рыбы, который долетал сюда с берега реки. Он заметил стоявшую там хижину и решил не проверять, кто в ней обитает: наблюдатель из лагеря Конфедерации вряд ли стал бы столь открыто заявлять о своем присутствии. Он убедился в правильности своего заключения, когда из хижины вышел негр с собакой и направился к запруде, находившейся выше по течению реки.

Видно, это было жилище раба с плантации, которому поручали ловить рыбу неводом и поставлять ее на кухню своему хозяину. Для ведения хозяйства на плантациях Джорджии было обычным делом давать такие поручения неграм. Дороги к северу от Атланты уже были запружены беженцами. А здесь, в этой идиллической утренней тишине, было немыслимо представить, что смерть в виде пятисот карабинов войск Союза затаилась в засаде, подготовленной самой природой.

Кэрролл глубоко вдыхал этот запах, вызывавший ностальгию, и вспоминал склоны холмов Пенсильвании, которые называл своим домом. Там, в горной стране, были луга, запруды, а долина изобиловала хорошей пахотной землей, пока среди борозд не поднялись буровые вышки отца. Землям Кэрроллов, конечно, еще только суждено почувствовать тяжесть ног марширующих солдат... Однако он не мог поверить, что эта последняя кампания в Джорджии примет скверный оборот, ведь сопротивление можно было бы подавить другими, не столь решительными, мерами. Это было бы вполне оправдано, тогда удалось бы сократить уже бессмысленную войну хоть на один день.

Майор армии Союза вздохнул при этих провидческих размышлениях, наверно, нет ничего странного в том, что мальчик с фермы, ставший адвокатом, мыслит абстрактными категориями. По крайней мере, он мог убедить себя в том, что надел военную униформу, когда в нем проснулся дух честного крестоносца. До сих пор он ничем не опозорил свой отличительный знак.

Было приятно вспомнить, что сегодняшние приказы не призывали к сожжению всех амбаров дотла. Он планировал захватить Переправу Брандта к полудню, как только выиграет ожидаемое сражение у брода. После этого ему предстояло захватить владения под названием Гринтри, куда входил этот луг, и затем Гамильтон Хандред, вторую плантацию вдоль дороги на Мейкон. Если он уложится в график, то доберется до третьей плантации, называемой

Селби Холл, еще до захода солнца. Она и станет его бивуаком.

Гамильтон Хандред и Селби Холл. Он произнес эти названия вслух, чтобы почувствовать их экзотическое звучание. Каждое из них казалось миром, сошедшим с этикеток, коллекционируемых в детстве. Будут ли их владельцы столь же странными — и столь же враждебными?

Часть его войска займется охраной Переправы Брандта; другие подразделения возьмут под контроль дорогу. Селби Холл станет местом его личного штаба. Когда четыре кавалерийские роты будут развернуты в этом крае, опасность возмездия противника сведется к минимуму. Маловероятно, что Худ снова предпочтет сражение, а если оно и произойдет, то будет далеко на севере.

Ему были даны четкие указания, как поступать во время оккупации Округа Крей. Первая задача состояла в том, чтобы патрулировать дороги, пока войско Союза не двинется по ним: противником как таковым сейчас считались гражданские лица, а также мужчины в повстанческой униформе. С первыми надлежало обращаться так, как того требовала военная галантность, но любое сопротивление следовало немедленно подавлять, не исключая сравнения с землей целых владений, что должно было служить примерным наказанием. Осуществление карательных мер оставлялось на усмотрение всех старших офицеров. Исключалась всякая жалость в случаях актов насилия. Только так можно было довести до ума, что на этот раз поражение должно стать окончательным.

Нет сомнений, некоторые жители Джорджии будут оказывать сопротивление такому обхождению, до конца отказываясь признавать поражение. Одни начнут притворяться, что подчиняются, и нанесут удар, когда армия пойдет дальше. Другие побегут в Мексику, поддаваясь иллюзии, что серые призраки могут мобилизоваться по ту сторону Рио-Гранде... «Много уроков еще предстоит усвоить, — думал майор Дэниел Кэрролл. — Но после этого долгого взаимного истребления Северу и Югу придется научиться соблюдать один закон и разговаривать на одном языке».

— На это уйдет время, — вслух произнес он. — Понадобятся время и терпение.

Лейтенант Келлер, все еще изучавший карту, поднял голову и посмотрел на него с некоторым удивлением.

— Майор, как вы сказали?

— Не обращайтесь на меня внимания, — ответил Дэн Кэрролл. — Я размышлял вслух.

В четырех милях к югу Брэд Селби проснулся, когда утром прозвучал сигнал горна. Почувствовав руку адъютанта на своем плече, он очнулся от тяжелого сна. Так сильно, как у него сегодня, голова не болела даже у самого Нерона, но прошлую ночь было приятно вспомнить, несмотря на ту цену, которую сейчас приходилось платить.

— Приказы, капитан. Мы их только что получили.

Брэд широко улыбнулся лейтенанту. Он заметил и тревожный взгляд Кэла Ламберта, и уже надетую полевую униформу. Это означало, что они, наконец, отправляются в путь и закончены все прощания. До тех пор, пока у Брода Индейцев стояли солдаты Севера, которых можно убивать, никакое развлечение для Брэда не могло сравниться с уничтожением янки.

На нем идеально сидели старые с заплатами габардиновые бриджи для верховой езды; туника, словно гибкая броня, обтягивала упругое тело; его облик был нов и значителен. Вот-вот он сможет снова дать наглomu захватчику понять, что Конфедерация никогда не проиграет бой на собственной территории. Благодаря тому, что его голову заняли на время патриотические мысли, он почувствовал себя вполне бодрым: головную боль как рукой сняло.

Брэд напевал без слов, натягивая совершенно новые сапоги, взятые у полковника армии Союза, которого он сразил у Ресаки. Мелодия потихоньку обрела слова, и вскоре он уже громко пел. Это была сентиментальная баллада, ставшая одной из самых любимых на этой войне. Она вызывала в памяти сотни бивуаков, хороших товарищей, с которыми он пил у костра, давала уверенность в том, что все враги появляются для того, чтобы с ними сражаться и побеждать их:

*Мы любили друг друга тогда,
Больше, чем выражают слова.
Я любил, как и ты, Лорена,
Не сказал я, и ты не посмела.*

«Лорена». От этой сентиментальной песни у его людей на глаза наворачивались слезы, пока они напевали ее бесконечные куплеты, располагаясь в зимних квартирах во время передышек между победами. Удивительно, что его жене при крещении дали то же самое имя. Он едва мог представить женщину, которая была бы столь далека от этого плода воображения, созревшего в солдатских мечтаниях... Но, как ни странно, Рине тоже нравилась эта песня.

Слова угасли на его устах, когда отворилась дверь холла. На пороге стояла Лорена в рабочей одежде. Выглядела она скромно, по-домашнему, как это бывало, когда она выходила в поле. Мужская шляпа из грубо вязаной соломы почти скрывала ее темные волосы. Похоже, она заметила его присутствие только тогда, когда подошла к шкафу с верхней одеждой, чтобы взять накидку.

— Я думала, что ты уже в пути, — сказала она, кутаясь в накидку.

— Почему ты встала в такой ранний час и оделась, словно няня-негритянка?

— Ты и раньше видел меня в этой одежде, — ответила она таким холодным тоном,

будто обращалась к незнакомому человеку. Брэд от негодования стиснул зубы. Он и раньше сталкивался с подобными капризами жены, но быстро справлялся с ними.

— Ты не могла дожждаться моего отъезда, а затем разыгрывать из себя работника на поле? — От недовольства он забыл, почему задержался здесь. Надеюсь смягчить неприятные новости, он через силу обратился к ней ласковым голосом. — Но не это сегодня главное. После донесения, которое я только что получил из Атланты, в самом деле, было бы лучше, если бы ты облачилась в наряд белой нищенки...

— Я получила то же донесение, Брэд. Похоже, чуть раньше, чем ты.

— Как это тебе удалось?

— Посмотри в окно, если хочешь получить ответ, — ответила она. — Весь округ пришел в движение. Мы организовали полевую кухню у ворот. С самого рассвета мы кормим всех, кто идет в нашем направлении.

— Это было так уж необходимо?

Лорена пошла к двери и на ее лице снова появилось это странное отрешенное выражение. Он понял, что дело не просто в истерике из-за того, что он не пришел к ней в прошлую ночь.

— Я вряд ли могла поступить иначе, — ответила она. — Теперь мне пора вернуться туда.

Брэд преградил ей дорогу: эти неожиданные выходы доводили его до белого каления. Как это похоже на Рину — играть щедрую хозяйку в такое время. Его адъютант сообщил об огромном потоке повозок на дороге, но он его почти не слышал. Гражданским лицам свойственно заражать друг друга паникой при первом выстреле. Одни только слухи о передвижениях войск могут так напугать их, что целый год потом придется жить без урожая. Он был уверен, что большинство из этих упрямых неотесанных фермеров завтра вернутся домой после того, как он выиграет сражение у брода. Однако осторожность требовала, чтобы Рина на время покинула Селби.

— Послушай меня, пожалуйста, — сказал он строго. — Это зашло слишком далеко.

— Что? Вы еще не выступали. А дороги уже забиты. Теперь, когда рассвело, беженцев прибавится.

— Моя дорогая, выбрось из головы этот скот в обличье людей. Мы вывезем тебя отсюда, обогнав эту панически бегущую толпу. Если понадобится, я пошлю самого Кэла Ламберта сопровождать тебя.

Рина не возражала, пока он говорил все это. Она уже почти вышла, когда его голос, каким отдают команды на плацу, догнал и остановил ее:

— Подожди, Рина, это приказ!

— Отдавай свои приказы на поле боя, — ответила она. — Здесь ты попусту тратишь слова и время.

— Даю тебе пять минут, чтобы собрать вещи. После этого ты покинешь Селби.

— Как это возможно? Сейчас?

— В округ вторглись войска противника. У тебя нет иного выхода.

— Вчера ты говорил, что сотрешь противника в порошок, если он перейдет границы округа.

— Так оно и будет, моя дорогая, — терпеливо ответил он. — К сожалению, для этого потребуется время. Я не хочу, чтобы ты осталась здесь, когда главные действующие лица бегут. Квент сможет составить тебе компанию до Мейкона...

— Квент уехал в полночь, — остановила она его. — Я отказалась поехать с ним. С какой стати мне менять свое решение сегодня утром?

— Потому, что я твой муж. Потому, что я буду опасаться за твою безопасность, если ты останешься.

— Клара Гамильтон никуда не уезжает, — возразила Рина. — Мэри Бьюэлл остается одна в Гринтри со своими рабами. Только представь, как все начнут сплетничать, если я сбегу.

— Кого интересует, что скажут эти старые курицы? Я не могу бросить свою жену беззащитной.

— Брэд, никто не станет упрекать тебя. Наши друзья знают, что мое место в Селби точно так же, как твое место в армии.

Оба стояли в дверях, сверля друг друга глазами. Напряжение схлестнувшихся темпераментов искрилось в тишине, словно яркие молнии. Отведя взгляд, Брэд понял, что она победила и не сдвинется с места.

— Я больше не могу ждать, — крикнул он.

— Брэд, тебе нет необходимости ждать. Мне ничто не угрожает. Я остаюсь здесь и обещаю, что сохраню Селби. Когда сражения закончатся, ты найдешь и меня, и Селби.

— Какой толк от бесплодной жены? Или от земли, когда у ее владельцев нет наследника?

— Возможно, я вовсе не так бесплодна, как тебе кажется.

Брэд метался по комнате, пока кричал на нее. Он запихивал сигары в дорожную сумку, выбежал в портик, чтобы бросить свое снаряжение в руки ординарца. Услышав ее последние слова, он снова обернулся к ней.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Рина, ты беременна?

— Я больше не стану отвечать на вопросы. Извини, у ворот требуется мое присутствие.

— Будем надеяться, что я понял тебя, — сказал он. — После возвращения я повторю мой вопрос.

Брэд хотел поцеловать ее, но она отстранилась. Лорена сделала это не от страха, а лишь из-за отвращения, которое она не сумела бы выразить словами столь понятно, как в этом поцелуе. Брэд пожал плечами и напустил на себя важный вид.

— Я немедленно уйду, поскольку ты говоришь загадками, — холодно заметил он. — И оставляю тебя здесь, раз ты на этом настаиваешь. Пожелаешь мне успехов в кампании?

— Скажи мне одну вещь, прежде чем ты уйдешь, — заговорила она. — Если у нас будет сын, мы сможем начать новую жизнь вместе?

— Если бы я знал, что у Селби появится наследник, то с радостью погиб бы от пули, — ответил он. — Но ты еще не вдова. А если я останусь без наследника, то умру не скоро.

— Родословная Селби продолжится, — сказала она. — Я сама об этом позабочусь.

— А что если янки переправятся через реку? Они и это место опустошат.

— Мы с Дядей Доком заживем среди развалин и отстроим все заново, когда это станет возможно.

— Рина, в стойкости тебе не откажешь, — признал он без большой охоты. — В этом я не сомневаюсь. Возможно, ты даже храбра. Или все дело в гордости?

— Разве это так важно, если я сохраню то, что принадлежит тебе, и дам тебе то, что ты желаешь? Брэд, занимайся своей войной. И позволь мне делать свое дело.

Они взглянули друг на друга, как два обессиленных борца, которые оба не могут нанести последний удар. Затем пронзительно заиграл горн. Брэд взял головной убор и вышел. «Рина настоящая леди и не могла громко выпалить, что забеременела, — твердил он себе. — После рождения мальчика ее долг перед Селби будет погашен, и он найдет способ, как справиться с этими чарлстонскими манерами жены. Как только он убьет своего последнего янки, времени будет предостаточно, чтобы рассчитаться с ней за ее холодность».

Спустя двадцать минут он уже выезжал на коне и во главе своей колонны. Кэл Ламберт ехал справа от него. Два сержанта следовали за ним, каждый держал на пике ротный флажок, бодро развевавшийся от утреннего бриза. Его войско двигалось парадным строем, но это впечатление смазывали голоса смеющихся всадников. Как всегда, они пели во весь голос, казалось, будто слова вырываются из одного пылающего горла.

Брэд всегда шел на войну с музыкой, с того времени, когда он служил у генерала Стюарта. Мелодия на двух банджо непременно сопровождала хор. Играли два негра, которые когда-то выступали в гостинице Атланты. Он купил обоих, чтобы развлекать гостей плантации. Наделил их статусом ординарцев, когда формировал роту Крестоносцев Округа Крей... Сегодня он с удовольствием обнаружил, что может петь вместе со всеми столь же весело, как любой младший офицер. Он подумал, что Дюси и Краун никогда не играли так здорово.

Майор Дэн Кэрролл, обзревая реку в бинокль, не мог поверить своим ушам, когда услышал звуки, долетавшие до сосен, которые скрывали южный берег. Последний час он не выходил из своего укрытия, ожидая противника. Теперь противник решил музыкой объявить о своем прибытии. Дэн повернул своего коня и углубился в чащу. Джек Келлер сделал то же самое. За темной сияющей рекой вспорхнула стая перепелов, которую испугнуло приближение незримых всадников. Если не считать ритмично поющего хора в сопровождении двух банджо, других признаков жизни не наблюдалось.

— Что скажешь, Джек? Это солдаты? Или рабочие, отправляющиеся в поле?

— Никак нет, сэр, — ответил Келлер. — Идет капитан Селби и Крестonosцы Округа Крей. Это знаменитая рота. Они всегда сражаются под музыку.

— Я о них ничего не знаю.

— А я уже дважды имел с ними дело, — пояснил Келлер. — Первый раз на пересечении дорог близ Геттисберга за день до отступления генерала Ли. Битва была проиграна, но они об этом ничего не слышали. Мы снова встретились у Чикамауга. Озорники Селби пробились через целый корпус пехоты. По тому, как они орали, можно было подумать, что они собираются доскакать до самого Нашвилла.

— Они напоминают воюющих придурков.

— Майор, так оно и есть. Они из тех дураков, которые полны решимости убивать. Если это действительно они, то я предлагаю предупредить нашу резервную линию. Остановить их сегодня будет трудно.

— Вряд ли они намереваются пересечь этот брод. Любой разумный командир окопался бы на противоположном берегу. Они там смогли бы задать нам жару.

— Это не похоже на капитана Селби. Он находит удовольствие в открытом бою.

Оба умолкли, когда среди сосен показался на пике флажок величиной с носовой платок. За ним последовал другой, флажки весело развевались, пока оба всадника скакали вперед. Знаменосцы скакали вплотную, обходя с фланга трех офицеров, ехавших строем в таком классически точном порядке, будто готовились к большому параду. Кэрролл подавил удивленный возглас, когда на открытом пространстве вдруг показалась вся рота, скакавшая галопом и все еще голосившая свою песню.

— Да, это войско Селби, — сказал его адъютант. — Это его знамена.

— Капитан тот, что на чалом коне?

— Должно быть, сэр. У Чикамауги я не рассмотрел его из-за пыли.

Кэрролл в бинокль разглядывал командира кавалерии, пока тот направлялся к броду. Брэд Селби и в самом деле, был красивым бравым воином. Вытащив саблю из ножен, капитан ехал чуть позади знаменосцев и рассекал воздух то слева, то справа умелыми резкими движениями, будто он уже схлестнулся с противником. В этом карикатурном фокуснике чувствовалось что-то неестественное, но он все же представлял угрозу, несмотря на свою щегольскую внешность.

Дэну на этой войне приходилось скрещивать сабли с другими представителями рода Селби. Он убедился, что те храбры, как львы, и, отступая, представляют даже большую опасность, чем наступая. «Вот, — подумал он, — еще одна живая легенда. Этот противник будет сражаться с полным знанием дела так же изящно, как на рыцарских турнирах при всех

доспехах бились его предки».

— Ну и ну! Он действительно собирается переправиться через брод.

— Похоже на то, сэр, — шепотом ответил ужаснувшийся Келлер.

Пока оба разговаривали, чалый конь вошел в мелководье, высоко поднимая брызги. Знаменосцы уже плыли на своих конях, оказавшихся в более глубоких местах реки. Всадники роты натянули уздечки и, не замедляя темпа, следовали за своим капитаном. Твердо решив преодолеть нелегкую переправу, все перестали петь. Однако банджо продолжали играть свою мелодию. Несмотря на три сотни качавшихся в воде всадников, на инструменты не попало ни капли воды.

Через мгновение мелодия достигла ушей Дэна. Он не удивился, обнаружив, что невольно подпевает слова. Возникла довольно комичная ситуация.

*Сотня месяцев прошла, Лорена,
С тех пор, как я был с тобой...*

Кто-то говорил, что «Лорена» повстанцев, как и «Боевой гимн» Севера придали смысл этой братоубийственной войне. Дэн сам впервые услышал эту мелодию во время битвы при Шенандоа, в которой обе стороны оспаривали победу. Снежная буря, налетевшая неожиданно и бушевавшая два дня, сделала сражение невозможным. Во время перемирия противоборствующие стороны хоронили убитых, обмениваясь обычными оскорблениями и табаком. Когда наступала ночь, было легче нести ночное дежурство под звуки этой песни. Сентиментальные слова, как и сама мелодия, воспевали глицинии, лунный свет, трели пересмешника. Воскрешая прошлое, они обещали еще более радужное будущее, когда прежнее вожделенное изобилие вернется на опустошенную родную землю.

В то время Дэн Кэрролл был еще рекрутом: боевые действия в Долине стали его первой кампанией. Слушая голоса этих храбрых бойцов, он тогда молил Бога о том, чтобы снегопад никогда не прекращался...

— Майор, открыть огонь?

Дэн виновато вздрогнул и вернулся к действительности. Всадники противника плыли посреди течения, умело управляя конями. Чалый боевой конь нашел опору под ногами. Капитан Селби, приподнявшийся до этого над седлом, чтобы облегчить коню ход, опять сидел крепко в седле и нацелился саблей на луг, развертывая свое войско в боевой порядок. По обе стороны от него появились флажки, звезды на них сверкали своими перекрещивавшимися лучами на кроваво-красном фоне земли. Будто по сигналу, до берега долетел крик повстанцев. Этот презренный крик, словно струя воды, пробежал по спине Кэролла.

— Не стреляйте, Джек, — сказал он. — И старайтесь громко не смеяться. Пока все развивается как в комической опере.

— Сэр, это будет длиться недолго.

Стратегия кавалеристов Конфедерации (если она заслуживала такого термина) была видна как на ладони. Не обращая внимания на обычные меры предосторожности, Крестоносцы Округа Крей бросились в брод, не замедляя стремительного темпа, надеясь достичь северного берега благодаря превосходному искусству верховой езды. Даже не выставив передового отряда, чтобы обезопасить себя от неожиданностей, они сейчас

собирались занять позицию за бродом, которую будут защищать до последнего всадника, в лучших традициях побежденной стороны. Эта была школьная теория сражения, основанная скорее на смелости, нежели на тактике. Кэрролл мог бы аплодировать смелости, но знаменосцы уже приблизились на расстояние выстрела.

Если бы он пожелал, то мог бы напасть на роту Селби, пока та качалась на конях посреди реки. Однако такой шаг раскрыл бы местоположение его значительно превосходящих сил. Какие бы ни были вражеские потери в этом случае, некоторым из всадников противника удалось бы спастись, а Кэрролл хотел, чтобы сегодня конфедераты до конца испили чашу поражения. Когда же противник достигнет северного берега, то он окажется в классической ловушке, так как у него на флангах будет хорошо скрытая кавалерия Союза.

— Сэр, не пора ли?

— Не торопитесь, Джек. Мы не станем раскрывать карты.

Все еще сохраняя парадный строй, две трети коней конфедератов добрались до суши. Когда из воды появились последние всадники, боевые флажки поднялись выше, а капитан, рисуя саблей сверкающие дуги, подавал роте сигналы. Двое черных, как смоль, музыкантов все еще перебирали струны, извлекая сладко-печальную мелодию. Они прекратили играть, когда капитан подал сигнал замолчать.

— Всем остановиться!

— Всем остановиться! — Голоса сержантов, рывкнувших эту команду, показались странно тихими на огромном лугу. Эхо, отдавшееся среди сосен, словно издевалось над блеском вытащенных из ножен сабель.

— Приготовиться к бою!

Селби и его офицеры (двое молодых лейтенантов, угрюмые взгляды которых придавали им возмужалый вид) медленно направились к сосновой роще. Позади них всадники беспечно покачивались в седлах, выстроившись, как на параде, в непрерывную линию напротив дул войск Союза. «Триста неподвижных целей, — подумал Кэрролл, — проще не бывает». Его охватила знакомая волна сострадания. Прежде чем она схлынула, он подумал, не предупредить ли их, крикнув, что огня не будет, если конфедераты сложат оружие. Такое предложение, конечно, могло бы оказаться бесполезным. Он сам попадал в не менее жестокую засаду у Севен-Пайнс и еще раз у Фредериксберга — сегодня пора вернуть долг.

— Пора, сэр?

— Пора, Джек.

Дэн поднял руку в перчатке и ждал, пока не убедился, что обратил на себя внимание сержанта. Когда перчатка с крагами опустилась, из пятисот карабинов раздался первый залп.

С такого удобного расстояния залп поразил больше мишеней, чем одну из четырех. Второй залп оказался не менее опустошительным, ибо он почти накрыл первый. Противник закачался под градом пуль, но сохранил строй. Фланги вместо того, чтобы тут же разойтись, сблизилась, превратив неподвижную цель в летящий клин конской плоти. Офицеры, развернув коней с тем же удивительным хладнокровием, в мгновение ока образовали острие клина.

— Огонь!

Кэрролл не понял, кто первым отдал этот приказ — он или Селби. Он только видел, что кони голубых и серых поддались общему порыву, и им потребовалось мгновение, чтобы вступить в смертельно опасный контакт. Боевые кличи слились и заглушили топот коней.

Искушенные в такого рода сражениях, противоборствующие стороны обменялись беглым огнем прежде, чем схлестнулись вплотную. Но из-за первых двух опустошительных залпов исход этой битвы был уже предрешен. Битва в буквальном смысле закончилась, так и не начавшись.

Двести всадников конфедератов оказались выбитыми из седел еще до первого соприкосновения стальных клинков. Теперь осталось девяносто всадников против пятисот — отчаянная попытка стаи волков компенсировать безнадежное положение контрударом.

Джек Келлер руководил плотным охватом противника, а Дэн наблюдал за этим с командного пункта. Он видел, что командир конфедератов, оставшись целым и невредимым, бросился в гущу рукопашного боя и срезал первых всадников Союза, бросившихся на него. Уже стало ясно, что Селби завоевал славу неуязвимого: такая неуязвимость объяснялась более глубокими причинами, нежели удача. «Этот вожак, — подумал Кэрролл, — ведет других навстречу смерти. Каждый карабин войск Союза уничтожал всадников врага, но берег эту великолепную цель до последнего момента...»

На подобные раздумья не оставалось времени. Поднявшись на стремяна и издав собственный боевой клич, Дэн Кэрролл выскочил из засады и устремился к лугу, чтобы завершить начатое его войском.

Противник, охваченный стальным кольцом, сужавшимся после каждого обмена ударами, был близок к гибели. Кэрролл понял это еще до того, как успел присоединиться к Келлеру, который стоял по периметру боя и выкрикивал точные приказы, ведущие к полному разгрому неприятеля. Он вовремя увидел, как серый клин, став меньше, но, не потеряв силу, бросился на смертельное окружение. Это было наступление ва-банк, когда сломанные в столкновении ноги лошадей не принимались в расчет.

Револьвер Кэрролла, наведенный на голову Селби, дал осечку. Еще мгновение, и он уже обменивался ударами с одним из лейтенантов конфедератов — молодым человеком с сумасшедшим обезьяньим лицом, который дрался словно танцующий дервиш, пока Дэн, отлично владевший саблей, не разоружил его.

Эта короткая дуэль стала финалом сражения. Джек Келлер, прикончивший только что второго адъютанта Селби, напал на противника Дэна сзади и сбросил с коня, прибегая к помощи сапог и ругани. Кавалерия синих уже перестраивалась, подчиняясь ряду громких команд занять боевую позицию.

Дэн заметил, что Крестоносцы Округа Крей были разбиты почти до последнего всадника. Пережившие залпы из засады, бились, как терьеры, отказываясь сдаваться даже под дулом оружия. Сначала показалось, что Келлеру удалось вышибить из седла последнего уцелевшего противника... К северу, где луг сливался с сосновым лесом, отряд синих тщетно преследовал единственного всадника, вырвавшегося из окружения.

Около двадцати всадников вытянулись в пунктирную линию. Дэн видел, что капитан Селби скачет далеко впереди, отстреливаясь и все еще выкрикивая зов мятежников.

Всадники 2-го Пенсильванского кавалерийского батальона приступили к беглому подсчету убитых. Они привыкли к ужасным последствиям сражений. Во время молниеносного нападения они потеряли всего девять человек — все они пали в рукопашном бою. Более двух десятков было ранено. Наименее пострадавших из них отправили к перекрестку дорог ждать подхода медицинских повозок, которые всегда сопровождали пехоту. Два батальонных хирурга делали все возможное на месте, чтобы спасти раненых.

Убитые конфедераты лежали опрокинутыми рядами — после тщательного подсчета их

оказалось более двухсот семидесяти. Как и опасался Кэрролл, раненых почти не было. Враг дорого отдал свои жизни. Он делал все, чтобы не уронить свою честь.

Лейтенант Кэл Ламберт, единственный пленник, которого взяли без единой царапины, плакал от злости и умолял, чтобы его расстреляли на месте. Когда гнев лейтенанта улегся, Кэрролл обнаружил, что тот вполне готов отвечать на вопросы. Он сообщил, что всадникам было поручено прикрыть отступление из Округа Крей последнего крупного подразделения пехоты. Потери южан были ужасающими, однако пленник отказывался винить в этом капитана Селби — или хотя бы признать, что капитан почти наивно пренебрегал тактикой. Кэрролл догадался, что на месте капитана Ламберт тоже бросился бы форсировать брод.

— Лейтенант, вы всегда предпочитаете идти на такой риск? — спросил он. — Неужели все дело в гордости? Или вы действительно считаете, что один южанин стоит десяти наших бойцов?

Молодой человек выдавил улыбку. Смирившись с тем, что выжил и полностью внес свою лепту в эту войну, он вел себя как образцовый пленник. — Разве капитан Селби сегодня не доказал этого?

— По крайней мере, он избежал плена, — ответил Дэн.

— Он никогда не попадет в плен. И он никогда не сдастся.

— Лейтенант, можно узнать, почему вы так считаете? Он — один из тех оставшихся бессмертных, о которых мы читаем в книгах?

— Как вы сказали, сэр?

— Такие люди встречались везде, у всех народов со времен Римской империи. Солдаты, которые не умирают, но исчезают.

Голубые глаза Ламберта сверкнули жестко, как мрамор.

— Нет другого такого кавалерийского офицера. Большинство из ваших генералов подтвердят это.

— Я видел его в бою, — тихо сказал Кэрролл. — Я вполне согласен с вами.

— Тогда я буду вам признателен, если вы не станете присваивать ему причудливые ярлыки. Кто вы такой? Проповедник в униформе?

— Нет, мой друг. Я всего лишь юрист из Филадельфии и страстно люблю доказывать истину. Почему ваш капитан продолжал сражаться, если знал, что окружен? Где он сейчас найдет убежище, вырвавшись из окружения?

— Если вы хотите узнать мое мнение, майор, — ответил Ламберт, — то он к ночи прибудет в штаб Худа. Даже если ему придется загнать своего чалого жеребца до смерти.

Дэн кивнул. Капитан Селби будет жить ради новых битв. Теперь он вынужден направиться на север, пробиваться через авангард Союза. Частью официальной версии сегодняшнего сражения станет то, как он расскажет об этом самоубийственном промахе, а не горькая правда о том, что он вел себя как дурак, попавший в окружение. Кэрролл хотел донести эту истину до сознания пленного, но сдержался. Сегодня молодой Ламберт и так достаточно наказан.

— На моей карте значится плантация, которая называется Селби Холл, — сказал он. — Ваш капитан случайно не оттуда?

Пронзив Кэролла пристальным взглядом жестких голубых глаз, Ламберт ответил твердо:

— Майор, я назвал вам мое имя и мой полк. Даже юрист из Филадельфии не должен требовать большего.

Дэн коснулся руки юноши.

— Не подумайте, что я досажаю из-за того, что капитану удалось бежать, — сказал он. — Я не стану в отместку сжигать его родной дом, если вас волнует именно это.

— Значит, вы занимаетесь поджогами по приказу? Майор, я вас правильно понял?

Кэролл напрягся и подал знак охранникам пленного. Он уже начинал жалеть, что задал свой последний вопрос.

— Нет необходимости обсуждать мои приказы, — сказал он. — Но вот что я вам скажу, Ламберт. Вам чертовски повезло, что ваша военная карьера закончилась сегодня утром.

— Вряд ли повезло, если я попаду в тюрьму Севера.

— Это я вам тоже обещаю, но пленным вы останетесь ненадолго.

Он резко отдал честь, когда стройный молодой человек ушел окруженный охраной. Второй пенсильванский кавалерийский батальон был готов форсировать брод, оставив своих убитых лежать рядом со сраженными кавалеристами противника до прибытия похоронных нарядов. Путь к Переправе Брандта был свободен: у Кэролла не было оснований волноваться. Селби Холл был отмечен на его карте как привал на сегодняшнюю ночь. Только прирожденный романтик поверил бы в стечение обстоятельств.

За эту кампанию Дэн видел десяток домов на плантациях. Занятый более срочными делами, он проезжал мимо них, бросив лишь любопытный взгляд. Почему ему с таким опасным нетерпением хотелось взглянуть на владение Селби? Или спросить себя, мог ли подобный визит дать ключ к пониманию характера безумного героя, который столь дорогой ценой срывал себе лавры.

Весь долгий день Рина работала вместе с Янси в импровизированной столовой на дороге около ворот. С рассвета до середины дня шли беженцы с севера страны. Большинство вынужденных эмигрантов теснились в фермерских повозках. Другие, продавшие Конфедерации последнего осла, устало брели по пыльным дорогам. Пешеходы с радостью принимали пищу Селби. Все, почти без исключения, предпочитали есть, не задерживаясь в пути.

До сих пор никто из этих людей не видел ни одного живого солдата Союза. Языки пламени, взвившиеся над Атлантой вчера вечером, возвестили о том, что генерал Шерман снова двинулся вперед, значит, сообразительному жителю Джорджии следует двигаться еще быстрее. Все это утро из уст людей, шедших в колонне среди пыли, передавались слухи. У Переправы Брандта видели стотысячную армию. На отдаленных фермах семьи умирали от голода в постелях. В Округе Гранта, что лежал к северу от Индейской реки, совсем не осталось зерна...

Рина слушала все эти сказки краем уха. Наконец, наступил вечер, и колонна поредела до мелкого потока людей, затем вообще никого не осталось. После ее исчезновения над землей, словно ореол, витала лишь дымка. Сейчас, когда даже пыль осела, Рина увидела, что на дороге к северу тоже никого нет. Пустая дорога почему-то казалась менее зловещей, чем забитая народом. Отсутствие признаков жизни говорило о том, что чудовище, поглощавшее все, притаилось где-то совсем рядом.

— Лучше иди домой, пока еще есть силы передвигаться, — посоветовал Дядя Док.

Рина сняла шляпу плантатора и начала медленно обмахивать себя. Оставшись одна, она испытывала глубокое облегчение: не было затравленных глаз, смотревших на нее поверх столов на козлах, которые она использовала для раздачи пищи.

— Я не устала, правда, — ответила она. — Я просто работала так быстро, что подумать было некогда. А теперь, когда дорога опустела, я не понимаю, хочется ли мне думать. Что это все значит?

— Только то, что фермерский край может быстро опустеть, если все заберут свои кровати и бросятся бежать.

— Говорили, что Гринтри сожгли. Что у брода расстреляли тысячу человек. Что в Гамильтон Хандред полным-полно синих. Но никто не видел дыма или хотя бы одной вражеской униформы.

— Возможно, они шли по Северной дороге, а не по главной, где застава. Даже сто тысяч человек не найдут кратчайший путь через такие широкие просторы.

— Дядя Док, ты ведь знаешь, они придут сюда еще до наступления темноты. Я тоже это знаю. К чему тогда было велеть Салу закопать серебро и бренди?

— Девочка, Сал закопал не все спиртное. В это время дня я принимаю свою первую рюмку. Пойдем со мной и дождемся наших посетителей с комфортом.

Было так легко подчиниться движению его руки, коснувшейся ее локтя, отвернуться от опустевшего раздаточного стола и от затихшей дороги, найти укрытие от солнца под деревьями подъездной дороги. Полевая повозка ждала за воротами, Сал держал в руках вожжи: он церемонно поклонился, приглашая ее сесть. Сал весь день трудился вместе с подобранной им группой полевых рабочих — заслуживающими доверия людьми, которые

будут держать языки за зубами. Они закопали последние серебряные сервизы в канаве между овощеводческим хозяйством и оранжереей и накрыли тайник дерном так ловко, что никакой мародер не мог бы вынюхать его.

Сал трудился больше других, однако после работы выглядел опрятно в своей белой льняной одежде. Подчеркивая свою власть, молодой негр постоянно следил за тем, чтобы одежда выделяла его среди других рабов, даже среди домашних слуг.

— Сал, боюсь, что пришлось долго копать.

— Пустяки, мисс Рина. Работа закончена, и мы все еще и переписали.

— Каждый предмет лежит в сумке из замши и в джутовой таре, — сказал Янси.

— Серебро не очень потускнеет, мадам, — добавил Сал. — Если только не пойдут сильные дожди.

— А как дела с наличными?

— Они в надежном месте в стенах конторы Мастера Люка. Кастор проделал отличную работу.

Повозка ровно поднималась по наклонной подъездной дороге, все молчали и испытывали какую-то странную раскованность. Рина все еще удивлялась тому, что так быстро смирилась с неизбежным. На покрытой гравием круговой дороге перед домом Сал спрыгнул, чтобы подать ей руку и помочь выйти из повозки.

Благодаря капризам осени, день в Джорджии выдался теплым и солнечным. В приунывшем цветнике, которым гордились в Селби, все еще стояли ряды хризантем, георгины и клумбы гладиолусов, напоминая об ушедшем лете. Проходя по английскому саду, Рина не могла поверить, что можно уничтожить такую красоту. Она уже начала думать о том, что надо бы снять с поля работника и упаковать луковицы каладиума в торфяном мху, пока еще не грянула настоящая зима... На фоне зеленого остролиста сверкнуло красное крыло кардинала. Ее глаза следили за полетом птицы. И в ее душе наступил привычный покой, венчавший конец дня.

Несмотря на погоду, Лорена всегда завершала рабочий день такой прогулкой, если погода благоприятствовала. Потом она пила чай на портике, а Дядя Док наслаждался ароматом первой рюмки бурбона и предавался мечтаниям, которые навевала эта пора дня. «Сегодняшний день будет похож на все остальные. Если войска противника и пришли в наши края, то они начнут рыскать в поисках продовольствия в других местах, а не в этом красивом саду», — надеялась она.

Вот и сегодня на портике Улисс восседал за чайным столом. Он поставил ее стул на то место, где солнце пригревало каменные плиты. До нее доносился приглушенный обычный шум плантации. На западе рьяно косили на сено оставшуюся траву. Жужжание токарного станка в плотницкой мастерской говорило о том, что Кастор и Поллукс вытачивали стропила для крыши новой хижины. Даже певучий голос Пенелопы у крыльца кухни, звавший кур на ужин, вписывался в эту пасторальную симфонию. Все это свидетельствовало о том, что здесь ничего не изменилось, что дорога за ее воротами, забитая днем беженцами, принадлежала другой планете.

Рина поднялась по истертой кирпичной дорожке, держа срезанные георгины. Поставив их в пустую вазу на столе и делая вид, что чай, который она налила, был лучшего китайского сорта улунг, а не американский лавр, она улыбнулась дремавшему Дяде Доку и спросила:

— Я правильно поступила, доверив Салу спрятать золото? Я подумала, что он справится с такой задачей.

Янси кивнул, не отрывая глаз от рюмки.

— Вот именно, он из тех помощников, которые платят доверием за доверие.

— Наверно, мы напрасно это сделали. Я просто не могу представить, что на нас надвигается целая армия.

— После тех часов, которые ты провела у ворот?

— Дядя Док, мы уже сидим здесь целую вечность и думаем о лучших временах. Почему бы нам ни продолжить это занятие и не помечтать наяву?

— Вот тебе и ответ, — сказал Янси, он указал пальцем в сторону северного пастбища холмистого зеленого пространства, которое постепенно спускалось к дороге у реки. Рина без особого любопытства взглянула в ту сторону. Рано утром Брэд ускакал по той дороге. Помня прощальный зов его медных горнов, она не очень испугалась, услышав за росшими полумесяцем ивами звуки чужого горна. Он прозвучал едва слышно и далеко. Янси, обладавший острым слухом, раньше Рины уловил эхо этого звука.

— Может, это Брэд возвращается, — предположила она.

— Слушай внимательно. Этот горн трубит другим языком.

— Языком янки?

— Лорена, у брода сегодня утром произошел бой. Один из рабов Бюэлла видел его со стороны рыбных запруд.

— Почему ты мне не сказал об этом?

— Ты и так была занята.

— А Брэд?..

— Не беспокойся, он отделался без единой царапины. Но его войско было уничтожено почти до последнего всадника. Скоро ты узнаешь, почему так случилось.

Горн заиграл снова — на этот раз ближе. В то же мгновение Рина услышала стук колес повозки на подъездной дороге. Появился Сал и посмотрел на них полными испуга глазами.

— Кавалерия Союза, мисс Рина! Приближается через луг!

— Ты сам это видел?

— Мадам, Джодди сказал мне об этом. Он колол дрова — он точно видел их. — Язык Сала запинаясь, и его грамматика стала хромать. — Они едут медленно. Делают вид, будто с ними здесь некому драться...

Горн заиграл опять, и ему звонко ответили с запада. На этот раз можно было точно определить реакцию плантации. Когда наглые звуки утихли, тишина, словно тисками, охватила Селби. Рина услышала какофонию звуков. Тишину нарушил топот бегущих ног, крик подхваченного на руки ребенка... наконец, показалось, будто завопил дух, предвещая смерть, и у всех от ужаса окоченели языки. Рина знала, что в этот час женщины в хижинах готовят ужин: работники, кроме разнорабочих, отдыхают у себя... На подъездной дороге пони рванулся вперед, когда Сал щелкнул кнутом; его сообразительная голова догадалась о желании Рины.

— Сал не позволит рабам сбежать, — быстро заметила она. Теперь, когда противник был почти виден, она обнаружила, что обрела прежнее спокойствие. Рина ожидала, что о прибытии врага возвестят выстрелы, лошади, скачущие прямо через ее лужайки. Все что угодно, только не эта перекличка горнов — и неожиданный поступок раба в полевой повозке, решившего взять ответственность в свои руки.

Люк Джексон выбежал, прихрамывая, со скотного двора и тут же воскресил гнев, о котором она забыла. Он задыхался от бега.

— Проклятые янки, мисс Селби!.. Валят наши ограды, не спрашивая разрешения и не извиняясь!..

— Лорена, лучше иди в дом, — посоветовал Дядя Док.

— Это мой дом, — твердо ответила она. — Гостей я встречаю на своем портике.

Тут она увидела своего первого северянина — покрытого пылью лейтенанта, который ехал так, будто лошадь являлась продолжением его поджарой фигуры. Он приближался легким галопом. За ним вольным строем следовал отряд. Через мгновение они взяли под контроль подъездную дорогу и каждый угол дома. Второй отряд, ведомый линейным сержантом, остановился между домом и хижинами. Рина увидела, как со стороны луга показались другие всадники и взяли под охрану двери амбара и подъезды к хлопкоочистительному заводу.

Из хижин не показалось ни одной головы, пока не завершилась осада. Рина догадалась, что это заслуга Сала, который быстро справился со своей задачей... Лейтенант осадил лошадь у портика и спрыгнул с седла. Несмотря на свой воинственный вид, это был еще совсем мальчик. Когда он обратился к Янси, его улыбка казалась почти дружелюбной:

— Тут остались мужчины, сэр?

— Лейтенант, мы здесь одни, — ответил Дядя Док. Рина затаила дыхание. Самообладание Дяди Дока привело ее в восторг.

— Не возражаете, если мы проверим?

Руководствуясь непонятным инстинктом, который полностью вывел ее из транса, Рина шагнула вперед и взглянула на человека в синей униформе. Мгновение назад, если бы потребовалось, она своим телом встала бы на пути этих захватчиков. После того, как этот молодой человек спросил разрешения войти, демонстрируя безукоризненные манеры, ему нельзя было отказать.

— Входите, лейтенант, — твердо сказала она. — Нам нечего скрывать.

«Ничего, кроме серебра, сохранившегося со времен королевы Анны, — мысленно добавила она. — Ничего, кроме небольшой суммы звонкой монеты, которая спасет моих работников от голода... и тысячи тюков хлопка, которым сейчас не найти покупателя». Она вспомнила бухгалтерские книги на своем столе, где перечислялись ее выплаты Конфедерации: если верить слухам, эти списки сами по себе могли приговорить плантацию Селби к сожжению... Однако этот мальчик в униформе не походил на поджигателя амбаров. Как и два настороженных сержанта, следовавшие за ним в фойе, монотонно говоря меж собой и растягивая слова так, что она едва понимала их.

— Что они хотят от нас? — шепотом спросила она.

— Надеюсь, ничего такого, чего у нас нет, — ответил Дядя Док, избегая ее взгляда.

На ступенях портика Люк Джексон замычал, как бык, когда капрал стал проверять, не спрятано ли на его теле оружие. Теперь лужайки заполнило множество всадников, причем все они передвигались в четком строю. То там, то здесь конь наступал на клумбы с цветами. Рина на мгновение закрыла глаза, когда услышала звонкий хруст, что означало только одно — оранжерея погибла... В доме слышался лишь топот быстрых шагов.

Похоже, обыск быстро закончился. Тотчас на балконе верхнего этажа появился лейтенант, за ним вышли его сержанты.

— Все чисто, майор. Нам можно где-нибудь пристроиться?

Словно в ответ на этот громкий вопрос, от синей массы отделился всадник и выехал на покрытый гравием круг около подъездной дороги. Рине не надо было смотреть на знаки

отличия на его плечах, чтобы угадать, что это командир вражеского войска: даже с этого расстояния он казался таким высоким, будто доставал до неба.

Она знала, что подобная иллюзия возникает от ауры, окружавшей этих чужаков. Хотя Рина твердила, что должна ненавидеть этого майора, она не испытывала к нему никакой ненависти. Наблюдая, как тот спешивается, она даже не смогла притвориться холодной. Вместо этого она ощутила неодолимое желание пойти ему навстречу. Протянуть руку и коснуться его просто ради того, чтобы убедиться, что он настоящий.

— Майор Дэниел Кэрролл, миссис Селби, — спокойно представился неприятель. — Второй пенсильванский кавалерийский батальон. С вашего позволения, я должен забрать ваш дом.

Рина смотрела на него ничего не понимающим взглядом и обрадовалась, когда его внимание отвлек адъютант, подбежавший с картой в планшете. Ее сильно поразило то обстоятельство, что он говорит на ее языке, правда немного резковато. Еще хуже оказалось то, что он знал, как ее зовут. Селби, видно, значилось на карте, которую он изучал... Ее до глубины души потрясло возникшее желание приблизиться к нему и взять его руку в свою.

Она быстро заговорила, подавив свое желание.

— Тем не менее Селби Холл вынужден отказать гостям в ночлеге, — ответила она. — Майор Кэрролл, я не стану делать вид, что вы желанный гость. Но я приглашаю вас в гости.

Янки оторвал глаза от карты. Рина впервые заметила, что этот худой, обожженный солнцем человек красив, что его непринужденное поведение является не притворством, а попыткой установить между ними взаимопонимание.

— Я ценю вашу любезность, миссис Селби, — ответил он. — Будем надеяться, что мои люди и я заслужим ее.

— Чего именно вы хотите от нас?

— Мне приказано воспользоваться этой плантацией в качестве временного командного пункта, — ответил он в столь же обезоруживающей манере. — Мы не ожидаем новых стычек. Ничто не пострадает, пока я команду, при условии, что вы не станете препятствовать нам выполнять свои обязанности. Как видите, нам понадобится довольно большое пространство для бивуака. У нас есть палатки и свой рацион. Мы просим у вас лишь фураж.

— Доктор Янси покажет вам дорогу, — распорядилась она. — Мистер Джексон, мой управляющий, позаботится о лошадях.

Ощущение чего-то фантастического углублялось, пока она отдавала эти распоряжения с такой торжественностью, будто майор был желанным гостем. Кэрролл поблагодарил за эту любезность, тогда Дядя Док сделал движение, похожее на поклон. Люк Джексон одарил гостя злым взглядом, но все же подчинился ее приказанию. Пройдя немного вперед, он молча указал на ближайший сарай с сеном.

— Еще раз благодарю, миссис Селби, — сказал майор. Он указал на своего адъютанта, стоявшего на балконе. — Это лейтенант Келлер. Мы расположимся здесь, если вы не возражаете.

— Комнаты вам приготовят через полчаса, — сказала она. — А как ваши остальные офицеры?

— Они останутся вместе со своими людьми.

— Мы ужинаем в семь, — сообщила она. — Этот час устраивает вас?

Если это приглашение и удивило Кэрролла, то он не подал виду.

— До семи у нас будет достаточно времени, миссис Селби, — ответил майор. Он исчез, прежде чем она успела прийти в себя от слов, которые только что слетели с ее губ.

Квартет капитанов, спешившихся синхронно, поспешил в сопровождении Янси и управляющего за своим командиром, когда тот скрылся в сарае с сеном. Батальон, умело управляемый сержантами, прошел мимо дома взводами за своими офицерами. Рина все еще не могла сдвинуться с портика, когда последний кавалерист исчез среди рабочих зданий.

— Миссис Селби, можно расположить наши карты в вашей гостиной?

Лейтенант Келлер спустился с балкона и стоял рядом с ней; на нижней ступеньке застыл ординарец с планшетом и ждал дальнейших указаний. Рина согласно кивнула и отошла в сторону. Ординарец вошел в дом с видом человека, который накопил опыт размещения десятка штабов в подобной обстановке; молодой лейтенант отвесил церемонный поклон и последовал за ним.

Рина обнаружила, что способна оставаться в фойе и наблюдать за их работой. К ней вернулось некоторое спокойствие, когда она увидела, что вражеский штаб будет размещен с минимальными для нее неудобствами. Лейтенант взял со стола севрскую вазу и отнес ее к книжному шкафу так осторожно, будто это была священная реликвия. Было видно, что майор говорил серьезно, обещая не наносить вреда... Неужели возможно, что этот мужчина не людоед, как она представляла, а джентльмен, облаченный в синий мундир?

«Майор знает мое имя, — подумала она. — Он знает, что это Селби Холл. Кто его прислал сюда — дьявол или Бог?»

Янси остановился, шагнув на мостик, расположенный над оградой, способной выдержать напор свиней, и отделявшей скотный двор от пастбищ. Эти пастбища должны были оставаться под паром до весны. За один час эти шестьдесят акров расцвели новым урожаем — геометрически правильно расставленными брезентовыми палатками, сосредоточенными вокруг пустого пространства для приготовления пищи. По мере того, как тени удлинялись, некоторые полевые кухни от накала обрели вишнево-красный цвет. Запах жареной ветчины, исходивший из палаток, явно говорил о том, что 2-й Пенсильванский кавалерийский батальон обживает на новом месте.

В дальнем углу пастбища в разделенном пополам загоне расположились лошади и конюхи, последние были заняты тем, что выгружали сено из стоявших у ворот телег с высокими бортами для перевозки хлопка. Кругом ходили офицеры, инспектируя постельные принадлежности под брезентом. Пока Янси наблюдал, один из них начал задавать Люку Джексону вопросы. Врач плантации вздохнул с облегчением, когда надсмотрщик стал отвечать вполне любезно...

Пока войска неприятеля устраивались, никаких происшествий не случилось. Вероятность, что Люк окажет сопротивление, была незначительна. Теперь он понял, что в него стрелять не будут и у захватчиков пока нет планов сравнять Селби с землей.

Внимательно наблюдая за всем, Янси сделал вывод, что это обычная оккупация и она не предвещает ничего зловещего. Сегодня в рядах неприятеля царил почти радостное настроение, и он догадывался, отчего. Сражение у брода оказалось решающим: Округ Крей теперь стал побежденной провинцией... Кэрролл сам об этом говорил. Селби избрали местом расположения его штаба из-за географического положения. Ничто не говорило о том, что майор собирался уничтожить плантацию. Тем не менее стало ясно, что их судьба оказалась в руках майора, который всячески демонстрировал свои добрые намерения.

Совершая обход плантации, майор был поражен чудесами, которые здесь творила Лорена. Он искренне хвалил образцовые жилища рабов и заботу о благосостоянии рабочих плантации. Быть может, потом его интерес удастся обернуть на пользу Селби. Фуражиры генерала Шермана уж точно будут держаться подальше, пока здесь находится этот батальон. Кто станет их защищать, когда батальон двинется дальше?

Видя, что майор вот-вот подойдет к нему, Янси снова скрыл свои эмоции под маской.

— Лейтенант Келлер только что забрал ваши вещи, — сообщил врач. — Миссис Селби выделила вам южные апартаменты в гостевом крыле.

Майор вместе с Янси шли по тропинке, извивавшейся среди овощеводческого хозяйства площадью в пять акров. Оба молчали, но в этом молчании не ощущалось напряженности.

— Миссис Селби оказалась более чем щедрой, — заметил Кэрролл. — Должен признаться, это ставит меня в тупик.

— Она родом с Юга, а вам посчастливилось быть ее гостем.

— Почему она пригласила меня на ужин?

— Это часть гостеприимства.

— Вы хотите сказать, что она пригласила меня по собственному желанию?

— Перестаньте, майор, — сказал Янси, — неужели вы так недогадливы?

Кэрролл улыбнулся:

— Этот трюк известен жителям Новой Англии — отвечать вопросом на вопрос. Мне в голову не приходило, что в Джорджии к нему тоже прибегают.

Янси принял вызов.

— Вы хотите узнать, хочет ли она угодить вам? Ответ будет утвердительным.

Оба остановились в конце розового сада и заинтересованно смотрели на великолепный южный портик, возвышавшийся перед их взорами. Теперь, когда день угасал и Улисс шествовал по комнатам нижнего этажа, зажигая канделябры, Селби Холл, похоже, приобретал новые черты. Сегодня вечером ярко горели все подсвечники. Янси кивнул, выражая молчаливое одобрение: будь он на месте Лорены, он устроил бы самый великолепный спектакль.

Кэрролл заговорил тихо, не спуская глаз с Большого Дома.

— Простите мое неоригинальное замечание, но это красивое зрелище. Такое впечатление, будто здесь сохранился римский храм.

— Храм, переживший свое время?

— Это сказали вы, а не я. Когда я сказал миссис Селби, что мы повредим только ее цветочные клумбы, я говорил правду. Разве она не поверила мне?

— Это означает, что нас пощадят?

— Да, до тех пор, пока здесь команду я.

— Полагаю, что это и так разумеется, поскольку вы используете нашу плантацию в качестве бивуака, — сухо заметил Янси. — А что потом?

— «Потом» на войне ненадежное слово, доктор.

— Можно, я рискну задать единственный важный вопрос?

— Задавайте, — спокойно ответил Кэрролл. — Вы получите честный ответ.

— Я слышал, что ваши начальники военной полиции могут защитить имущество, если захотят того. Для этого требуется лишь вывеска на воротном столбе...

— Это верно. Такие вывески существуют.

— Может ли человек вашего положения оставить в Селби одну такую вывеску? И солдата, который следил бы за ее выполнением?

Майор и глазом не моргнул.

— Доктор, вы преувеличиваете мое значение.

— Как это понимать?

— Начальники военной полиции прикомандированы к корпусам.

— Вы ведь можете внести такое предложение.

— Это входит в мои обязанности. В мои обязанности также входит уничтожение имущества, если на то есть причины.

Янси почувствовал, что настроение у него ухудшается. Он мыслил достаточно трезво и понимал, что поход Шермана преследовал несколько целей. Любители поживиться чужим добром, какие водятся в любой армии, были подобны голодным воронам. На высшем уровне офицеры получили приказы стереть с лица земли сооружения, служившие Конфедерации, — очаги партизанского движения, склады армейских подрядчиков, плантации, которые позднее могли стать источниками снабжения противника. Видно, Селби входила в список подобных владений, если только этот загадочный янки не доложит обратное... И так было ясно, что он остановился здесь, преследуя не одну цель. Судьба Селби решится в другом месте, но он все же сможет повлиять на вердикт.

— Доктор, вы простите меня за то, что я говорю так откровенно?

Янси быстро взял себя в руки.

— Ваша откровенность для меня честь, — ответил он. — Сегодня я больше не буду задавать трудных вопросов. Не хотите выпить со мной перед ужином? Составьте мне компанию.

— С удовольствием, когда я приведу себя в порядок. — Кэрролл снова казался отрешенным после недавней вспышки откровенности. — Может, вы позволите мне предложить вам виски. В седельном вьюке у меня найдется пенсильванское ржаное.

— Гостям разрешается пить только наше спиртное. В Селби это железный закон.

Кэрролл улыбнулся:

— Вы уж точно давно припрятали свое хорошее виски.

— Только бренди, майор. Но не бурбон.

— Уверяю вас, у бурбона есть свои положительные стороны. Но я предпочитаю наше ржаное виски, выдержанное в дубовой бочке.

— Возможно, после войны нам удастся сравнить оба сорта виски.

— Случались и более странные вещи, — ответил Кэрролл. Он шел впереди к Большому Дому так непринужденно, будто все время жил здесь.

Гостевое крыло находилось со стороны длинной галереи, которая соединялась с гостиной, прилегавшей к кабинету хозяина. Проводив Кэролла к его апартаментам, Янси поспешил разыскать Лорену.

Врач обнаружил, что в столовой никого нет. Он улыбнулся, заметив вазу с орнаментом посреди стола, второй лучший фарфоровый сервиз и винные рюмки. Он заметил, что оловянный обеденный сервиз расставили так аккуратно, будто у судьи лучшего серебра не было. Его брови снова приподнялись, когда он увидел на буфете две бутылки иоганнисбергера^[9], уже перелитые в графины. Большая бутылка шампанского «поммери»^[10] стояла наготове в ведерке и уже покрылась пузырьками после погружения в ледяную воду родника. Он знал, что это последнее шампанское в винном погребе... Видно, Лорена готовилась встретить врага с шиком.

Аромат привел Янси на кухню, в духовке он обнаружил пару фазанов, фаршированных канадским рисом по секретному рецепту Пенелопы. Рядом лежал лук в белом соусе и засахаренный сладкий картофель: видно, даже в положении осады часы в Селби не останавливались. Улисс точил ножи в кладовой, а Флорри стояла на коленях перед духовкой и поливала птиц их собственным жирным соком. Врач плантации внимательно оглядел домашних рабов Лорены, затем объявил, что майор Кэрролл будет готов к назначенному часу. Он не заметил ни тени недовольства. Было видно, что домашние рабы лояльно отнеслись к прибытию врага, их преданность хозяйке Селби осталась непоколебимой.

— Где миссис Селби?

— На хлопкоочистительном заводе, доктор Янси, — откликнулся Улисс. — Рина просила вас не беспокоиться. Она скоро вернется.

Дядя Док улыбнулся, несмотря на тяжелые раздумья. Теперь, когда Лорена примирилась с присутствием войск Союза на ее земле, можно было ожидать, что она, следуя привычке, посетит склад. Она вряд ли могла одеться к ужину, не проверив, в сохранности ли ее драгоценный хлопок.

Янси застал ее на тюке в тени погрузочной платформы: Рина задумчиво опустила голову, а ее пальцы ухватились за клочок хлопка, который торчал из джутовой упаковки.

— Не раздумывай слишком долго, — сказал он. — До прихода нашего гостя осталось

полчаса.

Хозяйка Селби покраснела, но не подняла глаз.

— Ты все показал ему?

— Мы обошли твои владения от края до края.

— Скажи мне, что он говорил. И ничего не пропускай.

— Майор убедил меня, что он джентльмен и философ, — сказал Янси. — Конечно, он не нашего круга, но понимает нас достаточно хорошо. В целом я бы сказал, что сюда могли бы заявиться гораздо худшие завоеватели.

— Он оставит нас в покое?

— Это зависит от двух факторов — от приказов, которые он получит от своего корпусного командира, и — от тебя.

— Что я могу?..

— Сперва взвесим, какие донесения он может отослать. Он завершает инвентаризацию ресурсов Селби. Если у него сложится впечатление, что мы еще можем оказаться полезными Конфедерации, то его долг — сжечь плантацию. Или точнее, рекомендовать корпусу пойти на такой шаг.

— Тогда у нас нет никаких шансов.

— Возможно, что они все еще есть. А это, моя дорогая, зависит от второго фактора, о котором я только что упомянул.

— Ты намекаешь на то, что я пробудила его лучшие чувства? Как солдат Союза, он смотрит на меня только с одной точки зрения.

Янси сел на тюк с хлопком: он осторожно подбирал слова и смотрел на профиль Лорены.

— Лорена, ты сделала довольно поспешное заключение. Не забывай, что этот человек из сельскохозяйственной Пенсильвании: мне рассказывали, что больше нигде нет такой плодородной земли. Конечно, он восхищен тем, чего ты здесь добилась, твоей заботой о полях, тем, что ты обращаешься с рабами как с людьми, а не как с собственностью...

— Записи в книгах сохранились. Он обязательно обнаружит, что мы поставляли генералу Худу...

— Мы уже ничем не можем помочь генералу Худу, и его дело проиграно. Разве это не меняет наше положение?

— Дядя Док, все будет не так просто. Как может майор Кэролл пренебречь своими принципами или приказами?

— Давай забудем о приказах и взглянем немного на эти принципы. Я уже назвал его философом. Хочешь узнать его биографию?

— Если ты настаиваешь, — ответила Рина. — Должна признаться, мне казалось, что у тебя сложится более мрачное впечатление.

— Так и было бы, если бы Кэролл оказался закоренелым военным, который действует по приказу. Он закончил колледж Принстона в Нью-Джерси и готовился к адвокатуре в Филадельфии. Когда началась война, он уже стал удачливым юристом. По-моему, выбор им этой профессии говорит о многом. Стоило ему захотеть, и он мог бы вообще не работать. Он из богатой семьи...

— Майор Кэролл тебе и о своей родословной рассказал?

— Он об этом не говорил. Но даже я слышан о семействе Кэроллов из Пенсильвании.

Они взялись за добычу нефти в 1859 году, но до этого освоили добычу железной руды. Сегодня им принадлежит речной флот. Угольные шахты и ткацкие фабрики Питсбурга...

— Какая нам от этого польза? Мы ведь враги.

— Может, мы перестанем быть врагами, если ты станешь искусно защищать свои интересы.

— Какой смысл имеет слово «искусно» в лексиконе циника?

— Сама догадайся, — ответил Янси. Он все еще упорно избегал ее взгляда. — Кэрролл опытный человек, а не какой-нибудь свихнувшийся аболиционист^[11]. Он смотрит на вещи всесторонне. Я советую тебе сдаться ему на милость. Поклянись, что это муж вынудил тебя снабжать квартирмейстеров Худа, если он потребует бухгалтерские книги.

— Я не стану врать даже ради спасения Селби.

— Очень хорошо, если хочешь, оставайся благородной. Тверди, что триста негров, работающих на плантации, и их семьи без твоей помощи умрут с голоду. Говори, что из них выйдут хорошие вольноотпущенные, если он не лишит их средств к существованию. Я думаю, что он согласится.

— А если не согласится. Что тогда?

Янси отвечал:

— Ты хорошо помнишь историю древних времен? Например, Пунические войны?

— Довольно хорошо.

— Тебе известна судьба Ганнибала, генерала из Карфагена?

— Того, кто завоевал Рим?

— Он не совсем завоевал его. Такова моя точка зрения. Ганнибал подошел к самым воротам во главе лучшей армии в мире и готовился подвергнуть город разграблению. Однако на следующий день он пошел дальше. История не оставила нам достоверного объяснения того, почему так случилось. Поэты твердят, что женщина заставила его изменить первоначальное решение.

— Ты считаешь, что я могу так очаровать майора Кэролла, что он пощадит нас?

— Можно попробовать, — ровным голосом ответил Янси.

— Он пойдет дальше. Следом за ним придут другие. Что помешает им уничтожить все?

— Я слышал кое о чем, но точно не знаю, пока сам Кэрролл не подтвердит это. Если он на столбе твоих ворот оставит предупреждение начальника военной полиции, в котором всем войскам Союза будет предписано не беспокоить нас, мы легко отделаемся.

Пристально наблюдая за Лореной, Янси заметил, как та в задумчивости распрямила плечи, и понял, что его слова достигли цели.

— Ты точно знаешь, что он предпримет такой шаг?

— Настоящие приказы спускаются сверху. Но могу спорить, что начальство Кэролла прислушивается к его советам. Он из тех, с кем считаются.

Лорена задумчиво кивнула.

— Ты мне поможешь?

— Разумеется, девочка.

Когда Лорена встала на ноги, огонь в ее глазах поведал ему то, что он хотел узнать.

— Нам пора переодеться к ужину, — сказала она. — В Селби не принято, чтобы гости ждали.

Разглядывая свое чисто выбритое лицо в зеркале ванной, Дэн Кэрролл пришел к выводу, что выдержит экзамен. Конечно, его туника повидала всякое, но ее сшил лучший портной Филадельфии. Сегодня он мог лишь пожалеть, что она сохранила такой ярко-синий цвет. Однако он остался доволен тем, как туника сидела на нем, и сапогами, которые сверкали, словно отполированное зеркало.

Вернувшись в спальню, Дэн Кэрролл отпустил ординарца и широко раскрыл ставни. Оставшись, наконец, один в этом потрясающем доме после того, как задачи сегодняшнего дня были выполнены и совесть его была спокойна, он глубоко вдохнул свежий ноябрьский воздух и высунулся из окна, чтобы обозреть огромные сады. Он вновь потерял ощущение времени и почувствовал, что близится роковой час его судьбы...

По сумеречной бархатной лужайке плыл силуэт: белый мотылек в сопровождении темной тени. Он узнал хозяйку и врача плантации, идущих вместе, увлекшись беседой. Дэн вздохнул и торопливо закрыл ставни. Догадываясь о теме их серьезного разговора, он пожалел, что у него нет своего доверенного лица.

Джек Келлер подошел бы для этой роли, но его адъютант уехал с дневными донесениями. Кэрролл только что сообщил мажордому, что он будет единственным гостем. Зная, что доктору Янси еще потребуется время, чтобы переодеться, он растянулся на шезлонге, стоявшем между окнами спальни, и предался мечтаниям. Редко бывало, чтобы боевые задачи завершались столь же успешно, как начинались. Эта оставалась до сих пор блестящим исключением. Кульминацией победы у реки стал прием в этом доме. Даже в самых смелых мечтаниях он не мог бы себе представить столь блестящий особняк, как Селби Холл, или такую хозяйку.

Кэрролл неплохо знал Юг, но в основе этих знаний лежало чтение книг или суждения, которые мало отличались от предрассудков. Правда, во время кампании он многое видел сам, но это были мимолетные впечатления, не позволявшие составить целостную картину. Он также встречал немало южан, которые от Виргинии до Нового Орлеана пели нестройную симфонию поражения. Стоя рядом с командующим в звании генерала на приеме, устроенном в Нашвиле, чтобы подсластить побежденным горечь поражения, он увидел десяток дам, которые настойчиво твердили о непоколебимой вере в Союз... Было ясно, что хозяйка Селби выкована из более прочного металла.

До сих пор она хранила безупречное самообладание. Удастся ли найти способ, как разбить эту скорлупу и достучаться до скрывавшейся под ней женщины? Если бы они смогли встретиться и поговорить как равные, поймет ли он лучше ее страну?

Улыбнувшись собственному нетерпению, Дэн начал расхаживать по роскошному жилищу, осматривая персидские ковры, бархатные портьеры темно-бордового цвета на каждом окне, картину над мраморной каминной полкой. Он узнал в ней, тихо присвистнув, работу художника Ромнея^[12]. Ванную, из которой он только что вышел, по великолепию можно было сравнить с Помпеями. На мраморном столе в гардеробной было столько бутылочек и мазей, что их хватило бы на дюжину Брумелей^[13]. Над царской постелью возвышались четыре рифленых столбика, увенчанные классическими бантами — символами любви и балдахин, который усеяли, словно звезды, золотистые пчелы Франции. Однако в этом глубоко укоренившемся комфорте не было ничего вызывающего. Он принадлежал

Селби Холлу так же, как и английские самшитовые рощи и подъездная дорога длиной в четверть мили, над которой аркой нависали ветви многовековых дубов.

Признание того факта, что строительство этой империи было полито обильным потом черных рабов, нисколько не умаляло ее красоту, созданную многими поколениями. Возможно, Лорена Селби и была цветком той культуры, которую он, Дэн Кэрролл, поклялся полностью искоренить. Но от этого привлекательность Лорены нисколько не убавилась.

Дэн потряс головой, думая над этой загадкой, и перешел из гостевых апартаментов в галерею, чтобы познакомиться с рядом увековеченных в картинах предков. Портреты шли по порядку, начиная с первого Селби, нога которого ступила на землю Нового Света — мужчины из Джорджии в пышном парике, чей напыщенный вид и сердитый взгляд говорили о том, что он любил пить трехпенсовое вино, столь же недвусмысленно, будто заключение врача было приложено к портрету. Более поздние Селби не были столь полными, но этот дерзкий взгляд не исчез. Как-никак они все же завоевывали целинные земли с королевским патентом на руках. Естественно, они считали, что полное владение землей, как и движимым имуществом, обрабатывавшим ее, им обеспечено.

На предпоследнем портрете был изображен мужчина в мантии судьи. На его колене лежала открытая книга, а его рука безмятежно покоилась на глобусе. Снежно-белая грива прикрывала благородное чело; глаза смотрели тепло, хотя нос придавал ощущение холодности. «Вот человек, — подумал Кэрролл, — который впитал все знания своей профессии». Судья Эндрю Селби не вписывался в эту галерею денежных мешков, охотившихся верхом на лис — своим величием он поднимался над остальными. Не возникало ли такое впечатление потому, что его лицо излучало больше ума, чем гордости?

Последний портрет — высокий, щедро одаренный природой мужчина в униформе Конфедерации — вернул роду Селби доминирующую черту. Кэрролл тут же узнал в нем своего утреннего противника. Руки Брэдфилда Селби в перчатках с крагами сомкнулись на эфесе сабли; художник нарисовал его в профиль на фоне грозового неба. Возможно, из-за декораций он сам казался больше декорацией, нежели мужчиной. Именно этот портрет предвещал конец рода столь отчетливо, что это ясно видел даже случайный гость. Особенно если этот гость встречался на поле боя с другими «брэдами селби».

Во всей этой длинной галерее не оказалось ни единого женского лица. Дэн из этого сделал вывод, что в Селби Холле лишь мужская линия считалась достойной портретов. Он отмахнулся от этой мысли и прошел в двойную гостиную.

Врач плантации, сидевший у камина, встал со своего места.

— В это время, я пропускаю вторую рюмку, — сказал он. — Иногда третью, если приходят скверные новости с фронта. Майор, надеюсь, что наш бурбон придется вам по вкусу.

Выбрав кресло напротив врача, Дэн взял предложенную рюмку. В камине, разделявшем их, с треском горели сучки легкой древесины. Это было превосходное виски, и с первым глотком он почувствовал, как спадает накопившееся за день напряжение. Если бы он сидел у отцовского очага из необтесанного камня, смакуя пунш после целого дня охоты в горах, он не чувствовал бы себя более безмятежно. Казалось, будто отворилась незримая дверь, пропускающая его в Селби Холл, но не к его секретам.

Его принимали как гостя из другого мира и захватчика, которому оказывают формальное гостеприимство до тех пор, пока он не проявит себя врагом. Главные вопросы оставались без ответов. Он будет добиваться ясности при встрече с хозяйкой за ужином.

Думая о Лорене, он скорее почувствовал, нежели увидел, как она вошла. Сначала на лестнице послышался шелест платья, затем ее голос, пока она совещалась с дворецким. Она тихо поздоровалась из фойе, и оба мужчины встали. Когда она на мгновение задержалась под арочным входом, разделявшим две гостиные, Дэн замер от удивления. Казалось, будто неожиданно ожил еще один портрет, смелыми заключительными мазками завершая галерею Селби.

Сегодня вечером на ней было платье из зеленого, как арбуз, шелка с глубоким вырезом и приколотыми к груди бриллиантами в виде солнца с расходившимися лучами. Другие драгоценные камни украшали ее запястья и волосы, собранные в высокий шиньон, который удачно обнажал ее молочно-белую шею и плечи. Когда они встретились на портике, ему показалось, что Лорена Селби поразительно красивая женщина. Здесь, в домашней обстановке, пока теплый свет свечей падал на темные волосы хозяйки дома, от ее красоты у него захватило дух.

Он видел, что Лорена заметила, какое впечатление произвела на него. Еще мгновение и ее черные глаза тут же оценили его с ног до головы. Она прошла вперед и протянула руку. Этот жест наложил печать формальности на его присутствие. Когда их пальцы соприкоснулись, майор чуть наклонился, чтобы поцеловать ей руку, но та выскользнула прежде, чем ему удалось осуществить свое намерение.

— Джентльмены, мы можем приступить к трапезе, когда вы пожелаете, — объявила она. — Улисс уже сообщил, что ужин готов.

Через час Кэрролл, разомлевший от великолепной еды и вина, и Лорена вели словесную дуэль по всем направлениям, а врач выступал в роли хладнокровного судьи. Майору еще только предстояло выиграть спор, хотя он считал, что уже добился своего. Он не испытывал к ней недобрых чувств, поскольку она отважно сражалась на своей территории. Пока он не подвергал сомнению ее власть на этой плантации, она имела все основания играть главную роль.

По мере того, как войска Союза продвигались из штата в штат, он спорил на одни и те же темы и с другими леди с Юга. Сегодня ему еще раз напомнили, что не Юг, а Север начал военные действия. Желая сохранить свои «особые порядки», Юг всего лишь дал отпор агрессии. Понятное дело, армия, у которой больше пушек, должна одержать окончательную победу. Хозяйка была готова признать за северянами почти полную победу, если бы не гениальные действия генерала Ли в Виргинии... Она все еще настаивала на том, что эта война бесполезна, что умные люди должны были встретиться на условной границе, разделявшей две воюющие стороны, и договориться.

Что же касается рабов, то это дело Юга. Несмотря на прокламации из Вашингтона, Юг должен решить эту проблему самостоятельно, по собственному мнению. Здесь, в Селби, она могла доказать с помощью бухгалтерских книг то, что рабы на плантации жили лучше, чем многие заводские рабочие Новой Англии. Затем рабам можно будет дать образование — и в конце концов освободить их от рабства. Просвещенные южане всегда верили, что все закончится свободой. Если проявить терпение, то этого можно достичь без кровопролития, не посеяв зубы дракона, которые будут терзать землю юга целый век...

— Ответьте мне на один вопрос, миссис Селби. Если это было бы в вашей власти, когда бы вы освободили своих негров?

— В тот момент, когда они смогли бы воспользоваться свободой.

— Завтра? Через пятьдесят лет? Или никогда?

— Я раскрою два секрета, — ответила Рина. — Даже при жизни судьи Селби рабов, которые могли бы воспользоваться свободой, учили читать, писать и считать. С тех пор, как я управляю делами, им платят зарплату. Таким образом, я решила надежно удерживать их на земле до тех пор, пока не прояснится, что делать в будущем.

— Значит, вы здесь управляете всеми делами?

— Полностью с тех пор, как мой муж пошел воевать.

— Он освободил бы их?

— Наверное. Я надеюсь на это.

— Извините, но я не могу в это поверить.

— Как вы можете судить о капитане Селби, если вы не знаете его?

— Я встретился с ним сегодня у Брода Индейцев. Должно быть, вы знаете об этом. Я уже был наслышан о капитане Селби. Я не собираюсь говорить плохо об отсутствующих, но именно из-за таких людей, как Селби, эта война стала неизбежной.

Рина сжала губы, но ее голос не дрогнул:

— Майор, я не стану опровергать такую оценку.

— Рабство и права штатов, с точки зрения воинственного человека, являются синонимами. Когда в Джорджии снова наступит мир, такие люди сделают все возможное, чтобы удержать негров в рабстве.

— Это их право.

Дэн улыбнулся и посмотрел на бокал, который Улисс только что наполнил шампанским. Эту дуэль он решил выиграть, несмотря ни на что.

— Ответьте мне еще на один вопрос, миссис Селби. Из-за чего началась эта гражданская война? В чем главная причина раздора?

— Право жить по своим правилам, — ответила Рина. — В Джорджии мы не пользуемся выражением «гражданская война». Для нас это война между штатами.

— Вот именно. Мистер Линкольн давно говорил, что он не стал бы трогать рабство, если бы ему удалось сохранить Союз. Однако, раз началась стрельба, войну нельзя закончить честно, не освободив наших рабов...

— *Наших* негров, майор. Они не ваши.

— Тогда мы вместе отвечаем за них, — спокойно добавил он. — Оставим пока рабство в стороне. Самое важное, чтобы выжили эти Соединенные Штаты. Когда мы перестанем стрелять, они впервые станут *по-настоящему* соединенными. Эта война докажет миру, что мы государство, и одно целое — сильнее его составляющих частей. — Майор умолк, когда Янси, сидевший на другом конце стола, начал ему аплодировать. — Я не собирался произносить ура-патриотическую речь, — заметил он. — Однако я рад, что доктор согласен со мной.

— Наша хозяйка тоже, — добавил Янси. — Только при вас она в этом не признается.

— Мы все можем сойтись на том, что эта война бессмысленна, — сказал Дэн. — Разве нам нельзя заключить сепаратный мир между собой?

— Вряд ли, — ответила Лорена, — если вы намереваетесь сжечь нашу плантацию.

Это была констатация создавшейся ситуации, а не вопрос. В наступившей тишине казалось, что смысл ее слов расходится, словно круги на воде после брошенного камня. Впервые Дэн уловил в голосе Лорены Селби нотку, похожую на мольбу. Хотя ее глаза смотрели пристально, в них, похоже, светилась просьба рассеять ее сомнения. Сожалея всем сердцем, что не может дать ответ, он решил предать свои мысли гласности.

— Вот что я вам сейчас скажу, — начал он. — Мой адъютант везет командующему корпусом полное донесение о том, что я здесь увидел. Я пишу, что мы не встретили сопротивления и не ожидаем такового. Я добавил, что, по моей оценке, ваши нынешние запасы никогда не попадут в руки противника. Но я уже говорил доктору Янси, что не мне принимать окончательное решение. Командующий корпусом вполне может не согласиться с моими оценками. — Он натянуто улыбнулся, чтобы смягчить скрытое в его словах недоброе знамение. — Вот таково сейчас положение дел. Жаль, что мне не дано выразить большего оптимизма, но я не стану вводить вас в заблуждение ложными надеждами. К сожалению, должен сказать о том, что вы завтра и так услышите. Плантации двух ваших соседей сегодня днем были сожжены: Гринтри и Гамильтон Хандред. Может, это послужит примерным наказанием для этого края.

Было заметно, как побледнела хозяйка при этих словах, но Дэн не пожалел о своей откровенности. Он умышленно не упомянул о том, что обитатели домов обеих плантаций заперли двери и окна на засовы и предприняли отчаянную попытку отбросить его людей ружейным огнем. Естественно, уничтожение этих плантаций стало необходимым предостережением для других. Как он мог обещать, что с Селби Холлом обойдутся лучше после того, как его донесения достигнут штаба?

— Я вижу, приказы вашего командования ничего хорошего не предвещают, — заключила Рина. — Можно надеяться, что вы получите добро действовать по собственному усмотрению?

— Ответ на этот вопрос мы получим завтра, миссис Селби. А пока вы поверите мне, если я скажу, что вы заслуживаете того, чтобы выжить?

— Майор Кэрролл, я намерена выжить, невзирая на то, как вы распорядитесь судьбой плантации.

— Позвольте мне еще добавить, что я надеюсь стать вашим другом в мирное время, независимо от того, какие приказы получу завтра.

— Как мы можем стать друзьями, если находимся во враждебных лагерях?

— Эти лагеря не могут вечно оставаться враждебными. Если наша история имеет какое-либо значение, тогда следует позаботиться о будущем друг друга.

— Посмотрите на этот дом, — сказала Рина. — Его построили обитатели Джорджии и сохранили обитатели Джорджии. Другие обитатели Джорджии позаботятся о том, чтобы он здесь стоял и в следующем столетии. Ваша помощь нам не понадобится.

— Вот здесь, миссис Селби, вы ошибаетесь. Я посвятил свою жизнь тому, чтобы доказать это.

— Не слишком ли это трудная задача, майор?

— Возможно, она трудная в это безотрадное время. К счастью, у меня есть, чем подтвердить свои слова. Так случилось, что я являюсь одним из трех самых богатых людей в своем штате. Жителю Пенсильвании это говорит о многом. — Он улыбнулся хозяйке дома: это замечание в данной ситуации не говорило о самомнении. — Моей заслуги нет в том, что мой дед добыл эти богатства, а отец приумножил. По воле судьбы оба дяди погибли на этой войне и оставили меня единственным наследником...

— Извините меня, майор Кэрролл, — прервала его Рина, — но какое это имеет отношение к Джорджии?

— Полагаю, самое серьезное. Поскольку я получил эти деньги случайно, я намерен их вложить в выгодное дело.

— Боюсь, что я вас не понимаю.

— С тех пор, как началась эта кампания, я ищу место, где можно было бы пустить корни. Сегодня я выбрал Округ Крей. Я так решил после боя у Брода Индейцев.

Тут заговорил сидевший в конце стола Янси.

— Значит ли это, что вы займетесь фермерским хозяйством по соседству с нами?

— Я начну скупать земли, как только это станет возможным.

— Вы думаете, что этот округ примет вас? — спросила Рина.

— Я постараюсь стать достойным этого, миссис Селби. Вы оказали бы мне услугу, если бы поручились за меня.

Пока он говорил, Рина встала, ее глаза горели.

— Сожжете ли вы нашу плантацию или пойдете дальше, я не стану ручаться за вас. Мой муж мне этого никогда не разрешит. Моя совесть тоже.

— Время лечит многие раны, — сказал Дэн. Он заметил, что Рина собирается уйти, и поспешил открыть перед ней дверь. Так было легче задержать ее на мгновение.

— Некоторые раны никогда не заживут.

— Даже такие, как ваши предрассудки?

— Я поверю вашему намерению стать здесь землевладельцем, если увижу, что оно осуществляется.

— Это я смогу вам доказать весной, если к тому времени закончится война.

— Мой долг сообщить вам, что вы умрете от одиночества.

— Можно умереть и от худшего, миссис Селби, если вы останетесь моим противником.

Оба стояли в дверях и смотрели друг другу в глаза. Из-за того, что юбка Рины распустилась широким колоколом, она не могла пройти, не коснувшись его, а если Дэн верно догадался, отчего пылает лицо хозяйки дома, то она ни за что не решится на такой контакт. Он не сдвинулся с места. В этот момент он не сдержался и решил удержать инициативу в своих руках.

— Я вам еще кое-что обещаю, — сказал он. — Вернувшись сюда, я позабочусь о том, чтобы все тюки с вашего склада нашли покупателя.

— Как вы сможете сделать это, если вам приказано сжечь этот склад?

— Тогда я помогу вам вырастить новый урожай. Вы мне не верите?

— Нет, майор, — ответила она. — Как ни странно, в голосе Рины не чувствовалось враждебности, хотя огонь в ее глазах все еще тлел. — Думаю, вы тешите меня несбыточными надеждами.

— Я говорю лишь правду.

— Может, разговор о решении командования является лишь хитростью, чтобы держать меня в мучительной неизвестности? Разве вы сами не можете решить, уничтожить ли нас или оставить в покое?

— Нет, миссис Селби. Поверьте мне, я здесь лишь посредник. Но завтра я стану вашим другом.

— Очень хорошо, майор. Я оставлю за вами последнее слово. И я напомню вам об этом обещании в более подходящее время.

Черные глаза еще раз обожгли Дэна Кэролла, но ее пальцы были холодны, как лед, когда сомкнулись на его руке, заставив его повернуть ручку двери и уступить ей дорогу. Когда Лорена ушла, он повернулся к врачу плантации. Верно, она оставила последнее слово за ним, но он не мог поверить, что одержал над ней победу.

— Сначала она твердит, что мы не можем стать друзьями, — сказал он. — Затем подбивает меня доказать дружеские намерения. К чему она клонит?

Янси рассмеялся, передавая ему портвейн.

— Никогда не спрашивайте леди о том, что она имеет в виду, — сказал он. — Особенно если она с Юга. Все равно ничего не узнаете.

«Вчера ты подготовила почву, — думала Рина про себя. — Вчера ты изучала противника. В целом ты справилась хорошо. Сегодня вечером я потребую, чтобы он сдержал свое обещание».

Ей спалось плохо. Она дважды вставала, не сомневаясь, что слышит потрескивание огня, но из лагеря Союза не доносилось ни звука, если не считать топота сапог часовых. С утра она снова вскочила, услышав, что горн трубит подъем, и сначала испугалась, подумав, что батальон уходит. Когда она увидела, что люди Кэролла, позавтракав у костров, и не думали сниматься с места, она почувствовала, как у нее дрогнуло сердце. Селби дали хотя и короткую, но отсрочку: пока эти люди в синих униформах живут лагерем на ее лугу, ее тюки с хлопком не начнут пылать.

Весь день Рина заставляла себя заниматься обычными делами. Вместе с Салом она прошла по хижинам, чтобы точно удостовериться, что никто не сбежал. Она заметила, что люди майора стараются держаться подальше от негров, пока те работают. Никаких происшествий не случилось, и Рина почти не замечала напряженности: даже Люк угрюмо признал, что работа на плантации продолжается с точностью часового механизма. За это она могла благословить Саладина, поддерживавшего образцовый порядок...

Снова наступил вечер. Оккупация ее земель продолжалась уже двадцать четыре часа, но из обрывков разговоров, которые ей удалось расслышать, она не верила, что завтра все закончится. Она могла лишь молиться, чтобы 2-й Пенсильванский кавалерийский батальон ушел так же, как и пришел, и не оставил после себя обуглившихся развалин.

Она чинно еще раз пригласила майора Кэролла на ужин, но тот прислал свои извинения по поводу того, что не сможет прийти. Лейтенант Келлер скоро должен вернуться с приказами из корпуса: тем временем он отведает солдатской пищи и примет донесения от патрулей. Рина отлично поняла намек. Для нее наступил переломный момент: скоро враг объявит о своем решении. Помня последнюю встречу в дверях столовой с этим самым врагом — и о том, что прочитала в его глазах, — она была уверена, что в ее руках еще остались козыри.

Рина ужинала на подносе в своей комнате, ей показалось неразумным слишком рано спускаться вниз. После этого она принарядилась, надев бордовое китайское платье из парчи, рельефно подчеркивавшее ее фигуру. Сегодня она тщательно спрятала свои драгоценности вместе с обручальным кольцом в потайном стенном сейфе. Спустившись, наконец, вниз по лестнице, она обрадовалась, что Улисс экономит свечи. Сумерки лучше подходили к ее настроению, не говоря уже о неминуемой встрече с майором Дэном Кэроллом.

В ближайшей из двух гостиных лампа бросала теплый круг света на стол, где майор разложил карты. Большинство карт находилось в планшетах, шинель майора была аккуратно сложена на спинке стула. Все говорило о том, что он где-то рядом и создавало ощущение, будто эта комната принадлежит ему. Быстро войдя в круг света лампы, она удивилась тому, что не испытала отвращения к этой комнате.

Зная, что в любую минуту может вернуться ординарец майора, она без колебаний отогнула клапан полевой сумки. Внутри лежали десятки плакатов: благодаря описаниям Дяди Дока она сразу узнала их. Они были напечатаны на толстой бумаге, украшены

рельефной большой государственной печатью Соединенных Штатов, внизу стояли факсимильные подписи военного министра и начальника военной полиции штаба генерала Шермана. Над ними оставались три пустые строчки. Рина решила, что они предназначены для имени того, чье имущество надлежит сохранить, описания этого имущества и, наконец, подписи офицера, подтверждавшего это.

В Джорджии сегодня таким плакатам не было цены. Дядя Док все четко объяснил: если прибить его к воротам и поставить рядом капрала, этот кусок бумаги обезопасит будущее плантации Селби. Пальцы Рины дрожали, когда она вытащила один плакат из полевой сумки и спрятала его под подушкой дивана. Едва она успела сесть, как на портике послышались шаги. Рина узнала шаркающую походку Люка Джексона еще до того, как тот появился в дверях, и облегченно вздохнула. Еще не подошло время для встречи с майором Кэроллом.

— Входи, Люк, — позвала она. — Я здесь одна.

Надсмотрщик уехал днем по особому поручению, она ожидала возвращения надсмотрщика еще до наступления темноты, догадываясь о причине его опоздания. Он был желанным гостем, даже если приносил плохие вести.

— Люк, как далеко ты сумел добраться?

— До самой главной дороги, миссис Селби. — Джексон осторожно вошел в гостиную, обошел стол с картами, сердито глядя, будто на нем появилось гнездо гадюк. — Армия северян все еще валит через переправу.

— Значит, ты добрался до Гринтри?

— Да, мадам. Я также завернул в Гамильтон Хандред.

— Это правда, что обе плантации сгорели дотла?

— В Гринтри не осталось ни одной целой стены: все сгорело. Мисс Бюэлл переселилась в одну из хижин своих рабов.

— А Гамильтоны?

— Они переселились в один из табачных амбаров полковника.

— Надеюсь, ты пригласил сюда обе семьи.

— Миссис Селби, они не придут сюда после того, как вы разделили трапезу с майором Кэроллом.

Рина горько улыбнулась: на свое предложение приютить их — другой реакции она и не ожидала.

— Что ты еще узнал?

— Плантация Варнеллей все еще стоит на месте. Вряд ли мне надо объяснять причину.

— Ты намекаешь, что офицеров янки можно подкупить?

— Все Варнелли неуязвимы, мадам. У них кошельки туго набиты звонкой монетой. Они «белая шваль», и всем это известно. Теперь те же разговоры ведутся о Селби.

— Здесь мы никого не подкупали.

— Тогда почему у нас еще стоит крыша над головой?

— Во-первых, потому что этот дом стал штабом майора Кэролла. Во-вторых, потому что он лично сочувствует побежденным. По крайней мере, он так утверждает, однако я все же думаю иначе.

Землистое лицо Люка побледнело.

— Мы обойдемся без его сочувствия.

— Я хочу спасти плантацию своего мужа и сохранить рабочих. Если мне удастся добиться этого, пригласив майора армии Союза на ужин, то сплетни ничего не стоят.

— Миссис Селби, почему вы думаете, что он пощадит нас? Разве он не сжег плантации Бьюэллов и Гамильтонов?

Не дрогнув, Рина посмотрела в полные вызова глаза надсмотрщика.

— В данный момент, — твердо начала она, — я не могу ответить на этот вопрос. Могу лишь надеяться, что я точно оценила намерения майора. Пока я их не узнаю, прошу тебя, Люк, держать язык за зубами.

Надсмотрщик в безмолвном гневе крутил свою шляпу.

— Постараюсь, мадам. Но мне это дастся нелегко.

— Если Селби исчезнет, ты останешься без работы. Ты подумал об этом?

— Возможно, но я не хочу сохранить работу такой ценой.

— Ты останешься, Люк, и оставь свое мнение при себе. Думаю, ты мне многим обязан.

— Я вам многим обязан, миссис Селби, но я не могу взять свои слова назад.

Сказав это, Люк ушел, все еще вертя свою шляпу: Рина знала, что он больше не заговорит. Глядя ему вслед, она заметила Дядю Дока, который прислонился к дверям и наблюдал за ней со знакомой улыбкой на устах. Он достал сигару. Встретив его взгляд, она откинула голову назад.

— Что скажешь? Ты меня тоже презираешь?

— Надеюсь, ты сама знаешь ответ.

— Что еще я могла предпринять, чтобы спасти Селби?

— Ты все сделала правильно, — ответил он. — Не обращай внимания на слухи. Главное то, что тебе подсказывает сердце.

— Дядя Док, я хочу спасти свой дом. Все остальное не имеет значения.

Янси выбросил сигару и вошел в гостиную.

— Хочешь обсудить наш план действия?

Янси не шевельнулся, когда она приподняла подушку на диване и достала плакат. Выражение его лица не изменилось, пока он не прочитал его до последнего слова.

— Откуда ты достала это?

— Из полевой сумки майора. Откуда еще?

Янси почти спешно вернул плакат на прежнее место.

— Что дальше?

— Если я правильно понимаю тебя, на плакате не хватает лишь подписи майора?

— Верно, если ему на то сверху будут даны полномочия.

— А что если майор подпишет его без полномочий? Разве он тогда не будет иметь силы?

— Вполне возможно, — ответил Янси. — Но он ведь еще не подписал его.

— Он подпишет, — сказала Лорена. — Пожалуйста, предоставь это мне и не задавай вопросов.

Некоторое время врач плантации внимательно смотрел на нее, затем на его губах появилась улыбка.

— С удовольствием, девочка, — наконец сказал он. — Что ж, предоставляю тебе свободу действия.

Смотря вслед врачу, который пересек фойе и начал подниматься по лестнице неторопливой походкой старика, Рина подавила желание вернуть его назад. Когда он ушел, она последовала за ним, но только до первой лестничной площадки, где спряталась в тени.

Через десять минут она услышала, как раскрылись двери фойе. Казалось, это была целая

вечность.

Подсматривая меж столбиков перил, она могла разглядеть лишь голову Дэна Кэролла, который спешил к своему рабочему столу в сопровождении батальонных посыльных. Она услышала, как заскрипел стул, и, подавшись вперед, заметила четкую тень майора на стене. Сейчас она могла лишь прятаться в тени лестничной площадки и ждать своего часа.

В течение следующей половины часа, судя по тяжелому топоту сапог, майор был занят отправлением и получением донесений. Поток входивших в дом и выходявших курьеров, стук копыт на подъездной дороге, казалось, никогда не прекратятся. Только когда, наконец, в фойе и на портике воцарилась тишина, она прекратила тщетное подслушивание и поднялась со ступеньки на лестничной площадке. В следующее мгновение она стояла под аркой фойе и не знала, каков будет ее первый шаг.

Майор, все еще складывающий записки в полевую сумку, похоже, не догадывался о ее присутствии. Рина почувствовала, что его занятость работой не предвещает ничего хорошего. Она, исходя из своей отчаянной стратегии, надеялась, что Кэролл вдруг поднимет голову и продолжит спор, который они не завершили вчера в столовой.

— Я вам помешала?

Кэролл тут же встал.

— Никак нет, миссис Селби. Я уже собирался послать за вами.

— Правда, что вы завтра уходите?

Тут он едва заметно улыбнулся, не отрывая глаз от полевой сумки.

— Я надеялся, что это останется военным секретом.

— Я невольно услышала...

— Мы отправляемся в путь после подъема, чтобы присоединиться к нашей бригаде. Необходимость охранять фланги отпала.

Уговаривая себя задать следующий неизбежный вопрос, Рина почувствовала, что у нее на сердце становится тяжело.

— Вы получили указания относительно плантации Селби?

— Из корпуса только что пришли приказы. Мне даны полномочия решить этот вопрос по собственному усмотрению.

Страх подгонял Рину вперед, но она заставила себя вцепиться в арку фойе, когда он открыл клапан полевой сумки, достал такой же плакат, какой она недавно стащила, и предложил ей взглянуть на него.

— Это специальное извещение нашего начальника военной полиции, — пояснил он. — Такие плакаты были распечатаны для этой кампании по приказу генерала. Вам приходилось видеть их?

— Доктор Янси рассказывал о них, — ответила она. — Я не совсем поняла, для чего они предназначены.

Она совершенно овладела своим голосом, произнося эту наглую ложь. Кэролл не сумел бы догадаться, что ей потребовалось напряжение всех сил, чтобы сдержать слезы, когда он расписался на этом драгоценном квадратном куске бумаги, затем печатными буквами написал ее имя и название плантации — Селби Холл — в отведенном для этого месте сверху.

— Предназначение этого извещения самоочевидно, — сказал он тем же беспристрастным голосом. — После моей подписи плакат стал официальным документом. Уходя, мы прикрепим его к вашим воротам и поставим часового, чтобы приказ соблюдался.

Разумеется, это означает, что ваша плантация останется нетронутой до самого конца войны. Любой, кто посмеет стащить из вашего сарая хотя бы курицу, ответит перед военным трибуналом. — Он бросил плакат в кучу с картами и улыбнулся. — Миссис Селби, не удивляйтесь так. Вчера вечером я вам обещал поступить именно так, если командир корпуса предоставит мне такие полномочия. Разве это доказательство не убедило вас?

Она рассмеялась, наконец, сквозь слезы и не пыталась сдержать их. Опустившись на ближайший стул, она закрыла лицо руками. Облегчение, словно бальзам, пролилось на ее душу, когда она впервые осознала, что этот офицер армии Союза искренне желает защитить ее. В то же время она чувствовала, что, как ни удивительно, проиграла. Она не осмелилась взглянуть в лицо Кэролла, когда тот подошел к ней, держа стакан в руках.

— Выпейте это, — сказал он. — Вы испытывали страшное напряжение. Я не хотел продлевать ваши мучения.

От виски у нее просветлело в голове, но тело не могло избавиться от тяжести. Сцена, которую она так тщательно планировала, похоже, уже закончилась: как актриса, лишившись кульминационного момента, она могла лишь беспомощно стоять за кулисами. Затем сквозь туман этого разочарования она услышала, что Дэн Кэролл произносит ее имя. Какая-то нотка в его голосе говорила, что игра еще не совсем окончена.

— Миссис Селби... Лорена...

— Да, майор?

— Можно мне сейчас называть вас Лореной, раз я доказал, что являюсь вашим другом?

Наконец, она подняла голову и внимательно посмотрела на янки, слезы исчезли, будто их и вовсе не было. Он все еще стоял над ней, неловко протянув одну руку. Она догадалась, что этим жестом он собирался скрепить узы, которые сейчас, по его мнению, возникли между ними. Инстинкт предупреждал ее, что было бы рискованно пожать ему руку. Правда, их пальцы на мгновение соприкоснулись, когда вчера она встречала его в качестве гостя на ужине. Пожатие рук сейчас имело бы совершенно другое значение.

— Как мы можем стать друзьями, майор?

— Если никто не сделает первый шаг, — ответил он, — то почти нет оснований надеяться, что у нашей страны появится будущее.

— Разве вы не понимаете, что мне приходится быть вашим врагом? И я не могу принять вашу защиту в качестве подарка?

— Почему нет, если защита предлагается по доброй воле?

Лорена подошла к дивану, нашла свой экземпляр плаката и положила его на стол с картами. Кэролл не сдвинулся с места с того момента, как она отказалась пожать ему руку.

— Как видите, — сказала она, — это дубликат. Я украла его, пока вас не было.

— Для чего?

— Конечно, чтобы убедить вас подписать его. При первом удобном случае.

— Каким образом вы намеревались это сделать?

— Если ничего не помогло бы, майор Кэролл, я собиралась предложить себя.

Когда прозвучали эти слова, она удивилась, что смогла произнести их так спокойно. Наступил ужасный миг, и она испугалась, что он не понял значение этих слов. Едва заметная улыбка, игравшая на его губах, страшно разозлила Лорену прежде, чем она успела заговорить.

— Вы понимаете, что вы говорите? — спросил он.

— Отлично понимаю. Я все еще намерена заплатить за эту подпись ради того, чтобы

сохранить уважение к себе.

Рина почувствовала, как ее недовольство угасает, когда сообразила, что наконец-то шокировала его. Оба молчали, она не сомневалась, что майор выйдет из комнаты, оставив за ней последнее слово. Когда он снова взглянул на нее, в его глазах читалось нечто такое, что говорило — инициатива перешла к ней.

— Разве мне нельзя защитить вас из дружеских чувств? — спросил он.

— Янки, мне не нужна ваша дружба.

— К друзьям нельзя относиться пренебрежительно. Даже тогда, когда они носят вражескую униформу.

— Я все же хочу вернуть свой долг тем способом, который, как мне говорили, называется традиционным.

— Лорена, вы странная женщина.

— Не забывайте о приличиях, — предупредила она. — Для вас я миссис Селби.

— Даже сейчас?

— Сейчас даже больше, чем прежде. — Ее глаза загорелись. Она безрассудно пыталась закрепить свое преимущество. — И не делайте вид, что вы не желаете меня. Я поняла это еще вчера в то мгновение, когда мы встретились.

— Конечно, я желаю вас, — признался он. — Какой бы мужчина не желал?

— Тогда договорились?

— Вернемся к нашей встрече, — ответил он. — Она очень важна для нас обоих. Я возжелал вас, когда увидел, что вы стоите на портике, как королева. Но я желал вас совсем не по тем причинам...

— Какое значение сегодня имеют причины?

— Для меня они имеют большое значение. Вчера я был готов возненавидеть вас. Я считал вас еще одним тунеядцем на этой земле, пережитком феодальных времен. Я даже подумал, что можно отомстить Югу, взяв вас на собственных условиях...

— Почему же вы передумали?

— Из-за Селби. Из-за того, чего вы здесь добились.

— Значит, вы одобряете то, как я веду дела?

— Я подумал, что должен оказать честь вашим достижениям, — ответил он. — Вот почему я обещал вам защиту. Возможно, вы посчитаете, что так я загладил свою вину.

— Ваши мотивы делают вам честь, — ответила она. — Я принимаю ваши слова за чистую монету. Большого я и не ожидала от янки.

— Вы обязательно должны использовать это слово в качестве проклятия?

— Майор, сказать вам, что я ожидала? Я считала вас зверем из мрака, чудовищем в униформе, которого я должна обязательно любой ценой ублажить. Мое мнение не изменилось, невзирая на все ваши красивые слова.

— Если бы я был тем, за кого вы меня принимаете, — спокойно ответил он, — то взял бы вас давно и не стал бы подписывать этот плакат.

— И почему вы этого не сделали?

Он приблизился к ней на шаг, и оба серьезно посмотрели друг на друга.

— Только по одной причине, — ответил он. — Чтобы доказать, что я могу вести себя как человек. Разве в это так трудно поверить?

— Майор, я сделала вам предложение. Раз вы уходите рано утром, настало время принять его.

Лорена не шевельнулась, когда он, сделав один большой шаг, оказался рядом с ней. Когда он обнял ее, она хранила спокойствие, хотя и съежилась от первого соприкосновения с синей униформой. Затем, не ощущая, что сдается, она обняла его, подчиняясь неодолимой силе. Через мгновение она ответила на его поцелуй столь же страстно.

Ее сознание все еще восставало против такой капитуляции. Затем, когда умышленно вызванный Лореной накал страстей в душе Кэролла нашел страстный отклик в ее сердце, она перестала думать. Не стало ни прошлого, ни настоящего, ни будущего, пока звучала эта безумная музыка. Она жадно впиалась в его уста.

— Вот видите, мы ведь не враги, — наконец, сказал он, отпуская ее. — Мы ими никогда не были.

Ее мысли плыли в безграничном море и тщетно пытались найти опору. Она тонула в бездонных глубинах и не желала больше дышать.

— Что вы со мной сделали? — спросила она.

— Напомнил, что вы женщина. Разве это открытие вас не радует?

Топот бегущих ног на портике и гомон голосов тут же вернули ее к действительности.

Отстранившись от Кэролла, Рина отодвинула портьеру. Она увидела, как из задней двери выскочил Дядя Док и направился к лужайке, он был в рубашке и со всех ног бежал в противоположную от Большого Дома сторону. Тут она почувствовала запах дыма и услышала рев пламени за скотным двором.

— Склад горит! — из ее горла вырвался крик. Она не узнала свой хриплый голос.

Полураздетый сержант с перепачканным сажей лицом взбежал по ступеням портика и встал перед Кэроллом по стойке смирно.

— Майор, пожалуйста, пройдите к скотному двору.

— Аллен, что случилось?

— Сперва загорелся хлопкоочистительный завод. Затем плотницкий навес. Они сгорели как свеча...

— Кони в безопасности?

— Да, майор.

— Возвращайтесь на свой пост. Я сейчас приду.

Пока шел этот разговор, Рина отшатнулась от окна и опустилась на стул. Она все еще не хотела верить в то, что слышала и видела. И все же, когда Кэролл встал рядом с ней, она почувствовала странное смирение, будто это тоже стало частью ее судьбы, от которой было не уйти.

— Разве ваши люди не подчиняются приказу? — спросила она. — Или же они получили его с опозданием?

— Лорена, произошел несчастный случай.

— Несчастный случай?

— Огонь вспыхнул на хлопкоочистительном заводе и переметнулся на склад. Наверно, ваш хлопок погибнет. Аллен думает, что мы можем спасти амбары.

— Вы это называете несчастным случаем?

— Да. Пожалуйста, поверьте мне.

Лорена подошла к столу с картами, двумя руками схватила казенный плакат, разорвала его в клочья и швырнула их в лицо Кэролла.

— Могли бы, хотя бы до утра подождать, прежде чем поджигать, — сказала она, подняла обе сжатые в кулаки руки, собираясь ударить его. Он продолжал стоять с тем же

невозмутимым спокойствием.

— Вы ведь так не думаете. Вы не можете...

— Какой выбор вы мне оставили? — спросила она.

Рина повернулась, когда, словно дуновение ветра, влетел Янси. Оба рукава его рубашки обуглились и, похоже, у него обгорели брови. Однако он вел себя достаточно спокойно, несмотря на тяжелое дыхание.

— Все в порядке, майор, — сказал он. — Мы справились с пожаром.

Дэн Кэрролл со столь же непоколебимым спокойствием взглянул на Янси. Даже сейчас он выглядел как человек, который встречал и более неприятные ситуации и справлялся с ними.

— Пожалуйста, расскажите миссис Селби о том, что случилось, — сказал он. — Я нужен там, на месте пожара.

Врач плантации налил себе выпить и не думал говорить. Рина снова стала глядеть на языки пламени. Они горели ярко, но она понимала, что огонь отступает. Склад и хлопкоочистительный завод находились на безопасном расстоянии друг от друга; стоял спокойный вечер, и почти не было опасности, что огонь может распространиться... Она уже видела, как с десятков кавалеристов армии Союза выстраиваются с ведрами в руках у колодца скотного двора, и почувствовала, что ее омывает горячая волна стыда за то, что она обвинила майора. Разорванный в клочья плакат лежал у ее ног. Она нагнулась, чтобы собрать их и отдернула руку, видя испытывающий взгляд Янси.

— Лорена, он пообещал тебе то, что ты хочешь?

— Мне так показалось.

— Подумай о следующем. Пожар возник случайно. Один из часовых уснул на крыльце хлопкоочистительного завода. В руках он держал зажженную трубку.

Рина прикрыла руками глаза, хотя и не хотела плакать: она уже выплакала все слезы.

— Значит, я еще раз недооценила майора?

— Никто не станет винить тебя за это.

— Я извинюсь перед ним, когда он вернется, — оцепенело пообещала она.

— Думаю, на твоём месте я поступил бы так же. — Янси вышел на портик и стал всматриваться в темноту. — Селби будет в безопасности, когда потушат огонь, — сказал он. — Дэн Кэрролл не из тех, кто забывает о своих обещаниях.

Оба умолкли, когда на лужайке появился Люк Джексон. Надсмотрщик почернел от дыма, но принес обнадеживающую новость. Пожар заканчивался сам собой, причем очагом возгорания был хлопкоочистительный завод. Большому Дому с самого начала не грозила ни малейшая опасность; амбарам и хижинам, если не считать нескольких мест, куда упали тлеющие угли, пожар не причинил никакого вреда.

Люк неохотно признал, что военные Союза вместе с рабами плантации тушили пожар. Некоторые из них получили ожоги: в лечебнице требовалась помощь Янси.

— Вам удалось спасти хлопок? — спросила Рина.

— Всего лишь десяток тюков, мадам.

— Скажи майору, что я иду, — велел Янси. Он положил руку на плечо Риной, когда надсмотрщик, прихрамывая, направился к амбарам. — Слишком не горюй, — утешил он. — Тяжело смотреть, когда целое состояние превращается в дым, но могло быть и хуже. Если бы подул северный бриз, дом тоже сгорел бы.

— Какая польза от Селби без хлопка?

— Впереди новые урожаи.

— Мне едва хватит денег, чтобы накормить рабочих в следующем месяце. К Новому году у нас не останется ни цента.

— Только не говори, что тебя испугал сгоревший склад. Подумай о Гринтри и Гамильтон Хандред. У тебя есть хотя бы крыша над головой и защита до конца войны.

Рина задумчиво кивнула, все еще не поднимая головы. Она неподвижно сидела на диване. Теперь, когда Янси собрался уходить, она стряхнула с себя душившее ее оцепенение.

— Если майор найдет свободную минуту, — сказала она, — мне хотелось бы поговорить с ним здесь.

— Думаю, что он догадывается об этом, — серьезно ответил Дядя Док. — Но я ему все равно передам.

Рина продолжала сидеть на углу дивана, пока Кэрролл пересекал портик. Она держала спину прямо, словно аршин проглотила, расположение ее юбок и сложенных рук сделали бы честь дамскому журналу *Годея*^[14].

— Майор, входите, пожалуйста.

Кэрролл заговорил не сразу, но она, не поворачиваясь, поняла, что он подошел к рабочему столу.

— Полагаю, надсмотрщик сообщил вам, что случилось.

— Я знаю все. Простите меня за глупое поведение?

— Не извиняйтесь. Ваше подозрение было вполне обосновано.

Не осмеливаясь взглянуть на него прямо, пока он усаживался за столом, она заметила, что майор раздет до пояса и лишь пончо прикрывает его голые плечи. Видно, он тоже вместе с остальными тушил пожар. Без туники и эполетов он выглядел гораздо моложе.

— У меня здесь остались кое-какие незавершенные дела, — пояснил он. — Это займет немного времени.

Услышав, как перо скользит по бумаге, она осмелилась поднять глаза. Кэрролл расправил на столе еще один плакат начальника военной полиции. Рина заметила, что он написал на нем свое имя, а сверху печатными буквами аккуратно вывел название плантации — Селби Холл. Она не шевельнулась, когда он поднялся и положил плакат на диван рядом с ней.

— Пожалуйста, только не рвите этот экземпляр, — сказал он. — У меня ограниченные запасы.

— Спасибо, Дэниел, — тихо произнесла она.

— Лорена, я обещал вернуться сюда, — сказал он. — Когда это произойдет, я вам еще раз протяну свою руку. Возможно, вы сочтете возможным взять ее.

Только низкий тембр голоса выдавал его чувства, пока он шел через гостиную к арке, ведущей в галерею и гостевое крыло. Рина безумными глазами смотрела ему вслед.

— У вас так принято прощаться? — спросила она.

— Разве пока этого недостаточно?

Кэрролл обернулся, встав под аркой, и взглянул на нее. Лорена впервые поняла, как сильно обидела его.

— Дэниел, этот пожар, наверное, стал дурной приметой, — сказала она. — Даже притом, что тут нет вашей вины.

— Теперь вы хотя бы поверили, что я сдержу свое слово.

— Разумеется. Мне предстоит сдержать свое.

Ее голос вовремя задержал его в тенистой галерее.

— Лорена, я думаю, нам следует расстаться друзьями.

— Возможно, мы никогда не станем друзьями. Но мы все еще можем стать любовниками.

При этих словах она вскочила и стремительно бросилась в его объятия. На этот раз, когда его уста устремились к ее губам, она жадно подставила их. Они больше не говорили, он взял ее на руки и унес под арку.

Лорена встала на рассвете, за полчаса до того, как горны войск Союза протрубили подъем.

Дэн Кэрролл крепко спал, когда она вышла из спальни. Она нежно прошептала прощальные слова: уже вряд ли имело значение то, что он не знал об ее уходе. Причину он поймет, когда проснется.

В этот час внизу не было слышно ни звука. Она незаметно спустилась по лестнице. Только Матушка Джо будет знать, где она провела ночь. Вернувшись в свою комнату, она долго рассматривала лицо в зеркале, размышляя, под какой маской ей днем предстать перед всеми. Подошло бы серьезное идеально строгое лицо, но она уже никогда не станет прежней.

В объятиях Дэна Кэрролла она поняла, что такое упоение. Трагедия Лорены заключалась в том, что она пережила это слишком поздно, и чтобы испытать такое чувство, ей пришлось броситься в объятия врага. Но она не жалела о ночи, отданной любовной страсти. Даже если должна будет хранить свои переживания в памяти, даже если она не сможет никому рассказать о них, эта ночь оправдала себя.

Когда в лагере войск Союза протрубили горны, она поднялась под самую крышу Большого Дома и вышла на «вдовью дорожку», которую здесь построили по распоряжению судьбы. С этой доступной ветрам высоты она могла обозревать свои владения до соснового леса, который сливался с горизонтом на севере, и до поворота дороги близ реки. Эта земля купалась в лучах восходящего солнца и казалась девственной. Только когда рассвело яркое утро, она разглядела за склоном холма обугленные руины Гринтри и разрушенные стены Гамильтон Хандред.

Пока она наблюдала, 2-й Пенсильванский кавалерийский батальон тронулся в путь. Впереди лихо развевались флаги. Всадники ехали четкой колонной по четыре в ряд, и синим потоком потекли через ворота. Не успела она как следует рассмотреть кавалеристов, как они скрылись за спуском к речному берегу. С этого расстояния нельзя было разглядеть лица. Она лишь знала, что Дэниел находится среди них и, что она с ним, возможно, уже никогда больше не встретится.

Далеко у горизонта облако пыли все еще отмечало путь войск Союза, которые ползли по земле Джорджии, словно сонный, все пожирающий питон. Они уже казались угрозой из другого мира. Селби Холл снова принадлежал ей и, когда придет весна, она сумеет вырастить новый урожай.

Лорена знала, что настанет время, и восторг прошлой ночи принесет свои плоды столь же неизбежно, что и сама земля. Это уже перестало быть только набожным мечтанием.

Шаткие колеса кабриолета Сала были скреплены проволокой, зато это средство передвижения целиком принадлежало ему, как и мул меж постромками, а также хлыст в его руке. Раз уж на то пошло, ему принадлежала и жена, сидевшая рядом в новом с иголки готовом платье. Одежда Сала тоже была великолепна. Свернув в ворота Селби Холла, он легко подстегивал мула по ребрам, чтобы заставить его шагать ровной походкой, Салу хотелось петь, но он с трудом сдерживал себя. Он лишь улыбался Флорри и держал ее руку в своей.

— Девочка, да не пугайся ты так! Мы ведь возвращаемся домой.

— Сал, Селби уже не наш дом. И совсем неприлично въезжать на плантацию так, как это делают белые люди.

— Дорогая, позволь своему мужу решать, что прилично, а что нет.

— Возможно, мы уже больше не принадлежим мисс Рине, но мне все равно страшно.

— Мисс Рина просила тут же сообщить ей, когда мы поженимся. Она просила нас приехать сюда и помочь ей засеять и вырастить новый урожай. Мы оба этим и будем заниматься.

Сал широко улыбнулся и причмокнул, погоняя мула. Его голос, да и внешний вид, приобрели нечто новое за месяцы, минувшие после пожара на складе.

Это были месяцы, богатые событиями, и каждое из них по-своему закалило этого парня, наполнило его голову жизнерадостными мечтами. Эти месяцы были критическими и для плантации Селби Холл. Сал всей душой сочувствовал своей прежней госпоже, видя, что та делает все возможное перед лицом безотрадного будущего. Сегодня мисс Рина собиралась обсудить с ним вопрос о найме полевых работников. Если она серьезно вознамерилась снова возделывать свою землю, то он мог надеяться, что худшее уже позади.

Сал не обращал внимания на окрестности, пока кабриолет, грохоча, преодолевал четыреста ярдов подъездной дороги. Теперь лужайки скрыла трава до пояса, нестриженные вьющиеся растения повисли на сходящихся аркой сучьях над его головой; среди деревьев хрюкали и рыли носами землю поросята, оставленные без присмотра. Прошлой весной чернокожие садовники подстригали эти лужайки и следили за тем, чтобы в девственных дубах не завелись паразиты. Темнокожие свинопасы держали поросят Селби подальше от английских садов. Домашние рабы мисс Рины раньше скребли тот греческий бельведер у озера до тех пор, пока он не сверкал точно так, как плававшие в воде белые лебеди... Сегодня бельведер почти исчез под дикой виноградной лозой, а лебединое озеро задыхалось от сорной травы. Лебеди, оставшись без корма, улетели в неведомые края.

Все же верно говорили, что бывшие рабы Селби, как и эти лебеди, должны разбежаться, когда хозяйке плантации станет нечем кормить их. После наступления генерала Шермана правду уже нельзя было скрыть: негры теперь стали свободными, хотя им надо было придумать, как разумно воспользоваться этой свободой.

Тогда мисс Рина и Сал вместе определили границы нового владения — полосу поймы у реки. Этот кусок находился посередине между землями Селби и Варнеллей, на удобном расстоянии от других уцелевших плантаций, где можно было бы также найти работу. Этой территории дали подобающее название — Линкольнвилль — в честь покойного президента, благодаря которому стали возможны подобные «владения свободных», фригольды [\[15\]](#).

Поскольку Селби с давних пор имели права собственности на эту землю, юридических трудностей не возникало, пока негры трудились на ней.

Мисс Рина думала, что после того, как у нее кончились деньги, ее бывшие рабы станут искать работу в другом месте. Однако плодородная земля у реки принесла обильный урожай овощей. Прежняя владелица новых свободных людей настаивала на том, чтобы они зимой брали у нее свинину. Она сумела обеспечить их солью, кукурузной мукой и другими основными продуктами из своей житницы... Другие бывшие рабы, вернувшись из обещанных райских мест, где у них появилась лишь свобода умереть голодной смертью, потекли в пойму и строили свои непрочные жилища рядом с остальными. И дело было не в том, что на всех хватало работы, а в том, что здесь никто не умирал от голода. После массового исхода Линкольнвилль стремительно разрастался.

Сегодня, когда война была уже почти историей, поговаривали о том, что наступят лучшие времена. Режим военной оккупации вскоре защитит права человека с темной кожей. Говорили, что «Комитеты освобожденных людей» помогут ему получить эти права, если не обещанные вначале сорок акров земли и мула, то хотя бы равноценную компенсацию.

Сал возглавлял сторонников движения к независимости и оставался движущей силой, которая держала на плаву Линкольнвилль. Фактически он являлся мэром, хотя его так не называли: устанавливал законы, выплачивал зарплаты работникам и выступал посредником в конфликтных ситуациях...

Сал твердил себе, что мисс Рина была права. Ничего не произошло бы, если бы и остались они в Селби. Но было естественно, что работники решили переселиться в собственные жилища, жить без надзора белого человека, какие бы добрые намерения он ни проявлял.

Сал умолял мисс Рину нанять безработных из Линкольнвилля и платить им едой, хотя бы ради того, чтобы возместить ей убытки от ранее подаренных ею продуктов. Он предлагал обрабатывать землю в долг, а зарплату выплатить от будущих прибылей. Хозяйка Селби отказывалась от такой помощи, хотя и приглашала временных работников, чтобы поддерживать дом в надлежащем состоянии. Кастор и Поллукс, близнецы-плотники, все еще жили на плантации и, кроме того, зарабатывали, промышляя заказами на разные работы по соседству. Салу казалось, будто Большой Дом никогда не выглядел лучше, несмотря на то, что его окружали поля, задыхавшиеся от зарослей. Это он настоял на том, чтобы весной покрасить дом. Руководствуясь схемами, хранившимися в кабинете судьи, он своими руками обрезал самшитовые деревья; снова у колонн южного портика стояли знакомые зеленые силуэты петухов, драконов и рыцарей в доспехах.

Он не пытался делать большего до тех пор, пока мисс Рина не сообщила, что раздобыла деньги.

Вспоминая зиму, Сал понял, что это было время ожиданий, своеобразное перемирие с судьбой. Он ничего не слышал о капитане Селби: кто-то поговаривал, что тот погиб во время последней, равной самоубийству, защиты Петербурга, кое-кто твердил, что он ушел в Мексику. Самое неожиданное открытие Сал сделал, когда последний раз приезжал в Селби, желая объявить о своем намерении жениться на Флорри. Нельзя было скрыть тот факт, что мисс Рина наконец-то уже несколько месяцев как беременна. Матушка Джо, единственная служанка, оставшаяся в доме, шепотом подтвердила это наблюдение. Доктор Янси ожидал, что в августе наследник Селби появится на свет.

Пока Сал видел, что хозяйка Селби спокойно воспринимает свое новое положение.

Казалось, будто она не меньше, чем ее земля, ждала наступления нового сезона, чтобы обновить себя.

— Над чем ты сейчас смеешься?

Сал оторвал глаза от дороги и посмеивался, видя, что Флорри нахмурилась.

— Разве мне нельзя смеяться, если я рад. За мисс Рину и нас.

— Почему ты думаешь, что мисс Рина рада?

— У нее будет сын, Флорри. Разве она не хотела сына?

— Будет младенец. А кто сказал, что у нее появится мальчик?

— Матушка Джо, и я верю ей. Конечно, сын только начало. Теперь, когда мисс Рина раздобыла деньги, мы вернем Селби прежний вид.

— Ты вернешь, Сал? А что на это скажет Мастер Брэд?

— Возможно, мастер Брэд умолк навсегда.

— Такие подлые люди, как он, не умирают. Мы оба это знаем.

Сал отмахнулся от этой мысли, последний раз щелкнул хлыстом и направил мула к стоянке повозок. Был слишком хороший день, будущее рисовалось в золотистых красках и не хотелось, чтобы тень Брэда Селби омрачила его. Он выпрыгнул из кабриолета, подал жене руку и громко рассмеялся, когда та с ужасом отодвинулась назад.

— Сал, нам нельзя входить через парадную дверь!

— Кто нам помешает?

Сал пересек портик и поднял тяжелый бронзовый дверной молоток. Он подал знак, и Флорри подошла к нему. Оба стояли рядом у большой двери с веерообразным окном, когда та медленно приоткрылась. Люк Джексон в одной рубашке встретил их враждебным, полным недоверия взором. Даже спящий медведь, застигнутый врасплох в собственной берлоге, не мог быть столь неприветливым.

— Парень, что это все значит?

Сал знал, что надсмотрщика информировали о его визите. Тем не менее он ответил вежливо, певучим голосом, с акцентом, какой ожидают от чернокожего, когда тот стоит перед сердитым белым человеком.

— Мастер Люк, разве вы не слышали, что я *снова* здесь работаю? Я буду вести книги мисс Риной и набирать наемных работников?

— Я знаю, что она использует тебя, чтобы ты набирал работников на поля, — ответил Люк. — Но я не об этом спрашиваю. Ты что, совсем выжил из ума, раз стучишь в парадную дверь?

Сал почувствовал, как Флорри прижалась к нему. И снова он ответил спокойно. Но на этот раз он и не пытался говорить с акцентом. В присутствии жены он все еще говорил так, как разговаривают в хижинах. Среди людей нового Юга, когда это диктовалось обстоятельствами, он научился говорить на языке белых людей.

— Мы сейчас свободны, — заявил он. — Вы не слышали об этом?

— Я это хорошо знаю, — ответил надсмотрщик. — Но я этому все еще не могу поверить. Веди свою жену к крыльцу кухни. Я схожу за миссис Селби.

— Мисс Селби сказала, что мы можем войти.

Сал стоял на своем, пока надсмотрщик не сжал пальцы в кулаки. Он ждал, когда Люк Джексон опустит руку. Затем он повел Флорри в дом, не обращая внимания на Люка, смотревшего мрачно и сердито.

Во время прежних визитов он видел голые комнаты, завернутые в марлю подсвечники и паркетные полы без ковров. По мере того, как сокращалось количество слуг, хозяйка Селби заботилась о доме, как могла: то обстоятельство, что знаменитая двойная гостиная сейчас служила конторой, красноречиво свидетельствовало о переменах. Бухгалтерские книги плантации лежали открытыми на длинном столе на козлах, страницы освещал солнечный свет, лившийся через застекленные двери без занавесок. С Нового года, после того, как звонкая монета закончилась совсем, эта гостиная служила местом для аукциона. Здесь кишело армейскими подрядчиками и южанами, сотрудничавшими с северянами, а мебель и вещи из Большого Дома продавались с молотка тому, кто платил самую высокую цену.

Это было трудное время, но Селби выстоял даже после того, как плантацию ощипали догола. Теперь Сал, если верить слову мисс Рины, мог считать, что дела пошли в гору.

Спрашивая себя, чем объясняется такое изменение, Сал не мог найти ясного ответа. Ходили упорные слухи, что брат мисс Рины прислал деньги, поскольку в это время он в Мексике сколотил новое состояние, выступая посредником между Максимилианом и эмигрировавшими конфедератами. Так что вполне логично, что Квентин Роули мог прислать деньги в Селби из этого далекого Эльдорадо... Сал перестал ломать голову над этой загадкой. Мисс Рина говорила, что в наличии имеются деньги. Пока этого было достаточно.

Раскладывая бухгалтерские книги, он понял, почему Люк Джексон был так раздражен. Попытки надсмотрщика сбалансировать бюджет за первый квартал 1865 года закончились провалом — он плохо знал арифметику, о чем свидетельствовали подчистки и размазанные чернила. Однако было видно, что продажа мебели и других вещей принесла кругленькую сумму. Сопоставляя счета продаж с записями в книгах, Сал задавался вопросом, не распродала ли мисс Рина умышленно свой дом, чтобы оплатить первый послевоенный посев. Более пристальное изучение книг открыло еще кое-что. Хозяйка Селби, опасаясь массового бегства рабов, оплатила их питание. В кассе еще оставалось несколько сотен золотых долларов. Но во время беспощадной конкуренции потребуются тысячи долларов, чтобы засеять новый урожай.

— Похоже, вы занялись хозяйством, мастер Люк, — сказал Сал. — Вы хорошо справились.

Надсмотрщик топтался в фойе, прижав к бокам стиснутые в кулаки руки.

— Значит, ты меня все еще называешь мастером Люком, — прорычал он. — Как же мне тебя называть — мистером Саладином?

— Будет вполне достаточно Сал, к тому же у нас нет повода ссориться. Разве мы всю войну не работали вместе на мисс Рину? Разве я не закрывал бухгалтерские книги?

— Пожалуйста, занимайся этими проклятыми книгами, — угрюмо сказал надсмотрщик. — Признаюсь, я в них ничего не соображаю. Я также признаюсь, что в Округе Крей не найдется человека, который сможет завтра вывести на поля двести работников...

— Конечно, я выведу, мастер Люк. — Они уже ждут...

— Разумеется, мы сможем договориться.

— Обязательно, — сказал Сал. — Пусть это вас не волнует. Можно считать, что семена хлопка уже почти засеяны, если мисс Рина сможет выплатить нам зарплату.

— Она готова платить. Но не забывай свое место, парень. Если ты сейчас работаешь в гостиной, это не значит, что я не могу спустить с тебя шкуру.

Пригрозив страшной карой, Люк вышел. Спустя некоторое время Сал услышал его шаги на непокрытой ковром лестнице и догадался, что тот пошел за своей хозяйкой.

Флорри отступила к ближайшему окну как птичка, готовая выпорхнуть. Сал пальцем указал на диван, один из немногих предметов мебели, оставшихся в комнате.

— Девочка, садись сюда, — приказал он. — И сложи руки как леди. Сколько мне тебя учить?

— Сал, хватит дерзить. Я не имею права сидеть. Только не в доме мисс Рины.

— Делай, что я тебе говорю, и перестань трястись.

Он удобно уселся за столом и продолжал спорить не столько с Флорри, сколько с незримым антагонистом, имя которого он точно не знал. Проверяя последнюю книгу, которая была открыта на текущем месяце, он резко вдохнул воздух и забыл о своих страхах, увидев значившиеся в ней цифры.

— Девочка, пятьдесят тысяч долларов! Так много денег не может быть!

Но когда он снова взглянул, цифры, написанные жирными черными чернилами, значились на том же месте. Пятьдесят тысяч в золоте, размещенные для Селби Холла на банковском счете брокерской фирмой «Кэртис и Бартон» в Лондоне... «Кэртис и Бартон» были посредниками плантации за рубежом: они могли продать урожай за любую валюту, как только хлопок будет уложен в тюки.

Надо сказать, Квентин Роули вовремя поддержал сестру. Только одного Сал никак не мог понять — и он решил, что это не его дело. Чек, который «Кэртис и Бартон» выписали на лондонский счет Селби, пришел из банка в Филадельфии. Зачем Квентину Роули, который все еще находится в Мексике, прибегать к содействию столь далекого посредника?

Довольный Сал раздумывал над великолепной записью черными чернилами. Послышались шаги в холле. Он вскочил, когда вошла мисс Рина. Улыбка хозяйки говорила о том, что Сала здесь ждали. Сегодня Рина надела свободный халат, полностью скрывавший ее фигуру. Она казалась довольной собой и всем миром. Сал спрашивал себя, не объясняется ли ее настроение отчасти тем, что она готовится стать матерью — растущее в ее утробе дитя стало защитой от судьбы.

— Как хорошо, что ты так быстро приехал, — тепло сказала она. — Вы оба хорошо выглядите. Лучше, чем я с тех пор, как закончилась война.

Сал заметил, что Флорри не удержалась от машинального реверанса, но она нашлась сказать:

— Мадам, разве мы не такие же, как раньше? Я уж точно выгляжу по-другому.

— Вы, наконец, поженились?

— Да, мадам. Утром.

— Будем надеяться, что для нас всех наступает новый день, — сказала Мисс Рина. — Наконец-то мы займемся землей.

Окруженный бухгалтерскими книгами, Сал тут же заговорил на языке, который давался ему легко и быстро.

— Эти деньги в Лондоне, мадам. Они на ваше имя?

— Совершенно верно, Сал.

— Значит, вы можете снять пятьдесят тысяч... безо всякого труда?

— Совсем легко, в Атланте.

Сал почувствовал, как у него от гордости распирает грудь, когда понял размах этого предприятия и важную роль, которую он в нем сыграет.

— Мисс Рина, можно мне сказать, что я думаю? — То обстоятельство, что он обращается к ней как равный, развязало ему язык.

— Именно для этого я и пригласила тебя сюда.

— Не миновать крупной беды, если капитан Селби вернется домой до того, как очистят хлопок.

— Почему?

— Потому что я не смогу удержать всех наших людей в Линкольнвиле. У Варнеллей тоже появилась работа. Когда мы здесь начнем, у нас появятся чужие работники...

— Сал, этого не избежать. Я понимаю.

— Вы понимаете, мисс Рина. А он поймет?

— Нам не следует особенно беспокоиться о моем муже.

— Значит, он умер?

— Вовсе нет, — ответила хозяйка Селби.

Вслушиваясь в этот сухой тон, Сал не обнаружил никаких эмоций.

— Говорят, что он отправился в Мексику.

— Он собирается вступить в армию императора.

— Мадам, он больше не вернется?

Огонек, вспыхнувший в глазах мисс Риной, говорил Салу, что он зашел слишком далеко. Затаив дыхание, он ждал ответа.

— Доктор Янси только что вернулся из Атланты, — бесстрастным голосом ответила она. — Он говорил мне, что последние три дня капитан Селби навевается туда со своими товарищами-офицерами. Он заявил о своих намерениях и прилюдно, и лично. Думаю, он скоро отправится в Новый Орлеан, а оттуда в Веракрус. Если он и приедет сюда, то долго не задержится.

— Значит, мы можем не принимать его в расчет.

— Да, Сал. Собственно, мы так и обязаны поступить.

Сал смотрел в книгу. Тяжелый груз свалился с его плеч.

— У меня найдется двести человек, готовых приступить к работе. Мы сможем занять такое количество?

— Запросто.

— Поверьте мне, мадам, это хорошие работники.

— Сал, я верю тебе. Я всегда тебе верила.

— В Мейконе мы сможем дешево купить семена.

— Хорошо. Меня это беспокоило.

— В Линкольнвиле я также нашел плотников. Они быстро построят новый склад, если наши близнецы покажут им, как это делать. А к августу нам понадобится новая хлопкоочистительная машина...

— Мы уже заказали одну. У «Хита» из Балтимора.

Погружаясь в привычные дела, быстро записывая пожелания мисс Риной, Сал почувствовал, что снова очутился в родной стихии. Робость, наконец, покинула его: он улыбался Флорри, которая продолжала смотреть растерянным взглядом, будто не веря, что этот деловой человек, говоривший столь непринужденно, приходится ей мужем. Как всегда, вера мисс Риной в его суждения снова вселила в него чувство уважения к себе. Но, даже мысленно возвращаясь к капитану Селби, он чувствовал, как от праведного гнева у него сжимается сердце и возникают раздирающие душу сомнения в своем будущем.

Когда они провели инвентаризацию активов, Сал положил ручку и собрал бухгалтерские книги.

— Если вам угодно, мадам, я завершу работу дома. Можно мне еще кое-что сказать?

— Конечно.

— Верните свою контору в кабинет судьи. После того, как я приведу в порядок книги и отнесу их туда, я, как и прежде, стану работать у мастера Люка. И поверьте мне на слово, мисс Рина, это был ваш последний аукцион.

Хозяйка Селби серьезно кивнула и уселась на диван, после чего Флорри сразу вскочила на ноги.

— Ты прав, Сал, нам следует делать вид, будто ничего не произошло. Думаешь, тебе хватит времени помогать мне, ведь ты отвечаешь за Линкольнвилль?

— Время я найду, мадам.

— Это правда, что ты там построил свой дом?

— Да, мисс Рина, чистая правда.

— Жаль, что я ничего не могу подарить Флорри для вашего дома. Ты ведь знаешь, как обстоят дела.

— У нас все есть, мисс Рина, — откликнулась Флорри. — Сал накупил разной одежды.

Сал вздохнул и взял жену за руку. Еще надо будет поработать над ее манерами, но он не жалел, что привел ее с собой.

— Пора дать мисс Рине отдохнуть, — сказал он. — А тебе нечего хвастаться.

— Я не хвастаюсь, Сал. Если мисс Рина захочет, я завтра останусь у нее.

Лорена твердо покачала головой.

— Флорри, теперь у тебя появился собственный дом, — ответила она. — И муж. Ты поймешь, что эта работа занимает все время. Матушка Джо позаботится обо мне до тех пор, когда в Селби снова можно будет иметь слуг.

Эти слова она произнесла спокойно. Именно этот деловой тон больно задел Сала — она призналась, что волну перемен никогда не удастся повернуть вспять... «Мы станем работать у вас по-иному, — он мысленно обратился к ней. — Нас снова ждет процветание, если все сложится удачно. Но мы больше не принадлежим Селби».

Выехав на подъездную дорогу и причмокнув, чтобы мул шел быстрее, Сал сердито взглянул на Флорри.

— Девочка, почему ты сказала, что вернешься сюда? Ты ведь знала, что она тебе этого не позволит.

— Сал, я не поверила, что мы свободны. До тех пор, пока она сама этого не сказала.

— Теперь-то ты веришь?

— Думаю, что да. Но мне все еще страшно. А что, если она не сказала правду о мастере Брэде? А что, если он вернется домой и начнет бить чернокожих?

Сал сердито взглянул на нее, но обнаружил, что не может вымолвить ни слова. Они лишь молча смотрели друг на друга, пока кабриолет с грохотом ехал через роскошные поля Селби. Проблему капитана Селби можно было решить только одним способом. Он не осмелился сказать об этом громко.

— Мастеру Брэду, как и любому другому, придется соблюдать закон, — наконец, заключил он.

— Хочешь сказать, что я ему больше не принадлежу? Ты в этом уверен?

— Флорри, ты принадлежишь сама себе. Как ты этого не понимаешь?

— И тебе, Сал.

— И мне... потому что ты хочешь принадлежать мне. Те дни, когда мы принадлежали

мастеру Брэду, давно прошли.

Оставшись одна в пустой гостиной, Рина села на диван и закрыла лицо руками. Нахлынувшая истерика быстро прошла, спустя мгновение она снова стала сама собой. Она была рада, что может собраться с мыслями, прежде чем позвать Люка.

Она задумала эту встречу с двумя бывшими рабами лишь ради того, чтобы доказать, хотя и не совсем удачно, что подобное возможно. Она предприняла усилие и заключила сделку. В результате, благодаря Салу, завтра на поля хлынут двести работников, готовых повиноваться приказам надсмотрщика. Раз есть звонкая монета, которой можно выплатить им зарплату, она снова поднимет Селби на ноги. Ради этой цели она сегодня осмелилась неловко поиграть в демократию.

Рина знала, что ее имя проклинаят во всей округе из-за того, как она встретила кавалеристов Союза, когда те вторглись сюда. То обстоятельство, что у нее над головой осталась крыша после их ухода, да и еще более порочащий факт — начальник военной полиции вывесил на ее ворота защитную грамоту — лишь подлили масла в огонь. Завтра снова посыпятся проклятия, когда Рина наймет своих негров на условиях Сала, но у нее не было другого выхода, если она хотела выжить. Когда надо растить ребенка, оберегать наследство, то можно снести ненависть соседей.

Думая о ребенке, чувствуя, как внутри нее зарождается жизнь, она улыбнулась: своим секретом не поделится ни с одной живой душой, даже с Дядей Доком.

Стоило ей лишь позвать, как Люк Джексон тут же явился. Хотя Лорена догадывалась, что тот торчал у дверей и подслушивал ее разговор с Салом, она не рискнула упрекнуть его. Верность Люка сильно пошатнулась, но все еще теплилась.

— Извините, мадам, — сказал он. — Наверное, мне следовало остаться. Но я не мог вынести нахальство этого черномазого мальчишки.

— Свобода кружит головы, Люк, — терпеливо заметила она. — Может, она немного ударила в голову Сала. Но он на нашей стороне.

— А нам надо ли брать его назад?

— Я уже взяла его — он будет работать бухгалтером и заниматься рабочей силой. Нам лучше называть вещи своими именами.

— Кто будет отдавать приказы? Он или я?

— Ты у нас главный, — устало ответила она. — Он будет следить за тем, чтобы твои распоряжения выполнялись.

— Мадам, я уже говорил вам, что мне не нужен помощник.

— Многие из наших людей работают в других местах. Ты не знаешь новых работников. Разве ты не позволишь, чтобы Сал помогал тебе?

— Кроме хлыста, мне больше ничего не нужно. Тогда ни один чернокожий не посмеет возразить.

— Только если у него не останется выбора. Сегодня чернокожие — это наемные рабочие. Если ты будешь с ними плохо обращаться, они найдут другое место.

— Значит, этот парень распоряжается здесь только потому, что он умеет командовать неграми?

— А что, если бы Сал оказался не на нашей стороне? Смогли бы мы вырастить урожай?

— Мисс Рина, я говорю, что он высоко метит в этой округе. Как ему удалось построить

лучший дом в поселке из временок?

— Я знаю ответ на твой вопрос, — сказала она. — Он самый богатый в Линкольнвиле, потому что откладывал свою зарплату.

— За время войны, когда зарплата ему не полагалась.

— Люк, он зарабатывал деньги точно так же, как и ты.

— Я ведь не ушел, когда вам нечем было мне платить.

— Сал ушел и взял с собой остальных, потому что я ему так велела.

— Мадам, я хочу узнать, почему вы так поступили.

— Я не имела права держать негров на плантации, поскольку мне нечем было кормить их. Теперь у них есть свои дома. Они могут найти работу в десятках других мест...

Надсмотрщик говорил хрипло, уставившись в пол. Казалось, что этот голос вырывается из его собственной могилы.

— Вы все время выгораживаете своего черного мальчика? Что это означает?

— Сегодня Сал заказывает музыку. Мне требуется немало сил, чтобы признать это, — сказала Рина. — Возможно, он слишком быстро привык к власти. Это может нам всем причинить неприятности. Но факт остается фактом — рабочая сила идет за ним и ему хочется выжить, во что бы то ни стало. Если он сохранит нам верность, то через полгода мы станем платежеспособными. Я даже смогу выплатить тебе задолженность по зарплате.

— Я лучше буду работать бесплатно.

Хозяйка Селби встала. «Люк, — подумала она, — всегда хранил ей верность по совсем другим причинам, но она не могла уволить его сейчас: ее положение в округе и так висело на волоске».

— Отнесись к новому порядку объективно, — сказала она. — Не забудь, нам нужен урожай, несмотря на то, что мы опаздываем с посевом.

— Благодаря деньгам вашего брата, — недовольно заметил Люк.

— Его помощь тебе тоже не нравится?

— Нет, мадам, я так не сказал бы. Но мне нелегко согласиться с тем, что вы сделали Сала мне равным. Долго так продолжаться не может, и вы знаете это.

— Обещай, что ты не станешь чинить препятствия, иначе мы расстанемся прямо сегодня.

— Я не собираюсь уходить, — ответил надсмотрщик. — По крайней мере, не сейчас.

— Можно узнать, почему ты так решил?

Загорелые щеки Люка побагровели.

— Мадам, вы ждете ребенка. Вам понадобится защита белого человека до тех пор, пока ваш муж снова не поселится здесь. Доктор Янси делает все, что может, но он стареет. — Надсмотрщик вовремя умолк, поскольку на портике, тяжело ступая, появился Дядя Док с контрабандной сигарой в зубах. — Если я вам больше не нужен, то пойду, займусь своими делами. Я уже сказал все, что хотел.

Оба мужчины холодно кивнули друг другу и разошлись в дверях. Наблюдая за этой сценой, Рина хорошо понимала недовольство Люка. С тех пор, как сгорел склад, надсмотрщик оказался в положении тигра, посаженного в клетку: ему некуда было девать свою энергию, и он просто взрывался. Сегодня его мишенью стал Сал. Врач плантации тоже стал причиной его дурного настроения, так как предложил свои услуги одной больнице Атланты, в которой без предвзятости лечили раненых как Союза, так и Конфедерации. Люк также не мог простить Дяде Доку то, что тот бесплатно лечил негров в новом поселке. По

его разумению, было немислимо, чтобы кто-то работал на оба лагеря и без ненависти прощал и тех и других.

Следуя новому распорядку, Дядя Док в эти дни часто находился вдалеке от Селби, хотя и спал в Большом Доме, если выдавалось свободное время. Сегодня он по просьбе Рины отправился выполнить специальное поручение. Искорки в его глазах говорили ей, что он привез те новости, которые она ждала и которых опасалась.

— Значит, это правда? Майор Кэрролл вернулся?

— Вчера он въехал в Четыре кедр, — весело ответил Янси. — Он купил все и заплатил, а бы сказал, справедливую по нашим временам цену. Получив права на собственность, он также приобретет земли Варнеллей.

Рина вздохнула, когда до нее дошел смысл сказанного. Слухи о возвращении Дэна Кэролла достигли ее ушей вчера, и она сразу догадалась, что это не сплетни, а правда. Чужаки уже начали скупать земли в Округе Крей, как правило, по установленной ими низкой цене. Ведь сейчас экономика плантаций была полностью разрушена. Однако продажа Четырех кедров, несомненно, являлась самой крупной. Если Кэрролл сможет приобрести также земли Варнеллей, то его владения будут граничить с ее плантацией.

— Только не притворяйся, что для тебя это неожиданность, — сказал Дядя Док. — Он не шутил, когда обещал вернуться.

— Почему он вернулся именно сейчас? Худшее время трудно выбрать.

— Когда Брэд находится в Атланте? У них нет причин встречаться.

— Брэд не мог не слышать, что майор квартировал в Селби во время войны. Как мне объяснить его возвращение? Что я скажу мужу, если он явится сюда?

— Я отвечу на первый вопрос, — сказал Янси. — То, что отсутствующий муж не знает, не может обидеть его.

— Значит, я Брэду ничего не должна говорить?

— Вообще ничего не говори ему. Включая то обстоятельство, что его будущий наследник произведен на свет одним янки. Этим фактом мы не поделимся ни с кем.

Рина закрыла глаза. Врач плантации смотрел на нее с добродушной улыбкой. Если бы она встретила этот пристальный взгляд, то разразилась бы безумным хохотом, а ведь новости Дяди Дока не давали повода для веселья.

— Значит, ты думаешь, что это ребенок Дэниеля, — наконец сказала она. — Но ведь тебе этого не доказать.

— Совершенно верно, — безропотно согласился Янси. — Но помни, что Брэд ничего не должен заподозрить. Как заметил бард из Эйвона, только умный отец узнает свое дитя.

— А что мне сказать Дэниелю?

— Он теперь наш сосед. Разве приличия не обязывают принять его, если он наведается сюда?

— Я не могу, Дядя Док!

— Могла бы и поблагодарить его за то, что он помог тебе выжить.

— Значит, ты догадался, откуда наши лондонские деньги?

— Разумеется. Сразу, как ты мне сказала об этом.

— Эти пятьдесят тысяч долларов пришли от *Квента*, — сказала Рина. — Здесь этому верят, а ты подтвердишь, что все обстоит именно так.

— Я уже подтвердил, — откликнулся Янси. — По-моему, ты проявила редкую сообразительность, приняв эти деньги.

— Я загнана в угол и должна выбраться из него. И не радуйся моим страданиям.

— Из-за чего тебе страдать? — спросил Дядя Док. — Из-за того, что ты провела ночь с Дэном Кэроллом? На то у тебя были веские причины.

— Я совершила грех. И не делай вид, что это не так.

Врач плантации пожал плечами.

— Пусть будет по-твоему, девочка. Но твое сердце радуется, что он вернулся в Джорджию.

— Приведи мне хотя бы один веский довод.

— Он тебя любит — разве это ничего не значит?

— Он *сказал*, что любит меня, в ту ночь, когда сгорел склад. Я тогда не стала слушать его, а сейчас тем более.

— А что ты можешь поделаться, раз тратишь его деньги?

— Он богатый человек и дал мне их взаймы. В сложившихся обстоятельствах я была вынуждена принять их.

— Разве ты к нему не испытываешь ни капли взаимной любви?

Рина ответила, не моргнув глазом. Она гордилась, что способна так искусно лгать.

— Пусть будет так, Дядя Док, раз ты настаиваешь. Я благодарна Дэниелю за то, что он подарил мне ребенка. Больше никаких глубоких чувств нет.

— Почему?

— Потому, что я одна из Селби. Называй это моим крестом, если тебе угодно. Я буду нести его ради своего сына.

— Ты обязана Дэну большим, нежели благодарностью.

— На что ты намекаешь?

— Я ни на что не намекаю, Лорена. Я просто обрисовываю ту ситуацию, в какой ты оказалась. По закону ты принадлежишь одному мужчине, но тебя любит другой. Что дальше?

— Ничего. Я намерена жить по-прежнему.

— Брэд безрассудно рвется в Мексику. А что, если он покинет Джорджию, не встретив Дэна?

— В таком случае я подниму Селби на ноги. После этого я буду растить своего сына и ждать возвращения мужа.

— А что станется с Дэном?

— Пусть сам позаботится о своем будущем. Мне до этого нет дела. Сплетники и так трепят мое имя. Я не собираюсь давать им еще один повод.

— В таком случае будет справедливо отослать его в Четыре кедр. Он уже идет по лужайке.

До сих пор Рина слушала Янси, испытывая состояние беспомощной неопределенности. Ожидая его выпады, она готовилась достойно встретить их. Теперь же, когда появление Дэна стало неминуемым, она чувствовала лишь, что волнуется, предвкушая встречу. Это обстоятельство смутило Рину гораздо больше, чем страх, охвативший ее, когда стало ясно, что встречи не избежать.

— Разве он не может прийти завтра?

— Тогда все осложнится.

Рина гордо выпрямилась. Дядя Док был прав. Этой встречи не миновать: откладывать ее бесполезно.

— Это его первый визит в наших краях?

— Естественно, ты ведь была его хозяйкой, когда он впервые появился в Округе Крей, — сказал Янси и улыбнулся до ушей. — Завтра он оставит визитки в Гамильтон Хандред и Гринтри. Вряд ли он ожидает, что там его примут.

— А что, если я проявлю солидарность с остальными, и ему сообщат, что меня нет дома?

— Лорена, это я ему должен сообщить?

— Конечно нет. Просто оставайся здесь: кому-то ведь надо поддержать меня.

Дядя Док покачал головой.

— Извини, моя дорогая. Я бы многое отдал, чтобы стать свидетелем вашей встречи, но с ним ты должна разобраться сама. — Сказав это, он удалился так стремительно, что она не успела позвать его назад.

Собравшись с силами, Рина справилась с желанием бежать. С памятью было не так легко справиться. Воспоминания нахлынули на нее как раз в то мгновение, когда она так отчаянно нуждалась в хладнокровии. Рина снова вспомнила первый пламенный поцелуй Дэна, от которого у нее дух захватило... Она напонила себе, что заключила с этим янки договор. Он подразумевал конкретную цель, оправдывавшую все средства.

Ее руки сомкнулись на полном животе, в котором покоился драгоценный груз. Она еще раз начала убеждать себя в том, что не сожалеет о временной капитуляции, ибо пошла на нее ради блага Селби. Потом она вернет деньги, одолженные ей Дэном Кэроллом. Он не должен был больше ждать, во второй раз оказавшись на пороге ее дома.

Сильно волнуясь в ожидании появления Дэна, Рина не могла удержаться от того, чтобы не посмотреть, как он идет по лужайке.

В белой рубашке, вышитом цветами жилете и сапогах наездника он казался незнакомцем. Она ожидала, что он появится в униформе. Внешне он весьма походил на плантатора с Юга, однако оставалось впечатление чего-то маскарадного. Рина не знала, сколько глаз наблюдали за тем, как он подъехал к ее дому, и с наигранной сдержанностью вышла ему навстречу.

— Значит, вы вернулись в Джорджию, Дэниел, — спокойно произнесла она. — Узнав об этом, я едва поверила своим ушам. Вот почему я отправила Дядю Дока проверить, правда ли это.

— Лорена, вы знали, что я вернусь, как только смогу.

Дэн медленно приближался к ней, будто понимая, что ей нужно привыкнуть к его присутствию. Еще раз приветствуя его едва заметным, сдержанным жестом, она предложила ему сесть на диван, единственное удобное место, которое осталось в гостиной.

— Расскажите мне о себе, — попросила она, все еще гордясь, что сохранила безупречный тон хозяйки.

Кэролл не обратил внимания на ее приглашение, они смотрели друг другу в глаза. Одно мгновение она опасалась, что он заключит ее в свои объятия. Благодаря ее свободному халату пока он вряд ли мог догадаться о том, что она в положении. Рина уже подумала, не сказать ли ему об этом сразу: сознание того, что она носит ребенка, могло побудить его сохранять дистанцию. Как она ни старалась, ей не удалось вымолвить эти слова... «Эта встреча, — твердила она себе, — должна стать прозаичным расставанием, разлукой без боли в сердце. Нельзя же все время вымаливать у него жалость».

— Вы ведь знали о дате моего приезда, — сказал он. — Или мое письмо потерялось в пути?

— Такое вряд ли могло случиться, Дэниел. Его доставил армейский курьер.

— Надеюсь, вы его внимательно прочитали?

Она кивнула.

— Включая то место, где говорится, что вы положили на счет моих лондонских посредников пятьдесят тысяч долларов.

Кэрролл обвел взглядом пустую гостиную.

— Об этом я говорил вам уже давно, — сказал он. — К сожалению, никак нельзя было получить никаких известий во время войны. Сдайся Ли на месяц раньше, и я мог бы спасти вашу мебель.

— Мебель не имеет значения, пока дом цел.

— Доктор Янси говорил мне о том, что вы пережили, — сказал он. — Так что не стоит забывать об этом.

Рина снова задумчиво кивнула.

— Я принимаю ваши деньги с благодарностью, — сказала она. — Как видите, у меня небольшой выбор. Почему вы решили предложить мне именно такую сумму?

— Такова по вашим бухгалтерским книгам была стоимость вашего хлопка. Это не деньги в долг, а компенсация.

— За тот хлопок вы мне ничего не должны, — возразила она. — Как и за то, что случилось после пожара. Селби уцелело, в этом заключался смысл нашей сделки. Пятьдесят тысяч кажется высокой ценой за одну ночь любви.

Она решила ошеломить его своей дерзостью, уничтожить, пусть так грубо, нежные чувства, которые он в ней пробудил. Она давно забыла, что такое нежность или непреодолимое влечение к мужчине. Она погибнет, если сейчас уступит этим чувствам... Она поняла, что проиграла, когда он не обратил внимания на ее слова. Он вел себя как человек, который улыбается, видя устроенную ребенком истерику.

— Я не стал разыскивать вас в то утро, — сказал он. — Не хватило времени, чтобы попрощаться должным образом. Тогда я попросил бы вас отнестись ко мне с пониманием. Вот почему я сейчас здесь.

— Что тут еще понимать? Я легла в вашу постель, а вы пощадили Селби. Сделка завершилась в тот момент, как я высвободилась из ваших объятий.

— Для вас все сводилось лишь к этому?

— Разве это могло значить для нас обоих еще что-то? Разве для вас подобная ситуация во время войны была первой? Неужели вы такой пуританин?

Снова она хотела потрясти его черствым отказом. Когда он взял ее за руки, она вырвала их и встала по другую сторону стола.

— Взгляните на меня еще раз, — сказал он. — И скажите, что все это было сделкой ради спасения вашего дома. Я постараюсь поверить вам.

Она встретила его взгляд, стоя по другую сторону разделявшего их стола, и чуть прищурила глаза, чтобы ее слова казались убедительными.

— То же самое я говорила вам и тогда, — сказала она. — Но не стану утверждать, что сожалею об этой сделке. Если после этого я стала женщиной сомнительного поведения, тем хуже. Но продолжения не ждите даже после того, что мне пришлось взять ваши деньги.

Рина обрадовалась, когда он отвернулся, услышав ее наглую ложь: она боролась за свою жизнь и вряд ли смогла бы хоть на мгновение продлить этот спектакль. Она уселась за стол, опустила подбородок на руки, чтобы не выдать дрожь в них, и внимательно следила за

Дэном, пока тот снова стал оглядываться по сторонам. Дэн тщательно осматривал все: она понимала, что он пытается взять себя в руки, пока выясняет, к чему привели аукционы, которые она здесь устраивала.

— Я говорил, что поверю вам, — наконец произнес он, уставившись на большое пустое место над каминной полкой, где раньше висело зеркало. — Я сдержу мое обещание. Но я приехал сюда не только ради этого. Кстати, я здесь по ряду причин. Ваше благосостояние — самая важная, но и другие тоже заслуживают упоминания.

— Доктор Янси сказал, что вы купили Четыре кедра.

— Это лишь начало. Через несколько месяцев у наших владений появится общая граница. На следующей неделе я посею семена нового урожая, какого в Четырех кедрях не было с 1861 года. На этой земле под паром я могу собрать больше хлопка, чем Селби.

— Это новый вызов? — спросила она, сверкнув глазами. Теперь она свыклась со своей фальшивой ролью и чувствовала, что может спорить с ним на равных.

— Назовем это дружеским соперничеством между соседями, — ответил он и, наконец, сел на диван. Скрестив длинные ноги в белых бриджах, он постукивал стеком по лакированным сапогам и больше чем когда-либо напоминал влиятельного землевладельца с Юга.

— Вы хотите заняться здесь выращиванием хлопка из-за нашего донкихотского спора прошлой осенью?

— Не приписывайте себе слишком много заслуг, — спокойно ответил он. — Я так решил задолго до нашей встречи. Я чувствую, что судьба уготовила мне сократить разрыв в развитии разных частей нашей страны и стать фермером среди тех, кого вы бы назвали моими врагами. Я намерен научить этих врагов, как стать моими друзьями. Если это звучит высокопарно, простите меня. Я склонен к риторике.

Снова лицо Рины озарилось улыбкой безупречной хозяйки.

— Может, в вас заговорила нечистая совесть?

— Моя совесть чиста, — ответил он. — Я даже не стану извиняться за то, что помог выиграть эту войну. Тем более что я могу внести свою лепту и выиграть мир.

— Вы одолжили мне деньги, чтобы снова поднять Селби на ноги. Разве это не более чем достаточно?

— Повторяю еще в последний раз, Лорена: это было возмещение за причиненный ущерб, а не деньги в долг. Они всего лишь заложили начало нашей дружбе. Дайте мне время и я докажу вам, каким хорошим соседом могу быть. Не забудьте, что скоро вам понадобится и другая помощь.

— Значит, у нас здесь установится режим военной оккупации?

— Это неизбежно, поскольку радикалы захватывают большинство в конгрессе. Я считаю, что будет страшной ошибкой в мирное время обременить Юг армией. По крайней мере, я позабочусь о том, чтобы оккупация в Округе Крей носила мягкий характер.

— Вы и за это тоже отвечаете?

Кэрролл оторвал глаза от своего стека.

— Еще нет. Но я уверен, что меня назначат военным командиром вашего района, поскольку я землевладелец.

— Вы хотите сказать, что это дело решенное, правда?

— Это не трудно, если есть, чем платить, и друзья в военном министерстве. В любом случае, я здесь надолго и хорошо знаю ваши лучшие намерения. У нас будет достаточно

времени, чтобы разработать наши планы.

— Дэниел, у нас нет никаких совместных планов. Разве вы не слышали ни слова из того, что я говорила?

— Лорена, я слушал внимательно. Это мои слова остались не услышанными. Прежде всего, я люблю вас. И это дает мне право надеяться.

— Нет, если я не испытываю ответной любви.

— Со временем и это придет, — ответил он. — Именно на это я делаю ставку.

— Ради чего?

— Вы женщина, истосковавшаяся по любви. И нам не нужны ярлыки для обозначения того, что мы с вами разделили. Я хорошо знаю, какие трудности вы испытываете здесь, их так просто не удастся решить. Я ведь не тороплю вас.

— И на этом спасибо, — сказала она с подобием улыбки.

— Я бы уехал уже завтра, если бы чувствовал, что без меня вы будете счастливее. Но когда сюда придет армия, вам понадобятся друзья. Вы *должны* понимать, что я окажусь вам полезным.

— Конечно, я это чувствую, Дэниел. Не считайте меня неблагодарной.

— Возродите Селби. Пусть эта плантация снова станет процветающей. Рано или поздно это произойдет. Тогда мы снесем все преграды и возьмемся за руки.

— Вы действительно воспринимаете все, как уже давно решенное дело, майор Кэрролл?

— Нет, Лорена. Но я на это надеюсь. Полагаю, что вы мне хотя бы это позволите.

Лорена из последних сил пыталась не выдать себя голосом. — Мой муж в Атланте. Когда он вернется, я попрошу его дать вам закладную. — Попытка Лорены не достигла цели, и она понимала это: она никогда не могла бы признаться Брэду, откуда в Лондоне взялся этот чек на пятьдесят тысяч долларов. Брэд скорее позволит Селби сгнить, нежели возьмет ссуду у янки.

— Сделку заключили мы с вами, — сказал Дэн. — Ваш муж в этом не участвует.

— Мой муж владеет Селби.

— Но он не владеет вами и никогда не мог владеть. Вы свободны выбрать между нами. Мне нужна женщина, которую Брэд Селби так и не познал, женщина, которую я пробудил к жизни.

Кэрролл встал с дивана. Если бы он сделал самую малость и коснулся бы ее руки, она уступила бы. Вместо этого он лишь наклонился, чтобы забрать шляпу и стек с видом человека, который все сказал и не собирается развить свой успех. Эта пауза спасла ее. Когда он сделал шаг к ней, она снова обрела спокойствие.

— Майор, вы хотите слишком многого.

— Возможно. Но меньшее меня не устроит.

— Боюсь, что тогда я должна пожелать вам доброго пути.

— Как вам угодно, Лорена, — ответил он. — Но между нами не будет настоящего мира, пока мы не завершим начатого здесь.

Когда она нашлась с ответом, ее голос звучал хрипло и натянуто.

— Дэниел, почему вы не хотите признать факты? Я замужем за этой землей и мужчиной, который ею владеет. Я принадлежу обоим, словно выючное животное.

— Это не правда. Это не может быть правдой.

— Пока мне не известны намерения мужа, я даже не способна ясно думать.

— Насколько я знаю, он собирается в Мексику готовиться к новой войне.

— Я не имею права обсуждать планы капитана Селби, — твердо ответила она.

— Как вам угодно, — сказал он. — Вряд ли он будет в этих краях в ближайшем будущем. А тем временем я сделаю все, чтобы стать жителем Джорджии.

— Жителями Джорджии не становятся, а рождаются.

— Это еще один миф, который я намерен развеять.

Она не шелохнулась, когда он перед уходом взял ее руку и поцеловал. Это было мгновенное соприкосновение, но она почувствовала, как ее решимость куда-то исчезает... Только оставшись одна, она еще раз поняла, что выиграла отчаянное сражение за выживание. Майор Кэрролл покинул поле боя после того, что в лучшем случае, можно назвать напряженной стычкой. Если продолжить метафору из военной области, он отступил на заранее подготовленную позицию и ждал ее следующего шага. Это было перемирие, и она знала, что он будет строго соблюдать его.

Пока будет длиться это перемирие, ее двум самым большим тайнам ничто не угрожает. Этот захватчик янки не догадался, что она носит его ребенка. Он также не узнал, что она любит его и будет любить до своего последнего дня.

*Если хочешь повеселиться,
Вступай в кавалерию...*

Капитан Брэдфилд Селби ехал по дороге, ведущей к его владениям, и напевал в такт цокоту копыт. Конь и всадник выглядели довольно усталыми. Песня закончилась меланхолической какофонией, когда он на мгновение остановился у въезда в Гамильтон. Хандред и глянул на опустошенный огнем фасад. «Ты, должно быть, еще не протрезвел, — сказал он себе. — Только дурак станет петь среди развалин». Однако на сердце у него было легко, как у школьника, когда он пустил коня галопом и преодолел милю, оставшуюся до столбов его ворот.

Селби пощадили, если не считать хлопкоочистительного завода: Рина сберегла дом целым и невредимым. Об этом он слышал еще в Атланте и обрадовался этому, словно знаку, указывающему путь в будущее. Даже сейчас, когда этот прохвост, особенно в политических делах, стал королем Юга, его дом и земля не потеряли твердую стоимость. Теперь, когда его планы определились и его звезда снова ярко засияла, он мог не обращать внимания на несчастья, постигшие его менее удачливых соседей. Как всегда, в скачках побеждают сильнейшие. Старик Гамильтон оказался слишком немощен, да и прошлое не давало покоя, чтобы отправиться вместе с ним в Мексику. У Мэри Бюэлл не оставалось иного выбора, как носить траурный черный цвет, ютясь в развалинах Гринтри. Совсем по-другому сложилась судьба капитана Брэдфилда Селби и его жены.

На перекрестке он снова остановился. От самой Атланты он скакал с убийственной скоростью и теперь понимал, что у пегого коня под ним уже подкашиваются ноги. Бедное животное заслужило краткую передышку, а всаднику требовалось еще немного времени, чтобы подумать, как лучше посвятить Рину в свой план.

Возможно, ему следовало написать ей из Атланты или хотя бы передать несколько слов через Янси. Конечно, было трудно поверить, что она воспротивилась бы его воле: с первого дня их брака его слово было законом. В том, что Брэду во время войны пришлось дать ей почувствовать вкус независимости, виновата история.

В одном не было никаких сомнений: он покинет Джорджию на то время, пока все не вернется в прежнее русло. Жена разделит с ним блестящее будущее, которое он уже видел в своем воображении. Рина просто должна стать неотъемлемой частью этого будущего. Пока он вспоминал веселый вечер с шампанским, который провел вместе с братьями по оружию, в его голове укоренилась мысль, что на него возложена важная миссия. Пока он думал, эта глубокая мысль вытеснила все другие обстоятельства, включая возникшую после похмелья головную боль, которая отдавалась в висках, словно стук молота по наковальне.

Рюмочка знаменитого бренди Селби, которое только Улисс умеет разливать по графинам из бочонка в подвале, — и головную боль как рукой снимет. Бренди также восстановит его чувство собственного достоинства, а уж затем он поставит Рину на полагавшееся ей место. Уставший конь дрожал под крепкими коленями кавалериста, однако Брэд Селби безжалостно прищипоривал его до тех пор, пока тот не поскакал галопом. В ярком утреннем солнце за поворотом показались невредимые столбы его ворот. Даже спотыкающийся Росинант сможет довести его целым до портика.

Брэд ожидал увидеть на своих лужайках джунгли, а в розовых садах — ежевику. Его несколько не потрясла пустота, возникшая среди рабочих строений на том месте, где когда-то стоял склад. Но он не ожидал, что увидит на своих полях странных чернокожих — упорным трудом они уже разбили добрую сотню акров на ряды для хлопка в первой четверти его владений и уже приступили к другой четверти. Так велико было его удивление, что он не заорал от негодования, когда несколько рабочих уставились на него в упор, явно не догадываясь о том, что вернулся хозяин Селби. По дороге домой он стал свидетелем не одного случая, когда по отношению к нему проявляли подобную дерзость, и устал пороть виновных, чтобы добиться от них рабской покорности.

В прежние дни его домашним рабам приказывали выходить всем вместе, чтобы приветствовать вернувшегося хозяина. Под рукой всегда оказывался мальчик, ловивший вожжи, другой отряхивал пыль с его плеч. Улисс, если его вовремя предупредили, уже бывало ждал его на стоянке повозок, держа в руке стакан с напитком, приправленным мятой... Сегодня на подъездной дороге никого не было, а высокий дом, хотя и недавно покрашенный, казался пустым, словно мавзолей. Он чувствовал, что рука тянется к переметной суме, где лежала фляга с виски, но решил воздержаться от живительной влаги, пока не доберется до конюшни. У него немного поднялось настроение, когда он осушил флягу. От Атланты сюда вела длинная дорога, и можно было вволю предаваться воспоминаниям.

Настроение у него еще больше поднялось, когда он прошел через лужайку и поднялся на южный портик. Наконец-то он вернулся в то Селби, какое помнил: сочная весенняя трава стелилась зеленым ковром, древние петухи и драконы в изгороди из самшита были привычно выстрижены. Увидев мелькнувшую в гостиной Рину, он почувствовал, что его возвращение имеет смысл и значение, но тут же вспыхнувший в нем гнев сосредоточился на ней.

Его жена склонилась над бухгалтерской книгой, на ней была свободная домашняя рабочая одежда, проклятая им тысячу раз. Комната позади нее оказалась совсем голой — он это ожидал. Когда ушли войска Шермана, в Джорджии наступили невероятно тяжелые времена: было бы несправедливо уповать на то, что Рина выйдет сухой из воды. Но он не мог простить ей то, как она оделась. Что бы ни случилось, хозяйка Селби не имела права спускаться вниз в одежде из джутовой мешковины... Так думал Брэд, наконец, входя в дом через одну из широко раскрытых застекленных дверей.

Он решил спокойно и достойно предстать перед Риной, пусть она сама увидит израненного в боях героя. Он поклялся не говорить до тех пор, пока Рина не извинится за ледяную сдержанность, с какой она последний раз проводила его. Теперь он не без досады убедился, что придется кричать, чтобы обратить на себя внимание жены... Хотя стена между ними была незрима, он остро ощущал ее присутствие.

— Ты так встречаешь меня? — строго спросил он.

Рина оторвалась от бухгалтерской книги. Когда их глаза встретились, спокойное отношение жены к его приезду, еще больше разозлило его. Сдерживая гнев, он устало обошел стол.

— С возвращением домой, Брэд, — сказала она и, наконец, опустила глаза.

— Большое спасибо и за это, моя дорогая, — проворчал он, галантно снимая выцветшее под солнцем сомбреро, которое носил во время кампании, и низко поклонился. — Мне даже показалось, что ты не совсем помнишь меня.

— Я слышала, что тебя ранили, — сказала она каким-то странно спокойным голосом. — Это правда?

— Меня ранило у Петербурга, — ответил он, подражая ее манере. — Всего лишь крохотный снаряд угодил в плечо, но рана долго не заживала.

— Я также слышала, что ты с пятницы находился в Атланте, — сказала Рина. — Ты не мог передать мне хоть слово?

— Я был занят — думал, как устроить наше будущее.

— По крайней мере, твоя рана зажила, и ты снова вернулся домой.

— И ты *это* называешь домом? — Он спохватился, что выкрикнул этот вопрос.

— Я сохранила твою крышу над головой и засеваю поля. Вряд ли кто в Джорджии может похвастаться таким.

— Как? Собственными руками?

— Я получила деньги — от Квента. Я наняла две сотни работников из Линкольнвиля. Наверно, ты видел их на полях.

Брэд швырнул сомбреро на пол и подмял его под шпоры. В Атланте только и говорили, что Рине подвалило богатство: он знал, что она, не дожидаясь его разрешения, приступила к весеннему севу. Столкнувшись с такой неожиданностью, он не стал сдерживать эмоций.

— К черту эту благотворительность Квента! И черт бы побрал этих работников, которых ты наняла! Селби не стоит восстанавливать. На таких условиях об этом и говорить нечего.

— Мы построим новый склад, — спокойно сказала она, будто даже не слышала вспышку его гнева. — Я заказала из Балтимора новую хлопкоочистительную машину. Они привезут ее через Мобил... Мы сможем укладывать вдвое больше тюков...

— Какое ты имеешь право покупать хлопкоочистительную машину, не посоветовавшись со мной?

— Брэд, это мои деньги. Я распоряжаюсь ими так, как считаю нужным.

— Не в то время, когда у меня появились другие планы. Не в то время, когда сюда прибывают чужаки, а рабы считают, что равны нам. Я увезу тебя подальше от этого хаоса. Как скоро ты сможешь собраться в дорогу?

— Увезешь меня из *Селби*?

— Каждый вторник из Нового Орлеана в Веракрус отплывают пакетботы. Я уже заказал каюту. Мы можем расплатиться за нее драгоценными деньгами твоего брата.

— Ты совсем потерял рассудок?

— Мы продолжим войну с той стороны Рио-Гранде, — ответил он. — Через Техас идут целые полки, чтобы соединиться с Максимилианом. На нашей стороне генералы и у нас есть план военных действий. В Мексике хватает земли для тех, кто желает на ней поселиться. При дворе императора можно приобрести титулы, если найдутся деньги.

— Я тоже слышала эти сказки. Только не говори, что ты веришь во все это.

— Спроси Квента, если тебе нужен свидетель. Он сейчас там и наживается на сделках с землей. Я тоже думаю этим заняться, если перестану воевать.

— Ты действительно собираешься бросить Селби?

— Какой толк от Селби, если у меня нет сына, который мог бы его унаследовать? Вчера в Атланте я выставил плантацию на продажу. Эти негодяи скупают все, что уцелело и стоит хороших денег.

— Эта земля принадлежит твоей семье со времени Оглеторпа^[16]. Ты *не можешь* отказаться от нее.

— Не думай, что я продаю Селби навсегда. Через несколько лет мы вернем Селби и всю Джорджию.

— Брэд, война проиграна. К чему начинать новую?

— Для моих друзей капитуляция Ли и Джонсона является всего лишь перемирием. Говорю тебе, к югу от границы пробуждается новый день. Максимилиан всецело поддерживает наше дело, и мне говорили, что в Европе нет такого двора, как у него. Он радушно встречает способных людей. Квент уже в Мексике, а с деньгами, вырученными от продажи Селби, я скоро вернусь и займу мое законное место. Откровенно говоря, меня устроит только титул герцога. Думаю, с моим послужным списком на полях боев, я этого заслуживаю.

Он умолк с видом победителя, она отвернулась и беспомощно развела руками. В прошлом такой жест означал, что его воля снова взяла верх.

— Думаю, в Мексике ты будешь чувствовать себя, как дома, — заметила она.

Брэд поднял сомбреро с пола и, разглаживая его, вернул фетру прежнюю форму. Он немного пожалел, что разразился такой тирадой. Понятное дело, Рина ошеломлена его планом. Видно, ограниченному воображению жены потребуется время, пока она не поймет, какие перспективы он открыл перед ней.

— Я так и знал, что ты со мной согласишься, — заключил он. Теперь, когда он довел свою мысль до ее сознания, его голос казался почти добрым. — В Мексике мы воссоздадим подлинный Юг и заодно изменим историю. Более сотни человек из моей роты обещают свою помощь. К тому времени, когда мы туда прибудем, появятся тысячи других. Я думаю, уже через полгода мы будем заправлять этой страной.

— А потом что? Вы переправитесь через Рио Гранде и снова завоюете наш Юг?

— Рина, и не такое происходило. Мои братья-офицеры берут с собой жен. Мы уже договорились о месте встречи в Новом Орлеане...

Она взглянула на него, высоко подняв голову и расправив плечи.

— Тогда обязательно присоединяйся к ним, если они именно этого хотят. Деньги для проезда на корабле найдутся. И Квент поможет тебе, если он еще находится в Мексике. Но не проси меня, я не стану участвовать в этом безумном плане. Я нужна здесь.

Брэд тупо смотрел на нее. Видно, он явно не так расслышал ее.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты ведь сказала, что понимаешь, почему я уезжаю.

— Отлично понимаю.

— Я приказываю тебе поехать со мной. Ты ведь моя жена или это уже ничего не значит?

— Брэд, это значит очень много. Это значит так много, что я отказываюсь отдать твою землю.

— Даже если я клянусь, что верну ее назад вместе с Джорджией?

— Ты и вправду считаешь, что сможешь это сделать?

— Такой армии, как у Конфедеративных штатов, еще мир не видывал. Мы все еще сможем выиграть эту войну, если снова соберем ее.

— После того как от войны отказались твои командиры?

Он поднял руку, готовясь ударить ее.

— Рина, ты на чьей стороне?

— Брэд, война окончена. Выжить мы сможем, лишь оставаясь на месте и подняв

плантацию на ноги.

— И станем подчиняться требованиям янки?

— Почему бы и нет? Они ведь победили.

— Я лучше умру. Ты считала бы точно так же, если бы не забыла о гордости.

— Моя гордость заключена в моей земле и моих предках. Я защищаю и то и другое.

Он на время отказался от спора и бросился к погребцу, где хранились его графины, — и обнаружил, что там ничего нет. Это открытие стало последней каплей в чаше терпения. Бросившись на диван, как ребенок, которого только что отругали, он почувствовал, что слезы отчаяния жгут ему глаза. Когда он поднял голову, то обрадовался, увидев, что Рина вышла. Она стояла на портике и наблюдала, как работники кратчайшим путем идут к амбару, поскольку звон колокола возвестил начало обеденного перерыва.

— Где мое бренди? — Этот вопрос он прокричал какому-то врагу, который так и не появился. Он вряд ли ожидал ответа от жены и немного смущенно посмотрел на нее, когда та вернулась.

— Право, Брэд. Тебе должно хватить ума, чтобы не задавать таких вопросов.

— Старик Янси говорил, что он припрячет бочонки.

— В прошлом месяце мы их выкопали и продали на аукционе. Вместе с золотом и серебром Селби. И вместе с твоими тремя скакунами.

— Ты не имела права...

— Ты в Атланте оставил закладные. Когда банк закрылся, их скупил спекулянт землей. Что мне оставалось делать? Отказаться платить по процентам, спустить все за бесценок?

— Очень хорошо, Рина, — произнес он сквозь стиснутые зубы. — Ты не должна обижать человека, когда он прощается со всем, что ему дорого.

— Почему ты не хочешь видеть вещи в истинном свете?

— К черту твой истинный свет! Где мои домашние рабы? Почему меня не встретил мальчик на стоянке повозок, чтобы взять у меня вожжи?

— Рабы покинули хижины, когда мне больше нечем было кормить их. Должно быть, ты слышал, что они поселились у Форкса?

— В поселке из бараков, который они называют Линкольнвилем?

— Сегодня людей из этого поселка нанимают на работу.

— Правда, что их вожак — один из наших рабов?

— Без Сала я бы здесь не смогла засеять поля. То же самое сказал бы любой землевладелец, у которого этой весной нашлись деньги, чтобы начать посев.

— Здесь ты уже не соберешь урожай. Я уже говорил, что Селби пойдет с молотка на аукционе.

— А что если я дам тебе взаймы на проезд и положу десять тысяч на твой счет в Мехико? Ты уедешь из Джорджии без лишнего шума? Позволь мне заниматься Селби до тех пор, пока не закончится твое сумасбродство?

— Меня не купишь, — угрюмо ответил он. — Ты поедешь со мной.

Отдав эту команду, он схватил ее за руку, но она легко высвободила ее. Он забыл о том, как она сильна: эта черта в женщине ему всегда казалась почти неприличной.

— Взгляни на меня! — крикнула она. Ее голос звучал не менее яростно, чем его. — Даже ты должен видеть, почему я не могу уехать из Селби.

— Приведи хотя бы одну вескую причину.

— Разве ты не хочешь, чтобы твой наследник родился американцем?

Он уставился на нее. Солнце падало на Рину со спины. Брэд впервые увидел в ней женщину, а не человека, слепое сопротивление которого он должен обязательно сломить. Хотя на ней была эта нескладная одежда, теперь он точно разглядел ее округлую фигуру.

— Ты в этом уверена, Рина?

— Конечно уверена.

— Когда ты ожидаешь появление ребенка?

— Дядя Док говорит, что он появится в августе.

— Ты совершенно права, — задумчиво сказал он. — Мальчик должен родиться на земле Джорджии. Со времен нашего первого гранта на эту землю здесь родились все Селби.

— Значит, ты не продашь Селби?

— Как я могу сейчас?

К Брэду вернулись хорошее настроение и самоуверенность. Взяв жену за руки, он закружил ее в быстром вальсе, затем начал скакать по гостиной, высоко подпрыгивая над паркетом и стуча каблуками. Стук напоминал выстрелы из пистолета. От его дерзкого рева заплясали канделябры.

— Яааааааа! Боже мой, наконец-то будет мальчик. Черт подери, где мое бренди? Я хочу выпить за его здоровье.

— А как же мое, Брэд?

Брэд поздно вато вспомнил о присутствии жены. Она стояла на том месте, где он оставил ее, освещенная лучами солнца, которые лились через окно со стороны сада. Она крепко держалась на ногах и уперла одну руку в бок. В порыве раздражения он называл эту позу «крестьянской». Роясь в погребце, он извлек запыленный бокал и торжественно поднял его.

— Рина, и за *твое* здоровье тоже, хотя мне и приходится поднимать пустой бокал. Спасибо тебе за то, что ты сделала меня отцом.

— Я рада оттого, что хоть чем-то могу пробудить твою гордость.

— Гордость? Никогда я так не гордился с тех пор, как убил своего последнего янки. — Он выделывал одно антраша за другим, издавая оглушительные вопли. — Яааааааа! Теперь я знаю, ради чего стоит возвращаться домой.

— Ты все еще собираешься в Мексику?

— Естественно. Не думай, что я стану лишать своего сына герцогского титула.

— Нет, Брэд. Я уверена, что ты не станешь так поступать.

Его восторги чуть поубавились. Пристальный взгляд Рины, сухой тон не располагали к веселью. Лучший выход — дать волю злости: он тут же ухватился за него.

— Когда ты обнаружила, что беременна?

— С начала декабря.

— Почему ты не написала мне?

— Как я могла это сделать? Я ведь не знала, жив ты или мертв.

Она чуть не выкрикнула эти слова. Уж что-что, а гнева он от нее не ожидал и отступил на шаг.

— Кого ты ждешь, Рина?

— Боже, помоги мне, я не знаю. — Ее гнев погас столь же быстро, как и вспыхнул. Прежде чем он успел снова уколоть жену, та выбежала из помещения.

Брэд уже было собрался последовать за ней хотя бы ради того, чтобы закрепить условия

их соглашения, затем передумал. «Рине все же можно простить эту нервную вспышку. Беременная женщина — думал он, — редко бывает самой собой». Памятуя о банковском вкладе в Лондоне, он надеялся на ее поддержку, когда во вторник отчалит в Веракрус.

Он вернулся на плантацию лишь ради того, чтобы заявить о своих намерениях. Теперь, когда она по веской причине отказалась ехать с ним, он один отправится навстречу своей судьбе. В некотором смысле он невольно почувствовал облегчение. Брэд Селби в одиночку всегда добивался самого большого успеха.

Ему было необходимо вернуться в Атланту, посоветоваться с друзьями, которые обещали поехать в Веракрус вместе с ним. Прежде чем уйти он нацарапал на первой чистой странице бухгалтерской книги адрес в Новом Орлеане. Брэд оставил книгу открытой, чтобы Рина обязательно увидела этот адрес; она поймет намек и вышлет ему деньги до отплытия.

Брэд еще некоторое время стоял в голой гостиной, пытаясь избавиться от мысли, что он остался единственным живым существом в незасыпанной могиле. Этот кошмар в последнее время не давал ему покоя: сменив обстановку, он скоро избавится от него... Нет никакой пользы дольше оставаться в Селби вместе с беременной женой, которая выходит из себя по малейшему поводу.

Он подумал, не разыскать ли Люка Джексона, и решил не делать этого. Времени в Новом Орлеане будет предостаточно: он сможет прислать надсмотрщику свои приказы по почте. Нахлобучив сомбреро, капитан Брэдфилд Селби готовился без сожаления покинуть свои владения.

Уже на портике Брэд вспомнил о запертом ларце, в котором когда-то хранились бренди и сигары, и на всякий случай решил проверить, не уцелело ли что после аукционов. Сигар не оказалось, но две затянутые паутиной бутылки были припрятаны за тайной панелью. С таким грузом в переметной суме путешествие в Атланту сулило стать приятным. Он снова напевал, направляясь к двери гостиной. На пороге он догадался, что внизу есть еще кто-то.

Негр, стоя перелистывавший страницы бухгалтерской книги, явился сюда без доклада. Аккуратный пиджак изо льна, который тот носил, был куплен в магазине для белых людей. Как и бриджи для верховой езды, и шляпа, которую тот швырнул на стол. «Даже манеры, — подумал Брэд, — он позаимствовал у своих хозяев». Бросалось в глаза, с какой непринужденностью он уселся на стул, вырвал страницу с адресом в Новом Орлеане и, заложив ее меж переплетов, начал быстро что-то записывать.

Брэд узнал Сала, хотя тот сидел спиной к нему. Он инстинктивно издал недовольный вопль.

— Что ты здесь делаешь?

Сал встал со стула. Он заговорил не сразу, а по его позе чувствовалось, будто Брэд, а не он здесь нежеланный гость.

— Доброе утро, капитан Селби, — наконец сказал он. Его голос прозвучал сдержанно вежливо.

— Черная обезьяна, ты разве забыл, как полагается *говорить* негру?

Сал и глазом не моргнул.

— Капитан, мы теперь говорим на одном языке.

— Я же советовал тебе держаться подальше от моего дома...

— Мисс Рина наняла меня заниматься рабочей силой.

— *Убирайся отсюда и держись подальше от Селби!*

Сал не шелохнулся, когда Брэд ринулся к столу.

Но капитан вовремя вспомнил, что у него руки заняты бутылками. Он остановился, чтобы поставить их на пол. Если бы его руки оказались свободны, они сомкнулись бы на шее негра, но необходимость обезопасить бутылки с бренди дала ему время подумать. «*Это все дело рук Рины*, — подумал он. — *А ты сам отдал ей бразды правления*».

— Кто сказал, что ты можешь работать здесь? — рявкнул он.

— Мисс Рина, капитан. Лишь до тех пор, пока мы не перенесем ее книги в кабинет. Тогда, как и прежде, я буду работать в конторе мастера Люка.

— Очень хорошо, — сказал Брэд. Он теперь обуздал свой гнев, во всяком случае, в той мере, чтобы метать громы и молнии по собственному усмотрению. — Я не собираюсь отменять распоряжения миссис Селби. Особенно в тот момент, когда я отправляюсь в Мексику...

— Сэр, желаю вам счастливого пути.

— На твоём месте я бы не стал вести себя так, — отозвался Брэд. — Когда я вернусь навсегда, то, наверно, убью тебя. Может, мне лучше покончить с тобой прямо сейчас?

Он опустил руку на револьвер. Вытащив его из кобуры, он взвел спусковой крючок и почувствовал, как его бурным горячим потоком захватило чувство собственного достоинства. Что-то в глазах чернокожего говорило ему, что угроза достигла цели, хотя тот и не пошевелился.

— Капитан, вам еще не надоело убивать?

— Нет, пока такие, как ты, гуляют по земле.

Брэд сказал эти слова торжественно, чеканя каждый слог: то обстоятельство, что он сейчас подбирал бутылки с бренди, несколько не ослабило угрозу. Так ему показалось. Только оказавшись на стоянке повозок, он сообразил, что Сал сжал в улыбке тонкие губы столь же презрительно, как и он... Разве эта ослиная башка не сообразила, что только что подписала себе смертный приговор?

Опустив бутылки по каждую сторону переметной сумы, Брэд легко запрыгнул на коня. Животное, похоже, еще не отдышалось за это короткое время, но он прищпорил коня так, что тот стремглав понесся по подъездной дороге. Сегодня он обязательно должен покинуть Селби галопом.

Только у ворот он один раз оглянулся, хотя был уверен, что Рина не стала свидетелем его отъезда. Подумаешь, важность, если жена дуется наверху, главное — чтобы она встречала его с должным сочетанием уважения и страха.

У заставы Брэд пустил коня легкой рысью. Запустив руку в переметную суму, он расслабился, глубоко вдохнув весенний воздух Джорджии. Не все амбары успели сжечь вдоль большой дороги. Когда компанию составляют две бутылки, можно дать отдохнуть коню у следующего стога сена, поспать в тени до вечера и завершить путь с наступлением вечерней прохлады.

Опытный ветеран войны научился отдыхать там, где только было возможно. Как человек, отмеченный судьбой, он мог сейчас позволить себе вздремнуть, раз держал будущее в своих руках.

Эндрю Селби появился на свет в самый знойный день августа, когда поля покрылись белой пеной распускающихся семенных коробочек хлопка, а новая хлопкоочистительная машина из Балтимора, прочно установленная на каменном фундаменте, ждала начала переработки небывалого урожая.

Дядя Док, который любил играть с природой в загадки, записал, что Рина родит десятого числа. Учитывая нетерпение матери, он обрадовался, что ребенок появился строго по расписанию. О рождении ребенка сообщили в конце дня, когда работники Сала потекли к дому с щедрых зеленых борозд. По указанию Рины, Янси сам вышел на балкон ее спальни и громко объявил эту новость. В его ушах до сих пор звучал восторженный рев, вырвавшийся из двухсот глоток, когда распространилась эта новость...

«Было неплохо, — подумал он, — что хозяйка Селби порадовалась этому вместе со своими работниками».

В тот вечер они собрались под портиком и песнями отмечали появление новой жизни. Янси пришлось выпроводить их, чтобы дать поспать матери. Дитя Рины восприняло эту заботу, не проронив ни звука. Затем, как все дети в мире, оно издало жалобный крик, приветствуя жизнь не менее инстинктивно, чем те, кто пели языческие песни на лужайке.

Теперь, когда все закончилось, Янси уверял себя, что он никогда не сомневался, что ребенок будет мужского пола. Он также не сомневался, что Рина назовет его Эндрю, по имени судьи.

Первый крик малыша свидетельствовал о его крепком здоровье, а Рина, как и все матери, превозносила его красоту. Стоя в тот вечер у ее постели, Дядя Док понял, что значит получить удовлетворение от достигнутого. Каким бы циником он ни был, в его глазах появились слезы. То же произошло и с Матушкой Джо, когда та пришла забрать и запеленать ребенка.

Спустя три дня после разрешения от бремени врач плантации тщательно обследовал ребенка и мать. Хотя мальчики часто похожи на отцов, Энди, как ни странно, больше пошел в мать, нежели в Дэна Кэролла. «Корни этого сходства, — думал Янси, — надо искать в ранних Роули, возможно, в том пирате, который первым начал обогащать семью». Кто-кто, а уж Янси знал тайны наследственности. Голову ребенка венчали черные завитушки; даже сейчас Дядя Док догадывался, что эти большие, широко раскрытые глаза будут такими же черными, как у Рины. При рождении ребенок весил восемь фунтов и был прекрасно сложен. Больше всего наблюдательного врача порадовало то, как он с первого дня сосал грудь матери — так яростно, что на лице Рины светились и боль, и радость, когда она с полными восторга глазами смотрела на него...

На четвертое утро после родов Янси пришел в спальню Рины за полчаса до того, как большой медный колокол на крыльце надсмотрщика должен был возвестить о начале нового рабочего дня. Даже сейчас в росистое утро день обещал быть жарким. «Идеальная погода для хлопка, — подумал он, — после проливных дождей в июле».

Хотя Дядя Док, как правило, спал плохо, но прохрапел все восемь часов. Он резко проснулся, вспомнив о задуманном, и пришел сюда, чтобы добиться осуществления своего плана. Застав мать, спящей глубоким сном, он не осмелился разбудить ее.

Матушка Джо, которая спала на раскладушке в гостиной с закрытыми ставнями,

зашевелилась, услышав, что ее зовут. Повинуясь кивку его головы, она взяла ребенка из колыбели и понесла на утреннее купание. Дядя Док вздохнул, когда взглянул на спящую в постели женщину. Рина никогда не казалась такой молодой, такой беззащитной и такой довольной. Он знал, что она заслужила этот момент счастья. Она также заслужила покой, если это время можно было считать периодом отдыха. Он боялся проявить ненужную жестокость, и напомнить ей, что пора встать и заняться делом, но время поговорить наступило. Внизу надо было разобраться не с одним десятком дел: только хозяйка Селби могла справиться с этим.

Янси открыл двойные двери на балкон портика. Лучи раннего солнца затопили комнату, но Рина не просыпалась. Он пожал плечами и подошел к балконным перилам. Каждое утро после рождения его сына Дэн Кэрролл приезжал из Четырех кедров узнать, как идут дела, и каждое утро Дядя Док был на месте и отвечал на его вопросы.

— Как она?

— Цветет, Дэн. Сегодня я разбужу ее.

Кэрролл пересек лужайку и остановился в тени портика.

— А еще не рановато?

— Для Лорены в самый раз.

— А как ребенок?

— Растет быстрее, чем мальчикам положено.

— Мне хотелось бы взглянуть на него, — сказал Кэрролл. — Наверно, это не совсем благоразумно.

— Да, надо подождать.

— Мне можно зайти позднее — как соседу?

«Тебе ведь известно, что он твой, — думал Янси. — Даже если ты не облек эту мысль в слова».

— Конечно, вы можете зайти, — ответил он. — Наши владения разделяет общая ограда, так вы продемонстрируете лишь хорошие манеры. И не сердитесь на Лорену. Она родила сына; она будет бороться за то, что принадлежит ему — и ей.

— Жаль, что я не могу помочь.

— Оставайтесь на своей земле, Дэн. Когда ей понадобится помощь, она вас позовет...

Янси повернулся к спальне и приложил палец к губам: Рина только что проснулась и звала, чтобы ей принесли ребенка. Стоявший внизу всадник понял этот знак, на прощание помахал рукой и уехал столь же тихо, как и приехал.

— Где ты, Дядя Док?

— Иду, девочка.

Когда он снова вошел в залитую солнцем комнату, Рина зевала, сбрасывая оковы сна. Сны еще витали над постелью. Угадав их направление, Дядя Док предусмотрительно молчал, пока поднимался по ступенькам, чтобы пощупать ее пульс.

— Ты говорил с кем-то? Кто стоял на лужайке?

— Никого не было. Я стоял один на балконе, — соврал он.

— Мне показалось, будто я слышала твой голос.

— Я бормотал про себя. Это привилегия старика. — Он говорил непринужденно, радуясь ее нормальному сердцебиению. Голос его и далее не дрогнул. — Я также проверял, какая будет погода. Похоже, она в самый раз для выращивания хлопка.

— И хлопка, и детей?

— И матерей. После завтрака тебе придется встать с постели.

— Так рано?

— Ты достаточно долго нежилась на слишком крепко набитом матрасе и гордилась своими достижениями. Давно пора снова приступить к делу, а то не заработаешь себе на прокорм.

В комнате наступило молчание, которое нарушало лишь пение Матушки Джо, заканчивавшей купание наследника Селби. Взгляд Рины устремился в сторону этих звуков. Янси отлично видел, о чем она думает.

— Я первым готов признаться, что поступаю бессердечно, — сказал он. — Но другого выхода нет. Я не позволю тебе больше ни одного дня предаваться размышлениям.

— Дядя Док, кто сказал, что я предаюсь размышлениям?

— На твоём месте я бы делал то же.

— Почему?

— Ты станешь отрицать, что родила ребенка от одного мужчины, будучи замужем за другим?

Рина ответила не сразу. Когда она заговорила, то показалось, будто ее слова падают в безмолвную пустоту.

— Ты прав, — сказала она. — Пора зарабатывать себе на пропитание, ведь надо растить ребенка, а муж в Мексике.

— Матушка Джо поможет тебе одеться.

— Я сама могу одеться. Ты извинишь меня за то, что я на мечтания потратила целых три дня?

— Девочка, можешь поделиться со мной своими мечтаниями?

— Никто не может поделиться мечтами, но я тебе расскажу самое главное. Три дня я делала вид, будто не отличаюсь от других женщин. Даже подумала, что мир обязан меня защищать, раз я обзавелась ребенком. Это была счастливая иллюзия, но она продолжалась недолго.

— Теперь ты поняла, что к чему?

— Да, Дядя Док.

— Извини, что я тебе напоминаю об этом.

— Я всегда знала, что к чему, — ответила она. — Сегодня я хочу спросить, не опасно ли мне вставать.

— Оказавшись на ногах, ты будешь рада, что встала.

— Я считаю это комплиментом, — сказала она. — Неужели так все и было задумано?

— Да, именно так.

Он еще раз взглянул на нее, раздумывая, сказать ли ей о тайных визитах Дэна Кэролла. В конце концов, он ушел, так и не решившись на это. Рине всегда хватало сил, чтобы в одиночку бороться со всем миром. Теперь она, подарив Селби наследника, уже больше никогда не останется в одиночестве.

— Мистер Роули, Джорджия представляет собой вооруженный лагерь, — сказал Дэн Кэрролл. — Вряд ли мне надо еще раз напоминать, почему это так.

— Особенно гостю из Чарлстона, — сказал Квент. — Естественно, наше недовольство имеет ту же причину.

— Значит, вы не упрекаете меня за то, что в Округе Крей патрулируется каждая дорога? Уверю вас, иначе никак нельзя поддержать мир.

— Мой дорогой майор, после четырех лет войны и трех лет программы «Реконструкция Юга», я уже никого ни в чем не виню.

После деловой встречи в Четырех кедрях, которая оказалась как познавательной, так и полезной, оба мужчины к вечеру отправились в путь. Это была первая за два года поездка Квента к Лорене. Ехать к Селби Холлу они предпочли по дороге вдоль реки... Оказавшись на возвышенной местности, они остановили коней, чтобы осмотреться. Поля под паром, плачущие под осенним дождем и напоминавшие огромную шахматную доску, наглядно свидетельствовали о трагической теме их разговора.

Красно-коричневая река извивалась с запада на восток по невероятно пустынной местности. Она затопила свои берега на бескрайние мили. Вода с поднявшимся со дна илом теперь свидетельствовала о том, что вверх по течению находятся засоленные, простаивающие земли, верхний слой которых смывался во время дождя. Дэн мог бы назвать имена владельцев этих полей так точно, будто у него на седле была разложена карта. И снова майор из армии янки, который мог назвать себя усыновленным джорджийцем, глубоко вздохнул, думая об упрямстве побежденной земли, обитатели которой отказывались признавать свое поражение.

Гамильтон Хандред и Гринтри не были единственными владениями, хозяева которых отвернулись от настоящего. Спустя более трех лет после окончания вооруженного сопротивления, десятков плантаций в этом округе оставался необработанным. На них больше не было рабов, если не считать нескольких одряхлевших негров, не способных оставить своих прежних владельцев. Однако хозяева почти всех таких владений сумели избежать лишения права пользования, прибегнув к ловкому финансовому обману, не поддававшемуся анализу. Это был бессмысленный и наглый вызов. Будучи рабовладельцами до капитуляции, эти землевладельцы серьезно намеревались вернуться к рабству на прежних условиях. Пока эти владельцы продолжали плести интриги, они не нанимали на работу негров и отказывались признавать, что перед порогом их домов стоит оккупационная армия. Они не хотели также признавать, что последствия замышляемого ими насилия могут оказаться гораздо хуже бед, которые они пытались исправить.

Лагерь под командованием Кэролла стоял на близлежащем отвесном берегу — две роты конных пехотинцев, очень мобильные силы, которые за считанные часы могли достичь любой точки вверенного им округа. До сих пор Кэрролл жестко готовил своих людей, но использовал их с крайней осторожностью, полагаясь на то, что само их присутствие предотвратит беду. Лагерь стоял на его земле, в углу Четырех кедров. Этот участок годился лишь для выращивания деревьев и пастбища. Остальная земля, за состоянием которой следило зоркое фермерское око, ждала лишь осени, чтобы принести щедрые дары. Свои обширные земли, он возрождал целых три года, проявляя любовь и показывая пример

окружавшим его твердолобым сепаратистам.

Наметанный в годы войны глаз Дэна обозревал аккуратные ряды палаток, деревянную столовую, крытый загон, где кони смогут провести зиму. Несмотря на постоянные маневры его людям не приходилось сетовать на неблагодарную службу. Никаких столкновений до сих пор не возникало, поскольку всем в Округе Крей было видно, что эта военная полиция способна воплотить свою волю в жизнь.

Правда, десяток куклуксклановских крестов сторели за последнюю неделю, в основном во дворах отдельных негритянских хижин, в назидание обедневшим белым, которые не проявили джорджийский патриотизм, сбывая продовольствие квартирмейстерам Кэролла. Но прямого нападения расистов на Линкольнвилль не произошло. Рабочие бригады Сала, увеличившиеся во время жарких, напряженных месяцев уборки, еще только могли подвергнуться нападениям.

Но это не давало повода для успокоения, поскольку основные вопросы оставались нерешенными. До тех пор, пока черные и белые не смогут ужиться вместе, оккупационная армия останется раздражителем, так как ей предстояло воплотить в жизнь законы, так спешно утвержденные в Вашингтоне. Майору Дэну Кэроллу оставалось лишь молить Бога чтобы к следующему году наступили лучшие времена.

Создавшаяся тупиковая ситуация объяснялась множеством причин: главная из них была проста. Пытаясь найти точное слово для ее определения, Кэрролл, ставший джорджийцем, если не по праву рождения, то по праву проживания, размышлял над событиями, которые привели столь значительную часть Юга к грани мятежа, а традиционную политику и экономику — к хаосу и неугасающей вражде. «Это слово — «жадность», — подумал он. — Что еще могло привести на эту землю тучи саранчи?»

Когда прежних мятежников лишили права голосовать, а на каждом избирательном участке стоял с обнаженным штыком солдат, защищавший смешные и неуклюжие попытки негров обрести гражданство, не видно было, как достигнуть единого мнения, пока за дело не взялись мародеры. Соппротивление побежденных стало неизбежным. Устраивались страшные провокации, особенно в таких районах, как Округ Крей, где было самое большое количество рабов. Столь же ревностно злые менторы негров перешли всякие границы в своей жажде добыть трофеи. И тем не менее в приграничных штатах снова начали мыслить трезво. То же могло случиться и в Джорджии, если бы она избавилась от непрекращающихся подстрекательств Клана.

Сначала Ку-клукс-клан, несмотря на всю свою террористическую атрибутику, казался способным дать отпор «саквояжникам»^[17] и дать понять неграм, получившим свободу, что те не должны своевольно захватывать простаивавшие земли. Если бы Ку-клукс-клан преподнес своим врагам такие уроки и самораспустился, он заслужил бы лестную оценку в книгах истории. Вместо этого он стал расти, как грибы после дождя, и вскоре его анонимные члены, похоже, ради собственного удовольствия, начали убивать и жечь. Теперь же, в эту горестную осень 1868 года, Кэрролл опасался, что утолить страсти, разбуженные этими ночными всадниками, может лишь кровопролитие. Разумеется, пропасть, разделявшая расы, стала глубже прежнего, а желание уничтожить давно вытеснило разум.

Местный Ку-клукс-клан являл собой лишь скрытую угрозу, благодаря тому, что Кэрролл распорядился регулярно патрулировать Округ Крей. Тем не менее его долг заключался в том, чтобы искоренить эту угрозу. Сделать это можно было лишь в ходе открытого столкновения с ночными всадниками. Такая форма сражения была гораздо труднее, чем обычный бой.

В других местах Джорджии принимались суровые меры: Клан в каждом случае скрытно отвечал жестоким ударом. Кэрролл теперь совершал поездку с целью усовершенствовать собственный план борьбы. Не желая напрасно губить жизни, он уже почти решил прикрепить к двери полковника Гамильтона последнее предупреждение, так как стало известно, что герой Шило возглавляет Клан округа, и поговаривали, что приказы учинять новое насилие отдавались в штабе Ку-клукс-клана, находившемся за пределами Атланты.

Кэрролл надеялся со временем пресечь враждебные действия — но он выработал собственную стратегию: видно, надежда повлиять на мозги полковника осталась несбыточной... Он резко взглянул на всадника, застывшего рядом с ним. Похоже, Квентин Роули глубоко задумался о чем-то своем.

— Говорите откровенно, мистер Роули, — сказал он. — Это останется между нами.

— Можете звать меня Квентом, мы ведь деловые партнеры, — ответил брат Лорены. — Что касается моих нынешних размышлений, то они в высшей степени неоригинальны. Я разочаровался в человечестве. Как бороться с его упрямством?

Дэн невольно рассмеялся. Оба рысью устремились дальше по грязной дороге. После совещания в Четырех кедрах он почувствовал в Квентине своего союзника, хотя этот союз порождали разные мотивы.

Гость приехал к нему из Нового Орлеана по его просьбе. Вчера вечером за бренди и сигарами Квент согласился подтвердить, будто он предоставил Селби знаменитый заем. За это Дэн обещал погрузить свой урожай этого года вместе с урожаем Селби на пароход, который Квент недавно приобрел в Мобиле. Это соглашение принесет взаимную выгоду. У брата Лорены водились друзья на каждой остановке длинной дороги, изголодавшейся по взяткам и ведшей к ткацким заводам в Британии и Новой Англии, оставшимся без хлопка. Если он запросит как можно больше за перевозку, то сможет все быстро сбыть по ценам, которые иначе чем астрономическими не назовешь.

После того как в руки Дэна перешли Четыре кедра, а также владения Варнеллей, он обнаружил, что жизнь плантатора может оказаться весьма привлекательной при условии, что плантатор имеет звонкую монету и преисполнен желания выжить. Положение военного начальника в этом округе обеспечивало ему иммунитет. Было лишь естественно распространить этот иммунитет и на Селби Холл, поскольку он пользовался хлопкоочистительной машиной Лорены, чтобы уложить в тюки свой урожай и затем отправить оба урожая с общего склада до ближайшей станции железной дороги.

Благодаря такому соглашению, а также и тому, что их земли соседствовали, он создал для обоих владений остров мира среди беспокойного моря. До сих пор волны этого моря разбивались об их границы. Он едва надеялся, что подобное везение будет длиться вечно.

Кэрролл трудился изо всех сил, чтобы завоевать друзей среди соседей. Он предлагал деньги за урожай по довоенным ценам. Это предложение отвергли все крупные землевладельцы. Он нашел нескольких покупателей среди прежних издольщиков и более мелких фермеров, не владевших рабами. У некоторых из его должников дела пошли так хорошо, что те купили лишние акры земли на прибыль с первых урожаев. Некоторые из продавцов были теми же набобами, которые отказались от помощи Дэна. Чаще всего эти владельцы предпочитали продать необработанные четверти земельных участков, хотя им было трудно признаться, что они потерпели неудачу тогда, когда Рина достигла успеха.

Округ с ожесточенным напряжением следил за Селби Холлом. Все отметили, что брат профинансировал Рину в год поражения Юга, так что никто открыто не осуждал ее удачу. Ее

также не осуждали и за то, что она поделилась хлопкоочистительным заводом с майором Кэроллом. Он прилежно платит по самым высоким ставкам: соседи Рины признавали, что она поступила правильно, запросив высокую плату. Все изменится, когда Гамильтоны и Бьюэлли узнают, что майор решил открыто ухаживать за ней. Соседи пока еще не смирились с мыслью, что Лорена стала вдовой. Возможно, они никогда с этим не примирятся. Брэд Селби все еще слыл легендой, будь он жив или мертв.

Дэн не затрагивал личные дела во время вчерашнего совещания с братом Лорены. Во время редких посещений Селби он с железной волей подавлял чувства, но все же установил предел, когда должно иссякнуть его терпение.

Годы, прожитые в Четырех кедрах, были долгими и одинокими: он заслужил право строить планы. Когда угроза Клана будет ликвидирована, горечь немного смягчится. Неужели нет надежды на то, что округ примирится с союзом имен Селби и Кэролл?

Что же касается самой Рины, то инстинкт подсказывал Дэну, что она не сможет вечно пребывать в неопределенном состоянии и ее сердце, вопреки упрямству, готово принять его. Видно, он должен отложить формальное предложение руки до тех пор, пока не будет решен вопрос с Кланом. За это время Дэн мог бы, по крайней мере, заставить Рину признать, что ее муж мертв. После того, как она преодолет это мысленное препятствие, остальное должно произойти само собой.

С помощью друзей в Мехико Дэн пристально следил за тем, чем там занимается Брэд. Герой мятежников стал подстрекателем в партии войны, сторонники которой втерлись в доверие к Максимилиану и нашли путь к его двору. Получив вне очереди звание полковника в армии императора, он храбро дрался против повстанческих сил Хуареса, когда этот крестьянский вождь пригрозил смести эту опереточную империю. В конце концов, Брэд погиб в бою при Кордове.

Дошли и некоторые подробности. С уважением к нему рассказывали, что Брэд храбро сражался во время обороны фермы, стоявшей на перекрестке дорог. Когда погибли его офицеры, он почти в одиночку отразил последнюю атаку, но тут удачный выстрел сразил его. Даже после этого нападавшие боялись подходить до тех пор, пока не удалось поджечь дом фермы. Только когда зажигательные бомбы уничтожили стены, противник бросился к дому. Мертвых и умирающих вытаскивали из обугленного редута. Некоторые тела уже обгорели, но различительные знаки командира безошибочно опознали.

Десять дней назад прибыло ожидаемое Дэном официальное сообщение из Вашингтона: гибель Брэда стала частью истории. Максимилиан был мертв, и некоторое подобие отношений начинало устанавливаться с новым правительством... этого хватало, чтобы начали просачиваться донесения... Дипломатической почтой пришло свидетельство о смерти некоего Брэдфилда Селби, *extranjero*^[18], добровольца императорской кавалерии и, если верить приказу о благодарности, доблестного воина.

Дэн вспоминал, что череда событий оказалась простой, яркой и типичной для этого человека. Проиграв одну войну, Брэд запросто отправился на другую, еще более безнадежную. Задолго до его прибытия ко двору Максимилиана, офицеры Конфедерации поняли, что из этого места невозможно вести свою тщетную борьбу. Зажатый в тисках собственных бед, император, звезда которого уже угасала, встретил их красивыми словами, предложил убежище... и на этом все закончилось. Пока тянулось время, прежние мятежники разбежались кто куда. Некоторые пытались взяться за поиски золота или заняться фермерским хозяйством. Другие, наподобие Брэда, служили императору, пока их звезды

тоже не угасли.

Брэда постиг заслуженный конец, венчавший странную заключительную часть длинной и нестройной симфонии, именуемой гражданской войной, или войной между штатами, в зависимости от вкуса историка. На Юге сегодня пока еще тлеет мятеж, шла иная война, в которой победу не одержать штыками, но и не обойтись без них... Кэролл отвлекся от этих мыслей, когда Квент наклонился в седле, чтобы обратиться к нему.

— Дэн, когда сыграем свадьбу? Мне следовало спросить раньше.

Теперь, когда этот вопрос прозвучал открыто, Дэн обнаружил, что воспринял его как должное.

— Это зависит от вашей сестры.

— Только не говорите, что вы не просили ее об этом.

— Я предвидел, что мы объединимся, когда купил Четыре кедра. В то время она и слушать не захотела. Ее муж был все еще жив и уже приближался к Мексике.

Квент раздумывал над этим ответом, пока они приближались к въезду в Гамильтон Хандред, паре готических воротных столбов, скрытых среди плюща, что придавало этому portalу вид мистического храма. Ворота уцелели после вторжения армии Шермана и скрывали, какое разорение открывается за ними.

— Наверно, Лорена получила известие о смерти Брэда.

— На прошлой неделе я отправил ей копию донесения.

— Почему вы не вручили его лично?

— Я подумал, что будет неразумно вмешиваться в ее личные дела. Братья-офицеры написали о смерти Брэда из Мехико почти год назад, но она ни словом не обмолвилась, что знает эту новость. О тех письмах я узнал лишь случайно.

Поразительно красивые губы Квента искривились в мрачной ухмылке, ставшей, как догадался Кэролл, его отличительной чертой. Это была улыбка врожденного сатира, понимавшего, что кому нужно и кто под какой маской скрывает свои цели.

— Вы не слишком пылкий ухажер, мой друг.

Настала очередь Дэна улыбнуться. Он сообразил, что один старый секрет в Селби хорошо охраняется.

— Ваша сестра очень хорошо знает о моей привязанности, — ответил он. — За прошедшие три года я ей не раз доказывал это.

— Это верно. На мой взгляд, вы святой. Но я не поверю, что даже святой станет ждать вечно.

Дэн не сразу решил ответить, хотя и знал, что Квенту можно доверять.

— Вчера Лорена прислала своего надсмотрщика в Четыре кедра с чеком на семьдесят тысяч долларов. Так она вернула деньги, которые я ей дал в 1865 году, вместе с обычными процентами, взимаемыми мошенниками в Джорджии. Я разорвал чек, положил кусочки в другой конверт и вернул их с запиской, в которой сообщил, что нанесу ей визит сегодня днем и все объясню.

Квент тихо рассмеялся.

— Я начинаю понимать ход ваших мыслей. Видно, меня сам Бог прислал.

— Значит, вы выступите в мою защиту?

— С удовольствием, если вы думаете, что это поможет.

— Надеюсь, я заслужил вашу поддержку.

— Дэн, можно сказать и так. Этот чек служил Лорене символом. Подтвердив, что

способна расплатиться с последними долгами Селби, она также заявила, что является свободной женщиной. Предписанное время для траура истекло; она избавилась от тени Брэда и юридически доказала свой статус вдовы. На вашем месте я бы ковал железо, пока горячо. — Квент спешил в тени воротных столбов Гамильтона. — Я уже сказал, что поддержу вас сразу после того, как нанесу этот визит полковнику.

— Я тоже собирался нанести ему визит.

— Позвольте мне войти первому и подождите на портике. Тогда вы узнаете немало интересного.

Квент привязал коня к молодому деревцу, пустившему корни в стене заброшенного домика привратника. Дэн последовал его примеру. Оба всадника пешком подходили к развалинам Гамильтон Хандред, причем человек в синей армейской униформе шел чуть позади спутника в костюме для верховой езды.

Этот дом, как живо помнил Дэн, был большей частью опустошен пожаром, возникшим после того, как его хозяин четыре года назад отказался сдаться и открыл огонь. Осыпавшиеся стены, обвитые покрывалом дикого винограда, все еще мрачно тянулись к дождливому небу. Гамильтоны жили в той части дома, которая не подверглась уничтожению — в восточном крыле, которое пощадил огонь. Там остались библиотека полковника и его рабочий кабинет, где находились книги по правовым вопросам. Забавно, что практически уцелела именно эта часть когда-то великолепного особняка. На высоких застекленных полках все еще стояли классические книги в переплетах из телячьей кожи и сафьяна. Бюсты поэтов смотрели вниз из ниш в стенах цвета слоновой кости, а портреты Гамильтона и его жены стояли на каминных полках. Лампа над рабочим столом освещала небольшой кабинет в последние дневные часы пасмурного дня.

Все это Кэрролл заметил, пока шел за Квентом под навес портика. На их пути было то, что пламя не уничтожило. Здесь из досок кипариса соорудили пристройку, чтобы частично отгородить уцелевшую часть дома и получить дополнительную жилую площадь. Покатая крыша была грубо обшита гонтом, но все же она служила хоть каким-то укрытием. Поскольку Гамильтоны слишком обеднели, чтобы покрасить все это, и в то же время были слишком горды, чтобы просто побелить, временная пристройка к их жилищу обрела серо-зеленый налет, похожий на мох. Пристройка казалась естественным продолжением руин особняка, считавшегося когда-то достопримечательностью Джорджии, и, словно хижину пастуха, ее можно было принять за часть руин замка Греции, к которым она прилепилась.

— У полковника гости, — заметил Квент. — Посмотрите на конный двор.

Дэн кивнул. Он узнал повозку и рабочую лошадь, которая в упряжке щипала траву.

— Это повозка Сала, — сказал он. — Лошадь принадлежит Люку Джексону. Я слышал, что они сегодня собирались приехать сюда, чтобы оформить договор о продаже четвертой части земли.

— Конечно той, которая прилегает к Селби, — сказал Квент. Он нахмурился и шагнул вперед. — За последнее время Лорена совершила ряд удачных покупок.

Высокие окна, большинство из которых все еще оставалось без стекол, открывали перед необъявленными посетителями отличный вид. В кабинете полковника лампа горела не просто так: Сал сидел за столом со сводом законов и внимательно заполнял лежавший перед ним документ. Он закрыл дверь, чтобы избавить полковника от необходимости смотреть на его работу.

Полковник сидел в кресле библиотеки с каменным выражением лица, одетый в свое

лучшее тонкое сукно. Люк Джексон нервно расхаживал перед полками, делая вид, будто выборочно рассматривает стоявшие на них тома. Когда владелец Гамильтон Хандред заговорил, его голос отчетливо долетел до портика. Дэн сообразил, что у них не осталось иного выбора, как подслушивать.

— Не суетись, Люк, — говорил полковник. — Я вполне смирился. Беднякам не приходится выбирать.

— Нет нужды говорить таким тоном, сэр. Сал зашевелится быстрее, если сказать ему, что вы входите в Кла...

— Только не это, Джексон! — Гамильтон заорал словно на плацу. — Тебе даже не положено знать об этом — ты не забыл?

— Как вам угодно, сэр. Но вы оказали мне честь, что пригласили сюда. Даже по столь безрадостному поводу.

Услышав этот комплимент, полковник выпятил грудь. Без угрызений совести, подслушивая у разбитого окна, Дэн обрадовался тому, что не поторопился войти. Было бы совершенно бесполезно обращаться к Гамильтону после того, как он признал, что связан с ночными всадниками.

— Я поклялся никогда больше не общаться с Лореной Селби, — говорил полковник. — Теперь я нарушил свою клятву и после долгого молчания обратился к ее надсмотрщику за помощью. Джексон, я без особого удовольствия признаюсь в этом.

— Сэр, не сердитесь на нас за то, что мы располагаем деньгами. — В голосе Люка все еще звучали уважительные нотки, но подслушивавший у окна понимал, что тот говорит серьезно. — Как вы знаете, именно деньги Квентина Роули спасли миссис Селби в 1865 году. Она с тех пор расходует их наилучшим образом.

— Джексон, вы следуете верным принципам. Почему вы остаетесь там?

— На то у меня есть свои причины, полковник.

— Думаю, ваша преданность делает вам честь, — сказал Гамильтон. — Однако это не может привести ни к чему хорошему. Как вы можете работать рядом с негром? — Он вскочил на ноги, охваченный неожиданным гневом. — Верно ли, что он занимает высокое положение на вашей плантации?

— Всем пока заведует миссис Селби. А я остаюсь у нее надзирателем.

— Но Саладин сбывает хлопок и дает взятки?

— Нет, полковник. Сейчас взятками занимается ее брат.

— Вот и наступил повод войти, — шепнул Квентин. — Дэн, оставайтесь здесь. — Он прошел в дом с жизнерадостным видом человека, который только что услышал, что произнесли его имя. — Полковник, извините за вторжение, — произнес он и протянул руку.

Гамильтон, расхаживавший по ковру с поднятой в молчаливом проклятии рукой, застыл на месте, но Дэн заметил, что он не слишком удивился неожиданному визиту. Конечно же он слышал новость о приезде Квентина, да еще и о том, что тот прошлую ночь гостил в Четырех кедрах. После некоторого колебания он взял протянутую руку гостя.

— Я не осуждаю людей за их спиной, мистер Роули, — холодно сказал он. — Поэтому я повторяю — ваше прибытие в Джорджию не предвещает ничего хорошего.

Квент пропустил эти слова мимо ушей.

— Всегда приятно слышать, когда говорят откровенно. Пожалуйста, всегда поступайте так. Почему вас должно беспокоить то обстоятельство, что Лорена богатая женщина?

— Я не завидую успеху Лорены. Как жена героя, она этого заслуживает. Ей необходимо

достойно вырастить его сына. Но я не могу одобрить ее поступки.

— Где бы вы, землевладельцы Джорджии, оказались без помощи из Селби?

— Должен признаться, мы вынуждены принимать ее ссуды. Я все же называю методы вашей сестры нечестными.

— Вы предпочли бы получать деньги из Атланты и платить в три раза больше по процентам, чем берет она?

— Мистер Роули, это оскорбительный вопрос.

— Тогда перестаньте оскорблять Лорену. Она скупала земли, когда их владельцы, вроде вас, голодали. И продавала их обратно по той же цене, когда у владельца появлялись деньги. Вы же не можете одной рукой брать у нее деньги, а другой показывать кулак.

— Сэр, у меня остался лишь один кулак. Пока я дышу, я буду защищать им Конфедерацию.

— Как в ноябре 1864 года?

— Все время, если потребуется.

— Вы обязательно будете искать повод, чтобы угрожать моей сестре?

— Мистер Роули, ваша сестра носит гордое имя уроженки Джорджии. Ради ее сына я молюсь, чтобы она и впредь оставалась достойной этого имени. Но я резко осуждаю ее нынешние методы.

Голоса спорящих затихли: из кабинета тихо вошел Сал. Подслушивавший с портика увидел, что негр ведет себя безупречно: по его серьезному виду нельзя было определить, слышал ли он эту перепалку. Поклонившись трем белым мужчинам, он развернул договор с красной печатью на низеньком столике, находившемся рядом с Гамильтоном.

— Полковник, извините, что заставил вас ждать, — сказал он. — Миссис Селби настаивает, чтобы во всех договорах о покупке земли значился пункт о возможном выкупе в будущем. Вот что меня задержало. — При этих словах он протянул ручку и карманную чернильницу. — Если вы распишетесь рядом с печатью...

Гамильтон, лицо которого стало бордовым, отмахнулся от такого предложения.

— Держишь подальше. У меня есть своя ручка.

— Как вам угодно, сэр.

Никто не шевельнулся, пока герой Шило нацарапал свою подпись на документе. Сал положил экземпляр новой владелицы земли в карман и отвесил глубокий поклон. Только наблюдавший у окна видел на губах Сала нечто похожее на печальную улыбку, когда он собрался уходить. В этой улыбке не было ничего злобного — лишь некоторое сожаление.

— Большое спасибо, полковник, — сказал он. — Мастер Люк, я подожду в повозке.

Он вышел с тем же непринужденным достоинством. Проходя мимо Дэна на портике, он кивнул ему, но не сказал ни слова. Мгновение спустя он пересек конный двор, устроился на сиденье повозки и стал терпеливо ждать, втянув голову в плечи, когда свинцовое небо снова разразилось дождем.

В библиотеке полковник Гамильтон все еще дулся, сидя в кресле и забыв о лежавшем на столике договоре. Квент подошел к двери, будто собираясь уходить, затем прислонился к ней. Его глаза смотрели бесстрастно. Люк, неподвижно стоявший в тени, словно задумчивый бык, робко вышел вперед.

— Сэр, не принимайте это слишком близко к сердцу...

— Дело сделано, — ответил Гамильтон. — У меня нет желания обсуждать его.

— Это лишь четвертая часть и мы заплатили вам самую высокую цену. Большая часть

этой земли пригодна лишь для охоты на лис.

— Джексон, эта четвертая часть составляет половину моих нынешних владений.

— Мы продадим ее вам, когда вы соберете следующий урожай.

— Как же я выращу урожай без своих рабов? — Полковник погрозил кулаком в сторону двери, через которую только что вышел Сал. — Я никогда не стану нанимать у *него* рабочих.

— Я не виню вас за это, сэр. Но...

— С важным видом расхаживает в готовой одежде, словно индийский набоб! Живет в своем доме в Форксе, словно аристократ, вместе с женой и двумя негритенками. Мы дышим воздухом, в котором витает запах чернил, оставшихся на его большом пальце. Джексон, что станет с нами?

— Мы вернем себе эту землю, — успокоил его Люк. — И наступит день, когда вы продадите урожай на своих условиях.

Гамильтон выпрямился в своем кресле.

— Вы разделяете это мнение, Роули?

Взгляд Квента блуждал где-то далеко.

— Извините, полковник. Я занятой человек, мне некогда строить воздушные замки. Вам с Салом обязательно когда-то придется вместе заниматься делом или же янки купят вас обоих. Другого пути нет.

— Я не стану просить вас покинуть мой дом. Вы все же шурин Брэда Селби, упокой, Господи, его душу. Я пожелаю вам всего хорошего. Теперь нет сомнений, на чьей вы стороне.

— Сейчас осталась всего одна сторона.

Сказав это, Роули хлопнул дверью: старый вояка растворился в том темном месте, где сходились дом и пристройка. Все еще стоя на портике, Дэн покачал головой, словно не веря тому, что услышал. «Самонадеянность нужна ему, чтобы жить, — подумал он. — Признай полковник, что Квент прав, и он стал бы совсем другим человеком».

Еще в дверях Квент серьезно кивнул Дэну. Он снова обратился к наблюдателю, хотя слова были адресованы Люку.

— Не дайте Гамильтону обманывать себя, — сказал он. — Сал для него лишь козел отпущения. Я — главный злодей и объясню вам, почему так получилось. Как южанину с хорошей репутацией, мне следовало позволить Селби погибнуть вместе с другими плантациями. Тогда Гамильтоны сегодня могли бы выражать сожаления моей сестре, а не завидовать ей.

— Мистер Роули, здесь вы, наверно, правы, — ответил надсмотрщик. — Но все же ей не следовало платить неграм зарплату.

— Нет. — Возразил Квент. — Она вполне могла бы голодать вместе с леди Гамильтон и остальными. Затем продала бы свою землю, чтобы сыграть роль мученицы. Вместо этого она честно извлекла прибыль, невзирая на то, что я давал взятки, чтобы сбыть ее хлопок. Стоит ли удивляться, что полковник ненавидит ее.

— Все же это нехорошо, мистер Роули, — заключил надсмотрщик.

— Люк, сейчас неподходящая погода, чтобы выказывать гордость. Пока мы не вышвырнем этих негодяев, нам придется покупать и продавать на условиях янки или же разориться.

— Клан думает иначе.

— Конечно, если в нем под ночными рубашками прячутся люди вроде Гамильтона.

Люк приблизился к нему. Его голос перешел на хриплый угодливый шепот.

— Мистер Роули, уговорите ее выгнать Сала. Уговорите ее нанять белых людей в качестве работников, пока не поздно.

Он натянул свою фетровую шляпу до ушей и вышел под дождь. Дэн вовремя успел спрятаться за углом портика: у него сейчас не было желания встречаться с надсмотрщиком. Через мгновение к нему вышел Квент. Они стояли на прогнивших досках пола и наблюдали, как Люк вместе с Салом уезжают.

— Салу нужен телохранитель, — заметил Дэн. — Но если я приставлю к нему хотя бы одного, то сделаю еще хуже.

— Люк не даст его в обиду. До тех пор, пока сам работает на Лорену.

— Люк не может служить обоим — Клану и Селби.

— Это верно, Дэн. Служить двум господам тяжело. Особенно человеку с озлобленным сердцем и ограниченным умом. Может, Лорене следует уволить его.

— Я думаю, — сказал Кэролл, — что она держит его лишь по одной причине. Он точно вовремя предупредит ее, если Клан задумает нанести удар по Селби Холлу.

Квент кивнул и оба пошли в сторону ворот. Его губы искривила знакомая улыбка.

— Майор, вы сами об этом догадались? Вы становитесь джорджийцем.

Между землями Гамильтонов и Селби дорога, большая часть которой лежала в тени огромных дубов, шла вдоль берега реки. Дэн все еще беседовал с Квентом, когда почувствовал, что его конь испугался и резко остановил животное. Оба всадника оказались как раз за поворотом. На торчавшем суке висело тело мужчины и медленно покачивалось, словно демонстрируя бесконечное терпение смерти.

— Боже милостивый, Дэн! — воскликнул Квент. — Что это? Самосуд?

— Похоже на то. — Опыт военных лет приучил Дэна к таким сценам; он первым пришпорил коня. — Давайте поторопимся! Возможно, он еще жив.

При тусклом свете никто из них не мог разглядеть лица жертвы, но они тут же оказались рядом с ней. Оба коня все еще боялись, и было трудно удержать их на дороге.

— Режьте веревку, — сказал Дэн. — Я поймаю его.

Тело упало на седло, когда Квент карманным ножиком перерезал веревку. Держа обмякшее тело, Дэн спешил к берегу реки. Мимолетный взгляд на сине-черное лицо и высунувшийся язык поведал ему, что этот человек уже давно перестал дышать. Было очевидно, что его палач не пожелал, чтобы тот умер сразу со сломанной шеей, как это бывает при повешении. Петлю завязали умело так, чтобы та затягивалась, пока жертва брыкается, стараясь спасти свою жизнь.

Квент увел обоих коней вверх по дороге и привязал их. Когда он вернулся, Дэн уже перевернул мертвого на спину. К его рубашке был приколот квадратный кусочек белой материи. На нем жирными красными буквами были выведены три буквы «ККК». Под ними значились два слова, почти смытые дождем: «Смерть предателям».

— Вы знаете его? — спросил Квент.

— Это Джек Питерс. Фермер-арендатор на прежних землях Варнеллей.

— Это означает, что он работал на вас.

— Больше года, — ответил Кэролл. — Почти уверен, что он был членом Клана, но я его ни разу об этом не спрашивал. Вчера он пришел ко мне в Четыре кедров и сообщил, что уходит.

— Он тоже оказался осведомителем?

— Нет. У меня есть другие источники информации.

— Наверно, вожак подумал, что он выдал их секреты.

— Всего один конкретный секрет, если я не ошибаюсь. — Кэрролл встал. — Только офицер штаба Клана штата может вынести смертный приговор. Даже полковник Гамильтон не осмелился бы сам привести его в исполнение.

— Значит, этот приговор вынесен на верхах?

— Вот именно. Мне уже сообщили, что местные кукулуксклановцы ждут Орла Клана ^[19] из Атланты. Это *его* рук дело.

— Они предостерегают вас?

Армейский майор хмуро посмотрел на Квента.

— Вряд ли. Они уже должны были понять, что меня так легко не испугать. Думаю, что так они собираются держать в повиновении ночных всадников.

— Сделав их соучастниками убийства. — Квент задумчиво кивнул. — У них это получится?

— Вряд ли, — ответил Кэрролл. — Я живу среди этих людей уже три года. Если мой опыт что-то значит, то такое насилие приведет к обратному результату. У Клана в Округе Крей много членов: я могу вам назвать большинство из них по именам. Однако их никогда не удастся собрать всех вместе. Большинство ночных всадников принадлежит к отбросам общества. Только несколько экстремистов, наподобие полковника Гамильтона, имеют право отдавать приказы. Не думаю, что другие поддержат этот суд линча. Уверен, они в нем не участвовали.

— В таком случае эта казнь может стать для Клана погребальным звоном в этом округе.

— Погребальный звон уже прозвучал, — мрачно сказал Кэрролл. — Я займусь Кланом, раз он показал, что готов к настоящему насилию.

— Где они нанесут следующий удар?

— Скорее всего, в Линкольнвиле. Мы уже месяц ожидаем нападения на него.

— Или в Селби Холле?

Дэн пристально взглянул на Квента и покачал головой.

— Я думаю, что они изберут Линкольнвиле. Конечно, члены Клана ненавидят Лорену, но она все же вдова Брэда Селби. А он здешний герой.

— По крайней мере, сейчас, — сухо заметил Квент.

— Что вы хотите сказать? Разве он не мертв?

— Он точно мертв. Я прибыл на то место через день после того, как сожгли его командный пункт. К сожалению, капитан Брэдфилд Селби умер точно так же, как он жил — без особого уважения к соотечественникам.

— Значит, в его послужном списке появилось пятно?

— Можно сказать и так, — ответил Квент. — Он отправился в Кордову по просьбе императора, везя патент, дающий ему право на некоторые земли, конфискованные у патриотов. К тому же он позднее захотел отнять земли у их законных владельцев. Вот это и растревожило осиное гнездо.

— Вы расскажете об этом Лорене?

— Будет лучше, если расскажете об этом вы.

Кэрролл тут же решительно возразил.

— Я однажды сражался против Селби. Люди для него ничего не значат. Он без всякой нужды пожертвовал целым отрядом, но сражался храбро. Думаю, нам не следует об этом

говорить.

Квент пожал плечами.

— А как мы поступим с Питерсом?

— Буду признателен, если вы останетесь здесь, пока я не пошлю за фургоном. Теперь, когда приказы здесь отдает Орел клана, думаю, у нас работы хватит.

— Вы собираетесь арестовать полковника Гамильтона?

Майор покачал головой.

— Ни одно жюри присяжных не обвинит его, располагая столь незначительными доказательствами. Доктор Янси скажет вам, что человека, у которого нога поражена гангреной, можно спасти, если ампутировать нездоровую конечность. Если мне повезет, то сегодня как раз это произойдет со всем Кланом. Или, по крайней мере, с его отделением в Округе Крей.

Детская в Селби Холле находилась на втором этаже. Она была просторной и соединялась дверью с комнатой Рины.

Стоя рядом с подростковой кроватью, которую она распорядилась доставить, когда трехлетний ребенок достаточно вырос, хозяйка Селби заботливыми руками разгладила стеганое покрывало.

В этой кровати сын не спал уже некоторое время. В августе Энди вместе с няней Матушкой Джо уехал к родственникам в Эшвил, чтобы спастись от летней жары. Им велели оставаться там, пока здесь все не успокоится: Рина ни разу не пожалела о таком решении. Она впервые рассталась со своим мальчиком со дня его рождения и сделала это с тяжелым сердцем. Даже сейчас она не могла до конца поверить, что его здесь нет... Проснувшись, она ловила себя на том, что стоит рядом и прислушивается, ожидая, когда он рассмеется. Всякий раз в середине дня, после поездки по своим все разрастающимся владениям, она была уверена, что сын выбежит на лужайку встретить ее. В конце рабочего дня Рина все еще заходила в детскую, хотя та и была пустой.

В уютной белой комнате было тихо. Рина разглядывала находившиеся в ней привычные вещи — огромного коня-качалку, кукольный домик, кроликов и гномов, резвившихся на всех стенах. Она любила это время дня. В детской вспоминалось, что жизнь имеет смысл, можно было снова обрести безмятежное настроение, ускользавшее от нее в часы работы.

Рина подошла к большому шкафу, где хранилась одежда Энди. Такой осмотр стал для нее ритуалом. Здесь лежал костюм индейца, который она заказала в Нью-Йорке. Фрак из Атланты на третий день рождения. Униформа солдата Конфедерации, которую она после долгих колебаний приняла от того же портного. На туалетном столике она привела в порядок щетки сына с посеребренными спинками и взглянула на выстроившиеся в ряд фотографии. Энди на них был запечатлен малышом. Его первый выход на портик с Матушкой Джо на заднем фоне. Его первый выезд на дамском седле матери... Наконец фотография в отдельной рамке, на которой Энди сняли в прошедший день рождения. Рина разглядывала эту фотографию последней. Она с восторгом уже сотый раз отмечала, что красивые глаза мальчика становились темнее, а подбородок обретает мужественный вид.

Мальчик все еще оставался ее точной копией. Иногда было трудно признать, что часть этого мальчика унаследована от Дэна Кэролла. С каждым прошедшим днем становилось ясно, что ей не удастся надолго отложить признание этого факта.

Когда Рина отослала надсмотрщика с чеком в Четыре кедра, она не сомневалась, что Дэн вернет его: попытка расплатиться по счету трехлетней давности стала своеобразной проверкой. Дело не в том, что Рина не стала бы винить Дэниела, если бы тот взял деньги и отвернулся бы от Селби Холла — она просто надеялась и молила Бога, чтобы он понял причину ее длительной нерешительности. И так, оказавшись меж враждебных сил, она боялась сделать шаг, который скомпрометировал бы ее.

Год назад у нее от облегчения чуть не закружилась голова, когда друзья из Мексики написали, что Брэд мертв, но ощущение свободы длилось недолго. Любим или нелюбим, муж умер героем. Принципы повелевали ей оплакивать смерть мужа — в Округе Крей траур полагалось носить не меньше одного года. Весь этот год, пока Джорджия жила под растущей угрозой Ку-клукс-клана, она не осмеливалась выразить подлинных чувств. Сможет ли она

пойти на это сегодня, когда Дэн нанесет обещанный визит и попросит ее руки?

Не зная, что ответить на этот вопрос, она прошла к одному из мансардных окон, чтобы взглянуть на подъездную дорогу.

С приближением вечера дождь притих, и ее девственные дубы озаряло слабеющее солнце заката. Лужайки по обе стороны только что подметенной дороги стали бархатисто гладкими. Позади крыльев дома сверкали недавно выкрашенные рабочие здания: в плотницкой мастерской от наковальни взлетали снопы искр. Там Кастор и Поллукс чинили сломанную цепь упряжки. В Селби снова царил полный порядок, дела на плантации процветали как никогда раньше. За это она могла благодарить свой решительный характер и свое неиссякающее трудолюбие.

Конечно, сосед из Четырех кедров оказывал ей всяческую помощь, не говоря уже об умелом деловом содействии Квента Роули... Вспомнив брата, она обрадовалась, заметив, что тот въезжает через ворота верхом на коне из конюшни Четырех кедров. Квент опустил голову в задумчивости — непривычная для него поза. Он даже не поднял голову, когда спешился у портика.

Рина знала, что прошлую ночь он провел у майора Кэролла, чтобы обсудить дела, которые обоим принесут выгоду. Ей очень хотелось узнать, не зашел ли разговор о более личных вопросах, и она решила, что так оно и было. Рина думала, что ее брату не мог не нравиться Дэниел. Несмотря на то, что окружающая среда у каждого была разной, оба они были джентльменами. К тому же оба желали ей добра.

Когда Рина спустилась по лестнице, мальчик-слуга уже нес сумку Квента в его апартаменты. Сам Квент уже стоял в первой гостиной с рюмкой в руке, повернувшись спиной к камину. Он чувствовал себя как дома, беседуя с Дядей Доком, и грозно поднял палец, чтобы придать своей мысли вес.

Врач плантации, развалившись в самом глубоком из новых кресел Рины, с трудом встал при ее появлении. За последний год его походка стала тяжелее, была заметна усталость. Она частенько перед обедом заставляла его дремлющим в этом же кресле.

— Квент, перестань ругать нашего друга Гамильтона, — говорил он. — Поздоровайся со своей сестрой так, как она того заслуживает.

Квент протянул руки к Рине и полудружески, полусуто поцеловал ее, как это было заведено еще с детства.

— Как в эти дни поживает моя любимая родственница?

— Устала, но дела процветают, — ответила она и положила подушечку рядом с Дядей Доком.

— Я не спрашиваю о твоём благополучии, — сказал брат. — А где ты приобрела такой гарнитур для гостиной?

— На аукционе в Лондоне. Мои агенты предложили за него самую высокую цену.

— Я так и подумал, что это настоящий «чиппендейл»^[20].

— Верно, Квент.

— И во сколько он обошелся?

— Довольно дорого. Меня не обманули.

— Лорена, ты думаешь, что уместно такое выставление на показ своего богатства?

— Я хочу, чтобы этот дом выглядел как можно лучше, поскольку Энди уже достаточно взрослый и все замечает. Никто из его предков здесь не испытывал нужду. Пусть ему живется так же.

Рина видела, что брат пристально смотрит на нее, пока она говорила, и думала, догадался ли его острый ум о том, кто является подлинным отцом Энди. Хотя ей было все равно, что думает Квент... Она продолжала говорить тем же ровным голосом, описывая последние успехи мальчика и объясняя, почему она отослала его к родственникам.

— Эшвил, говоришь? — спросил Квент. — Ты все приукрашиваешь. Разве ты тоже не заслужила отдых?

Она посмотрела ему прямо в глаза. Важно, чтобы он понял, что она никогда раньше не была так смела.

— Сейчас я не могу уехать. Особенно когда кругом полно бандитов в ночных рубашках.

— Ты ведь только что сказала, что именно поэтому мальчик живет в Эшвиле. Так почему же ты не боишься?

— У меня нет причин, когда рядом Дядя Док.

Тут заговорил Янси, сидевший в кресле.

— Дядя Док — старая собака, оставшаяся без зубов. Лорена, здесь нужен настоящий мужчина.

— Только не говорите мне, что Клан спалит дом героя Джорджии.

Рина не хотела говорить с такой горечью, но даже сегодня стоило ей только воскресить образ Брэда, как ее охватил гнев. Какое-то время она лишь слушала разговор двух мужчин. Рина помнила, как у нее от радости закружилась голова, когда она узнала, что стала вдовой и больше не надо повиноваться приказам ни одного мужчины...

— Только не думай, что следующая вылазка Клана обойдет тебя стороной, — предупредил Квент. — Им ничего не стоит решить, что настало время проучить вдову героя.

— Я способна защитить себя.

— Не от трусов, которые поджигают и бегут. Подумай о том, как обрести постоянную защиту. Выходи замуж за майора Кэролла.

— Ты теперь печешься об его интересах?

— Лорена, он хороший человек. В эти страшные времена таких людей с огнем не сыщешь.

— Ты просишь меня выйти замуж за янки?

— «Янки» — глупое слово. «Мятежник» тоже. Пора забыть эти слова.

— Квент, Юг изнемогает от янки. Причем сейчас ничуть не меньше, чем во время войны.

— Майор Кэролл к этому не имеет никакого отношения. Как командующий войском он вел себя справедливо. Не его вина, что столь многие из вашего круга отвергли его помощь. Разве ты не можешь подать пример?

— Я хотела отдать ему долг. Он вернул мой чек. Что я еще могу сделать?

— Называй его, как хочешь, но Дэн Кэролл стал плантатором из-за тебя. Уже два года ночью и днем он патрулирует границы твоих владений, чтобы отвадить Клан. Все это время он ждал, что ты заметишь его, а ты продолжаешь отдавать почести недостойному мужу. Распутнику, который, слава богу, теперь нашел покой в Мексике.

— Тебе обязательно надо плохо отзываться о мертвых?

Янси спокойно вступил в разговор.

— Лорена, Селби стал твоим задолго до того, как Брэд покинул тебя. На твоем месте я бы порадовался свободе. Но также я бы напомнил себе известную истину: плохо мужчине жить одному и много хуже — женщине.

— Дядя Док, ты и так довольно приличный лекарь, — сказала она. — Только не берись еще и за телепатию.

Янси тихо рассмеялся и подмигнул Квентину.

— Думаю, она уже сдается, — заметил он.

— И как раз вовремя, — добавил брат Лорены. — Дэн уже едет сюда. Ей лучше встретится с ним наедине.

— Ну что, девочка? Не пора ли нам с Квентом заняться своими делами?

Рина не обратила внимания на это поддразнивание и осталась на месте у камина. Тепло ей не помешало, ибо она почувствовала странный холод в кончиках пальцев.

— Вот что я вам обоим скажу, — заговорила она. — Я решу свое будущее без помощи сватов. И если Дэн сегодня вечером начнет за мной ухаживать, то компаньоны мне не понадобятся.

— Вы правы, Дядя Док, — сказал Квент. — Она определенно сдается. Пойдемте, вы можете мне выложить вещи. В моей переметной суме вас ждет подарок.

Стоя под аркой фойе, Дядя Док поднял руку, благославляя Рину, и пошел за Квентом. Рина безмолвной улыбкой поблагодарила его за этот жест. Она заметила, что день снова помрачнел и скрыл закат солнца. Настала пора зажигать лампы и распорядиться насчет ужина. Но она продолжала неподвижно сидеть, совсем забыв об этом, и пыталась хоть немного взять себя в руки.

Рина заявила, что сама решит свое будущее без посторонней помощи. Почему она не могла вести себя более холодно, сдержанно, пока ждала визита единственного человека, который мог бы обеспечить это будущее?

Холодок от предчувствия дурного не покидал ее, когда в дверях кабинета возник Сал с какими-то бумагами в руках. Она узнала договор о передаче четверти земли Гамильтон Хандред.

— Мадам, теперь она вся ваша.

— До тех пор, пока полковник не выкупит ее.

— Полковник Гамильтон больше ничего не выкупит. Ему теперь осталось лишь продавать свои медали.

— Сал, на твоем месте я бы оставила эту мысль при себе.

— Мисс Рина, пусть это вас не волнует. Перед белыми людьми я вслух думаю только в этой комнате. — Их глаза встретились, и она по его губам прочитала безмолвный вопрос. Рина знала, что он никогда не произнесет его: она хорошо подготовила его к этому. — Я проверил счет вашего брокера из Мобила, — сказал он, непринужденно переходя к делам. — Хотите взглянуть на него сейчас?

— Сал, завтра успеем. Я не упрекаю тебя за то, что ты надеешься, будто я выйду замуж за майора Кэролла.

— Мадам, весь Линкольнвиль надеется на это.

— Кстати, о Линкольнвиле, тебе лучше возвращаться туда. После наступления темноты на дороге небезопасно, даже если там ходят патрули.

— Мисс Рина, меня сопровождает собственный патруль. Пятьдесят работников сейчас ждут у конюшни. Я сказал им, что сегодня буду работать допоздна.

— Я бы чувствовала себя лучше, если бы ты привел сюда Флорри с детьми. Хотя бы до тех пор, пока Клан и армия не выяснят отношения.

— Мадам, в Форксе у нас крепкие ставни. Закрыв их, мы спим крепко.

— Жаль, что я не могу сказать то же самое.

— Когда настанет завтра, мисс Рина, надеюсь, вы сможете сказать то же самое.

Он ушел своей кошачьей, еле слышимой размеренной походкой, которая все еще тревожила ее. Она догадалась, почему он так спешно ушел, когда зажгла первую лампу и заметила, что Люк торчит на ступенях портика, ожидая ухода Сала. С годами оба хорошо сработались, но Люк отказывался идти юному негру навстречу. Обоих объединяла бескорыстная преданность Селби Холлу, и они превратились в союзников, которые никогда не станут друзьями. До сего дня надсмотрщик отказывался входить в Большой Дом, когда здесь находился начальник по трудовым ресурсам.

— Можно поговорить с вами наедине? — спросил он.

— Разумеется, Люк.

«Ты последний, — подумала Рина. — Когда ты мне выложишь, что творится в твоей несообразительной голове, я смогу принять собственное решение». Не то чтобы она была недовольна этим непрошеным визитом. Как бы путаны ни были мотивы Люка, тот служил ей долго и верно. Его взгляды, в чем она с сожалением убедилась, верно, словно эхо, отражали настроение этой округи.

— Мадам, явился майор. Он на складе считает свои тюки.

— Знаю, Люк. Я просила его зайти. Надеюсь, ты сказал, что он здесь желанный гость.

— Миссис Селби, я еще покажу ему, что к чему.

Рина улыбнулась, смотря в его лошадиные глаза.

— Люк, разве леди не имеет права выбирать себе друзей?

— Только не вдова капитана Селби.

— Майор имеет все основания нанести визит. Он нам хорошо заплатил за то, что мы уложили его хлопок в тюки.

— Почему бы ему не отвезти свои транспортные накладные на железную дорогу, как поступает любой фермер?

— Сегодня он пришел сюда с особой целью. Или точнее, чтобы задать особый вопрос.

— Надеюсь, что я знаю ваш ответ.

— Не пытайся угадать, — спокойно ответила она. — Я сама еще не знаю, каким будет этот ответ.

— Миссис Селби, вы никогда не выйдете за янки. Вы не имеете права.

— Это значит, что у меня на это не хватит духу?

— Именно это я имею в виду, если позволите мне так сказать.

Голос Рины стал жестче.

— Откуда ты набрался этого? От полковника Гамильтона?

— Весь округ так говорит. Вам нельзя продолжать в подобном духе — потакать Салу, как вы это делаете. Платить большие деньги неграм, когда белые голодают...

— Я всем предлагаю работу. Из белых мало кто умеет собирать хлопок. Те, кто остались здесь, отказываются работать у меня.

— Разве можно их за это осуждать?

— Я никого не осуждаю. Людям всегда трудно избавиться от собственных запретов.

— Что такое запрет, мадам?

— В данном случае убеждение, что достоинство человека зависит от цвета его кожи.

— Но это правда. Так говорится в Библии. Вы хотите сказать, что Сал такой же, как и я? Что у него есть те же права?

— Разумеется, но не сегодня.

— Янки разместили армию в Джорджии, чтобы проследить за тем, как негры получают право голоса. Майор утверждает, что этого требует закон.

— Майор Кэрролл согласен, что этот закон неразумен и его стали вводить слишком рано. Нельзя выдернуть аборигена из Африки, эксплуатировать его, словно вьючное животное, и после этого ожидать, что он сразу станет гражданином.

— Они *никогда* не станут гражданами.

— Люк, это мы еще посмотрим. А пока закон действует. И долг майора следить за тем, чтобы он исполнялся.

— Мисс Рина, вы же знаете, что предоставление чернокожим сборщикам хлопка права избирать привело лишь к неприятностям.

— Это верно, — согласилась она. — Так оно и будет, пока их не научат, как следует пользоваться этим правом. Весь Юг расплачивается за эту ошибку. Но если мы сохраним трезвые головы, то нет смысла проливать за это кровь.

— Может, в Округе Крей дела обстоят не так, — мрачно сказал Люк. — Как я уже говорил, большинство людей считают, что вы перешли на сторону врага. Они убедятся в этом, если вы выйдете замуж за майора.

— Люк, он хочет стать нам другом.

— Каким образом? Доказывая, что раб плантации лучше надсмотрщика? — Тон Люка стал умоляющим. — Мадам, я лишь хочу выручить вас из большой беды. Выходя замуж за этого парня, вы дорого заплатите. Клан может даже напасть на Селби. Не могу обещать, что такого не случится.

Это была уже открытая угроза. Рина поняла, что он пришел к ней не ради того, чтобы поговорить о Сале или майоре.

— Люк, как долго ты уже состоишь в Клане?

Она увидела, что этот вопрос застал его врасплох и вынудил перейти к обороне.

— Уже два года.

— Значит, с самого начала?

— Да, миссис Селби, с той минуты, как Клан начал наводить здесь порядок. И только по одной причине — мне хотелось знать, что происходит внутри этой организации. Чтобы можно было предупредить вас, если вы зайдете слишком далеко.

— И ты думаешь, что я сейчас зашла слишком далеко?

Он кивнул, все еще смотря на нее с вызовом.

— Так говорят все.

— Люк, я назову тебе настоящую причину, по которой ты вступил в эту организацию. Тебе надо кого-то ненавидеть, вот почему ты стал членом Клана. Тебе надо кого-то пугать огненными крестами, ночью скакать на коне, сеять смерть во мраке. — Спohватившись, что говорит пронзительным голосом, Рина с трудом взяла себя в руки. — Разве тебе не стыдно скрываться под простыней и мучить невинных людей за то, что у них другой цвет кожи?

— Клан спасает Юг. — Заявив это, надсмотрщик поднял голову.

— Сначала, может, так и было. Сегодня Клан уничтожает то, что он собирался защищать. В конце концов, он погубит сам себя.

— Значит, вы согласны с майором Кэрроллом?

— Конечно согласна. Ты ведь должен понимать, что он полностью контролирует этот округ. Он знает ваших вожаков по именам, включая полковника Гамильтона. И на скале у

реки лагерем расположились триста драгун. Если Клан посмеет напасть на Линкольнвилль или Селби Холл, он уничтожит вас всех.

— Похоже, на этот раз он опоздает.

— Что это означает?

— Мадам, я раскрою вам небольшой секрет. Сюда из штаба Клана штата прибыл Орел Клана вместе с отрядом совершенно новых людей. Он привез секретные приказы, и мы ожидаем, что нам прикажут сегодня выступить. А что если это будет приказ напасть на эту плантацию?

— Большинство членов вашего Клана только об этом и мечтают, — с горечью ответила Рина. — Особенно те, кто мне задолжали.

— Миссис Селби, это не единственная причина. Мне-то вы должны поверить.

— Люк, я верю тебе, — устало ответила она. — И я благодарна тебе за это предупреждение. Сегодня можешь не спать и выполнять приказы Орла своего Клана. Называй себя архангелом, мстящим за позор Юга, если тебе от этого станет легче. Но не теряй времени, пытаясь запугать меня. А утром будь готов выйти на работу.

Когда Люк ушел, Рине казалось, что она уже много часов сидит в тускло освещенной гостиной. Взгляд на часы убедил ее, что она говорила с Люком всего пять минут. Тут Рина услышала, как со склада подъехал Дэн. Она вышла на портик встретить его, чувствуя, как с сердца свалилась большая тяжесть.

— Входите, Дэниел, — пригласила она. — С вашим погрузочным ордером все в порядке?

Дэн улыбнулся ей с нижней ступеньки.

— Разумеется. — Он весьма чопорно поклонился, не рискуя приблизиться. — Я хотел еще раз поблагодарить за то, что вы разрешили мне воспользоваться вашим хлопкоочистительным заводом. Урожай обещает быть рекордным — для нас обоих.

— Можете говорить совершенно свободно, — сказала она, улыбаясь. — Нам не помешают, за нами даже не станут шпионить. Люк только что предостерег меня от встреч с вами, так что его совесть чиста.

Рина внимательно наблюдала за Дэном, когда он переступил через порог, остановился и поднес ее руку к губам, затем подошел к камину согреться. «Ты столь же спокоен, что и я, — вдруг подумала она. — В глубине души ты знаешь, что эта встреча была predetermined».

— Вы прислушаетесь к этому предупреждению, Лорена? — спросил он, глядя на огонь.

— Нет, Дэниел.

— Можно узнать, почему вы решили им пренебречь?

— По самой простой причине — я не способна избавиться от привычки постоять сама за себя.

— В таком случае я рад, что меня считают вашим союзником, — заключил он и взглянул на нее. — Я как раз хочу сделать новое предложение о сотрудничестве.

Зная, что последует, она старалась воспринять все шутливо.

— Новое предложение, Дэниел?

— Не хотите стать хозяйкой Четырех кедров и выйти за меня замуж?

Итак, это предложение наконец-то прозвучало. Она ответила тут же, не подумав. Эти слова она ожидала давно.

— Разве я могу?

— Разве вы можете отказать?

— Я должна вырастить сына на его собственной земле. Как вдова я должна защищать свои права...

— Вы наконец-то признали, что капитан Селби мертв?

— На прошлой неделе в Атланте я подала прошение о получении вдовьей части наследства, чтобы перенять дела плантации. Эти права мне только что предоставили.

— Я не желаю лишить вас этого наследства, — ответил он. — Селби может остаться на ваше имя. Когда мальчик достигнет совершеннолетия, мы распорядимся о том, чтобы он стал наследником. Разве вы не понимаете, что я сделал это предложение ради нас всех?

— Вы и так много сделали.

— Пока я ничего не сделал, если не считать помощи в восстановлении того, что уничтожила война.

— Вы же знаете, я готова вернуть ту ссуду.

— Это не ссуда. Называйте это вкладом в ваше будущее — и в мое тоже.

— Дэниел, Селби не нужна помощь ни одного мужчины. Я это уже доказала.

— Даже сильным нужна любовь, Лорена. И вам больше всех, поскольку ваша большая любовь не встретила взаимности.

— Ваши чувства делают вам честь, Дэниел, — ответила она, придавая своему голосу оттенок горечи. — К сожалению, я циник и дорого заплатила за приобретенный опыт. Если учесть все обстоятельства, то вы вряд ли сможете винить меня за то, что я остерегаюсь новых приключений.

— Что помогало вам выжить здесь до нашей встречи? — спросил он. — Работа, еще раз работа и больше ничего. Приковав свой взгляд к бороздам, вы забыли о звездах.

— Моя путеводная звезда — мой сын. Моя работа принесла вознаграждение. Теперь все Селби принадлежит мне. Пока я не передам его Энди, мне больше и желать нечего.

— Как вы можете довольствоваться такой малостью? Если можете столько дать мне и Югу.

— Почему меня должны касаться беды Юга? — удивилась она.

— Тогда подумайте только о нас. Вы любите меня с того мгновения, как мы встретились. Три года назад вы все отрицали, и я принял эту ложь за чистую монету. Скажите, что это правда, и я оставлю вас в покое.

Рина выслушала эти слова, избегая его взгляда.

— Допустим, что я люблю вас — немножко. Допустим, мне хватит дерзости признаться, что я всегда буду помнить ту бурную ночь, которую мы провели вместе? Разве это избавляет меня от долга перед Энди? От долга перед судьей, от необходимости содержать Селби в надлежащем состоянии?

— Вы не сможете сохранить все так, как было раньше. Сейчас, когда война проиграна и негры стали свободны. Если не считать Селби и Четырех кедров, округ лежит в развалинах и требует восстановления. Если мы объединим усилия, Лорена, то можем стать творцами этого нового дня.

— Каким образом? Ведь мои соседи ненавидят меня, и они никогда не примут вашей помощи.

— Это верно. Но только до тех пор, пока прошлое мешает им здраво мыслить. Однако так долго продолжаться не может. У Юга есть то, в чем нуждается Север. В конце концов, Юг встретится с Севером на равных, как партнеры. Точно так же, как мы должны встретиться.

Когда она заговорила снова, ее голос казался слабым и далеким, словно эхо во сне.

— Не торопите меня, Дэниел. Сын у меня на первом месте.

— *Наш* сын, моя дорогая.

— Его зовут Селби.

— Какое имеет значение, как его зовут? Мы породили его.

Дэн уже держал ее руки в своих: она не помнила, когда он взял их. Ей потребовалось огромное усилие воли, чтобы высвободиться.

— Хорошо, Дэниел. Он также и ваш сын. Но я никогда не смогу признать это.

— Я этого и не прошу. Мальчик будет носить имя Селби: его место здесь. Селби — воплощение его цели. Но в чем воплощение вашей цели, если не во мне?

Голос Дэна отозвался в ее душе огромной неизведанной тоской. Она боялась, что погибнет, если сейчас взглянет на него.

— Спросите меня завтра, — прошептала она. — Возможно, тогда я смогу ответить.

— Я спрошу вас завтра, — пообещал он. — И послезавтра. До тех пор, пока вы не вспомните, что являетесь женщиной.

Когда Лорена осмелилась поднять глаза, ей сначала показалось, будто он ушел. Затем она заметила, что он стоит в самых дальних дверях, недоступных свету лампы.

— Лорена, я сегодня пришел еще по одной причине, — заговорил он. — Почти нет сомнений, что к утру произойдет бой. Если что-нибудь случится, мне хочется, чтобы вы знали, как сильно я вас люблю.

Ей раньше никогда не приходило в голову, что Клан представляет для него угрозу. При этой мысли ее сердце замерло от ужаса. Наконец-то она ясно поняла, почему она испытывала дурные предчувствия, от которых по ее телу пробежал холод.

— Люк предупредил меня, что Клан вполне может напасть на Селби, — сказала она.

— Не думаю. По имеющимся у меня данным целью нападения станет Линкольнвилль.

— Но эти негры там совершенно беззащитны.

— Не совсем, — спокойно ответил он. — Мы будем готовы к нападению.

Она сказала первое, что пришло ей на ум:

— Дэниел, пожалуйста, возвращайтесь.

Когда Дэн снова приблизился к ней, она подумала, что он заключит ее в свои объятия, и знала, что тогда не сможет ничего поделать с собой. Вместо этого он лишь взял край кружевной шали, которая была на ней, и прижал его к своим губам.

— Я вернусь, — шепотом сказал он. — Я обязательно вернусь.

Затем он повернулся и вышел в надвигавшуюся ночь.

Рина выглянула за дверь и хотела было вернуть его, дать ответ на его предложение прямо сейчас, чтобы он ушел уверенным в том, что она любит его. Затем догадалась, что уже призналась в этом и вернулась в дом. Ее глаза наполнились слезами, когда она в фойе прижалась к колонне винтовой лестницы. «*Спустя три года после Анноматтокса*^[21], — думала она, — *ты заключила сепаратный мир. Моли Бога, чтобы он продолжался*».

Огонь в камине гостиной уже тлел, когда Янси спустился по лестнице. Он заметил Рину только тогда, когда та шевельнулась на диване, наполовину скрытом в тени.

— Почему ты не переодеваешься? — спросил он. — Квент нежится в горячей ванне, но он скоро спустится сюда.

— Я сижу здесь и думаю, — ответила она.

— Разве я не видел, как кто-то только что уехал?

Рина улыбнулась и подбросила в камин свежих сосновых веток.

— Старый мошенник, ты хорошо знаешь, что здесь был Дэниел. Спорю, ты следил из верхнего окна.

— Виноват, — признался Дядя Док. — Судя по осанке Дэна, я сказал бы, что он услышал неплохие новости.

— Я обещала в ближайшее время дать ему ответ.

Прежде чем заговорить, Янси внимательно взглянул на Лорену и остался доволен тем, что увидел.

— Будем надеется, ты скажешь Дэну, что любишь его. Узнать это он имеет право.

— Дядя Док, он знает, что я его люблю. Он все время знал это.

— Значит, пока дела идут неплохо. Отдаться ему ты еще успеешь.

— Я уже отдалась ему, — сказала она с бледной улыбкой.

— Ты так поступила в надежде, что он подарит тебе ребенка. Ты проявила чистый эгоизм.

Рина опустила голову, безмолвно соглашаясь с ним.

— Конечно, ты прав, — задумчиво откликнулась она. — Теперь я это понимаю.

— Новая жертва должна быть совсем иного рода, — сказал он. — Если ты выйдешь замуж за Дэна, то придется смириться с положением женщины. И больше не думать о том, чтобы властвовать.

— Дядя Док, я так устала, что с удовольствием отказалась бы от необходимости принимать решения.

— Бездельничать тебе не удастся, — предупредил он. — До тех пор, пока на Юге считают, что все проблемы можно решить силой.

При этих словах она резко подняла голову.

— Дэниел говорил, что сегодня ночью может завязаться бой. Осмелится ли Клан напасть на Линкольнвилль?

Янси снова задумался. Он понимал, что не должен скрывать от нее эту новость, хотя ему не хотелось испортить Рине настроение.

— Квент тоже так считает, — сказал он. — Видно, в штабе Клана в Атланте полагают, что Округ Крей нуждается в большой дозе террора. Они начали с того, что сегодня повесили мужчину у Переправы Брандта.

Рина глубоко вздохнула.

— Почему мне раньше об этом не сказали?

— Брат решил избавить тебя от дурных вестей.

— Кто это был?

— Джед Питерс — один из фермеров-арендаторов Дэна. Он вчера вышел из Клана.

— Это предупреждение Дэну?

— Квент считает, что таким образом руководство Клана в Атланте собирается держать в повиновении местных членов. Они прислали сюда Орла Клана, чтобы навести дисциплину. Если Дэн тут же не нанесет встречный удар, по округу пойдут убийства и поджоги.

— И Селби станет одной из мишеней? — тут же спросила она.

— Такое вполне может случиться, если они расправятся с Линкольнвилем. Для Клана эти два названия взаимно связаны.

— Потому что я нанимаю негров при посредничестве Сала?

— Из-за этого и из-за положения, которое он занимает здесь.

— Если я уволю Сала, это поможет?

— Может быть. Все же ты вдова солдата Конфедерации.

— А что если я все брошу и выйду замуж за Дэниела?

— Во-первых, ты ничего *не бросишь*. Во-вторых, будущее Юга надо решить до того, как он снова распнет себя. Лорена, этот вопрос важнее, чем наши с тобой проблемы. Нам не удастся сохранить рабство под другой вывеской. Оно было обречено с тех пор, как в Питтсбурге родилась сталь и техника вошла... — Спohватившись, что говорит как оракул, Дядя Док осекся. — Некоторые люди все еще закрывают глаза на правду. Скоро им придется смотреть ей в глаза или погибнуть.

— Кровопролития и так было достаточно. К чему еще одно?

— Чтобы проложить дорогу бескровным революциям, которые свершатся потом. Возьмем мою область медицины. Однажды мы найдем настоящее средство от родильной горячки — человек по имени Земмельвейс, живущий в Европе, возможно, уже нашел его. Если избавиться от этой болезни и хирургической пиемии, тогда можно будет спасти больше жизней, чем мы потеряли в эту войну. — Оседлав любимого конька, врач плантации безудержно изливал свою теорию. — Скоро машины будут убирать хлопок и тянуть десятки плугов. При таком повороте рабство не сможет существовать. Если государственные деятели Юга предвидели бы *такую* революцию, то мы бы никогда не встали на путь сепаратизма. К сожалению, было слишком много таких, кто думал подобно старику Гамильтону...

— А Брэд?

— И Брэд тоже, — ответил он. — Спасибо, что прервала мою проповедь.

— Брэд всегда был прирожденным лидером, — задумчиво сказала Рина.

— Да он был таков, к сожалению.

— Если бы он знал, как вести людей по верному пути, то мог бы совершить множество дел.

— С твоей помощью.

— Я хотела помочь ему. Дядя Док, ты это знаешь.

Янси кивнул.

— По крайней мере, у тебя нет причин упрекать себя. С прошлым навсегда покончено. Сейчас ты должна работать на будущее. На свое с Дэном будущее...

Дядя Док так увлекся, что не услышал шагов на лужайке. Он повернулся к застекленным дверям, лишь когда в темноте заметил вспышку зажженной спички. За вспышкой тут же последовал звон разбитого стекла: Янси едва успел вскочить на ноги, как через разбитое окно влетел какой-то предмет — камень, завернутый в бумагу, прокатился между ними и издал металлический звук, ударившись о железную подставку для дров у камина. Хотя Дядя Док испугался, он с радостью заметил, что Рина, уставившись на символы, выведенные на

бумаге крупными буквами, еще не заметила высоких белых силуэтов рядом с портиком и вспышку второй шведской спички, от которой зажегся пропитанный дегтем крест, установленный в ее лучшей цветочной клумбе.

— *Что это?*

Янси увидел, что она, застигнутая врасплох, повела себя как любая напуганная женщина. Это была не та Лорена Селби, которая храбро встречала батальон кавалерии Союза или собственным телом спасала ставший родным дом.

— Судя по визитной карточке, — ответил он, — Клан пришел к нам в гости.

Крест с шипением горел во дворе. Похоже, вокруг него столпилось с десятков мужчин. В одеждах грязновато-белого цвета, ниспадавших до самой земли, и конусообразных головных уборах, эти фигуры, казалось, явились сюда после шабаша ведьм. Понимая, что они не уйдут, пока он не поднимет камень, Дядя Док носком перевернул влетевший снаряд и снял с него бумагу. Он уже видел эти три кроваво-красные буквы «К» на других предупреждениях. На этот раз рядом с ними была нарисована виселица, на которой болталось тело. Под ним печатными буквами было написано:

«ЛОРЕНА СЕЛБИ, НАЙМИТЕ БЕЛЫХ ЛЮДЕЙ ДЛЯ СБОРА ХЛОПКА И ВЫГОН СВОЕГО ЧЕРНОГО БУХГАЛТЕРА, ИНАЧЕ ВЫ ПОЖАЛЕЕТЕ».

Янси прочитал эти слова вслух и придвинулся к Рине. Наблюдавшие за ними с лужайки не должны заметить никакой паники.

— Девочка, не обращай на это внимания, — успокаивал он. — Я отправлю этих негодяев восвояси.

Он старался отгородить ее от того, что творится около портика, но было слишком поздно: горевший крест уже отразился в зеркале над каминной полкой. Янси чувствовал, как Рина наполняется гневом столь явно, будто между ними пробежал электрический разряд.

— Как они посмели зайти так далеко? — крикнула она.

— Это не имеет значения. Оставив предупреждение, они уйдут...

Лорена подошла к двери и распахнула ее.

— *Вы, подлые трусы, убирайтесь с моей земли!* — Выкрикнув эти слова в темноту, она бросилась к каминной полке и схватила один из двух дробовиков, висевших над ней. Затем Рина выбежала на портик и прицелилась в грудь ближайшему куклуксклановцу.

— Девочка, подожди!..

— Ради бога, не стреляйте!

Янси и мужчина под белыми одеждами закричали в одно мгновение. Врач плантации и не пытался встать между дробовиком и целью. Он мрачно улыбнулся, когда другие куклуксклановцы разбежались в темноте кто куда. Когда раздался выстрел, один из них зашатался, но не упал: в последний момент Рина подняла ствол выше цели. Капюшон мужчины, будто отпущенный пружиной, слетел с его головы и обнажил пепельно-бледное лицо полковника Гамильтона. Второй ствол дробовика, как заметил Янси, не выстрелил и герой Шило все еще находился под прицелом.

Рина твердо сказала:

— Если заглянете еще раз, полковник, воспользуйтесь черным ходом. И захватите с собой визитную карточку.

Она бросила в него камнем, да так точно, что тот больно угодил полковнику в плечо.

Затем она бросилась к лужайке, размахивая дробовиком, словно дубинкой. Гамильтон пришел в себя, когда убедился, что остался цел, и бросился со всех ног наутек. Он являл собой чудовищное, почти комичное зрелище, пока бежал, задрав полы одежд.

Янси оказался на лужайке в тот момент, когда один удар приклада дробовика снес крест. Он вовремя подхватил Рину, которая вот-вот была готова упасть в обморок. Не было надобности мешать бегству куклуксклановцев. Цокот копыт на дороге и вспышка факела говорили о том, как быстро те уносили ноги.

Квент встретил Янси в верхнем холле, когда тот нес Рину через дверь спальни.

— Я видел заключительную сцену с балкона, — сказал он. — Лорена кого-нибудь ранила?

— Только достоинство Гамильтона.

— Она ранена?

— Нет. Она скоро придет в себя.

Оба вместе уложили Рину поудобнее на шезлонге. Ее обморок, как и догадался Дядя Док, был лишь естественной реакцией на встречу лицом к лицу с непрошенными гостями. Когда она обратила их в бегство, уже не было надобности носить маску храбрости.

— Квент, останьтесь с ней, — сказал он. — Я проверю, ушли ли «ночные рубашки».

— Если хотите, я могу сходить в разведку.

— Вы лишь заблудитесь в темноте. Скажите Лорене, чтобы она переоделась к ужину, словно ничего не произошло. Уверен, сегодня вечером они нас больше не побеспокоят.

В фойе нижнего этажа Янси разогнал кучку напуганных слуг и зажег фонарь, чтобы взглянуть на розовый сад и дорожку, по которой пришли налетчики. Было видно, что они воспользовались рабочей дорогой плантации, чтобы приблизиться к Большому Дому с севера, а также дорогой вдоль реки, чтобы пересечь низину. Тропы через нее были известны лишь охотникам на енотов. Улепetyвая тем же путем, они избежали столкновения с армейскими патрулями. Для этого требовалась смелость. Тропы шли среди топких мест: только специально подобранные всадники могли невредимыми выйти отсюда.

Вернувшись в гостиную через двери с разбитыми стеклами, Дядя Док был уверен, что враг не вернется, так как не достиг своей цели. Теперь, когда призраки в капюшонах исчезли, он невольно рассмеялся, вспоминая, как спешно уносил ноги Гамильтон. Собираясь в разведку, Янси взял второй дробовик, висевший над каминной полкой. Опустив его на плечо, как это делают охотники, он позволил себе совершить крюк к двери кабинета. Здесь, между книжными полками, Лорена держала погребец: он чувствовал, что заслужил две унции бренди, чтобы согреть свои кости.

Сал не погасил лампу над большим рабочим столом, но остальная часть кабинета погрузилась в темноту. Янси скорее не глазами, а инстинктивно отыскал дорогу к погребец. С годами кабинет судьи потерял свою холодность: теперь он стал настоящей конторой, а не местом уединения ученого... Понимая, что занимается браконьерством, Дядя Док прислонил дробовик к полке и опустился на одно колено, чтобы открыть погребец. Только тогда он почувствовал, что в кабинете есть еще кто-то.

Фигура, вышедшая из тени, слилась со стеной, и показалась белым пятном на фоне книжных полок и принесенных сюда стопок бухгалтерских книг. Когда эта фигура оказалась в свете лампы, возникло впечатление, будто она заполняет всю комнату. Янси мог бы поклясться, что острый капюшон чуть не задевает потолок, когда гость отвесил ему театральный поклон.

Янси схватил дробовик, и стволы не дрогнули, когда он нацелился в грудь этого призрака. Врач ждал опасности со стороны лужайки. Вторжение в Большой Дом было совсем иным делом.

— Сбрось капюшон, или я отправлю тебя к чертям!

Непрошенный гость заговорил высоким фальцетом, видимо, желая исказить свой настоящий голос.

— Не стреляйте, Дядя Док. Я ваш друг.

— Вы преступник. И станете мертвецом, если не выполните мой приказ.

Под капюшоном раздался веселый хохот, скрывавшийся под ним человек заговорил нормальным голосом.

— Положите оружие, старый дурак, и налейте мне выпить. Я снова вернулся домой.

Это был голос Брэда Селби.

Брэд знал, что навсегда запомнит, как у Дяди Дока отвисла челюсть, и с его уст сорвался вздох, напомнивший шум сломанных мехов. Оттолкнув его в сторону и взяв ближайшую бутылку из погребца, Брэд подумал, что мог позволить себе этот взрыв хохота.

Он не один месяц обдумывал возвращение домой до последней мелочи, включая танец смерти вокруг горящего креста и ожидание в кабинете при всех регалиях. Сначала он надеялся, что здесь его застанет Рина, но он не очень расстроился, когда сюда забрел Дядя Док. Ему это мгновение понадобилось, чтобы получить передышку, подумать вслух и кое-что узнать. Быстрое течение событий уже давно не оставляло ему времени трезво обдумать свои действия.

— Пойдем в гостиную, — пригласил он. — В этой комнате воняет рабом с плантации. — Он распахнул боковые окна, и ворвавшийся воздух разметал накладные, которые аккуратно сложил Сал. — Завтра мы распорядимся, чтобы ее проветрили, как следует. Опустите все шторы. Не желаю, чтобы за мной шпионили патрули.

Стоя в дверях, пока Янси клал дробовик и опускал шторы, Брэд почувствовал, как его сердце переполняется ощущением победы. Он снова отпил из бутылки, чтобы поддержать этот прилив счастья на должной высоте.

— Да не таращите на меня глаза, Дядя Док, — сказал он. — Я совсем живой.

Янси опустил последнюю штору.

— Снимите эту простыню, — сказал он, усаживаясь в кресло. Брэд не без удовольствия обнаружил, что Дядя Док выглядит стариком. — Раз вы не призрак, то незачем разыгрывать его.

— От вас иного приема я и не ожидал, — сказал Брэд. — К счастью, у меня добрая душа.

Брэд сбросил свое одеяние, собирая белую ткань ловкими движениями рук. Обратная сторона одеяния и капюшона была совершенно черной. Этот трюк он придумал, чтобы незаметно подкрадываться к жертве. Когда Брэд уже почти свернул это одеяние, он предложил врачу плантации осмотреть его, включая кроваво-красный различительный знак.

— Вы узнаете *эти* инициалы?

— Значит, вы тот Орел Клана из Атланты, — заключил Янси. — Я мог бы догадаться.

Брэд вытянулся во всю длину на новом диване, представлявшем теперь главное украшение гостиной, и не обращал внимания на то, какой вред его шпору наносят ткани. Он обнаружил, что безумно рад новому богатству, окружавшему его. Как хорошо снова вернуться домой, а еще лучше купаться в лучах ненависти Дяди Дока.

— Продолжайте свои вопросы в том же духе, — сказал Брэд. — У вас хорошо получается.

— Это вы привезли приказы Гамильтону и местному Клану?

— Разумеется.

— Включая этот крест на собственной лужайке.

— Полковнику пришло в голову сжечь этот крест, — пояснил Брэд. — Я согласился хотя бы ради того, чтобы проучить Рину. Судя по тому, как она свалилась, это удалось.

— Вы были среди той группы?

— Конечно нет. Я наблюдал с подъездной дороги. Пока вы несли Рину наверх, я

проскользнул в дом через дверь подвала. — Брэд протянул руку к бутылке. Он с удовольствием выдавал информацию маленькими порциями, но у него оставалось мало времени. — У меня осталось целых полчаса, после этого придется заняться другими делами. Можете развлечь меня, как вы это привыкли делать, пока я еще не ушел.

— Надеюсь, этот уход станет окончательным, — сказал Янси.

— Сегодня я окажу Клану последнюю услугу. Что будет потом, не знаю. С завтрашнего дня я снова стану влиятельным землевладельцем в этом округе.

— Здесь, в Селби?

— Где же еще, черт подери?

— Надеюсь, вы понимаете, что официально вас считают мертвым? Эти земли только что перешли во владение Лорены.

— Донесение о моей смерти основано на неверных фактах. Я не стал опровергать этот вымысел из собственных соображений.

— Чтобы выпутаться из трудного положения в Мексике?

— Считайте, как вам угодно, — невозмутимо ответил Брэд. — Я не стану спорить.

— Это правда, что вы в Карлоте неудачно спекулировали землями? Что вы вложили деньги в золотые прииски Масатлана и потеряли все до последней рубашки? Разве вы не дрались на дуэли со своим главным кредитором и не драпанули, когда его наследники потребовали уплаты долгов?

— Дядя Док, ваша служба разведки отлично поработала.

— Если факты Квентина соответствуют действительности, вы еще носили униформу, когда вас отправили в Кордову выкурить повстанцев из их гнезд. Я догадываюсь, что вы там сделали мертвым, чтобы сбежать от кредиторов. Я прав?

— До мельчайших подробностей, — подтвердил Брэд. Он снова отпил из бутылки, стараясь оставаться в разумных пределах трезвости. Этот старый дурак не может не беречь почти зажившие раны и, полагаясь на слухи, делать намеки, будто Брэдфилд Селби родился неудачником. Задремав на уютном диване, он мысленно перенесся к тем позорным годам в Мексике. Сначала после беседы с начальником штаба императора Брэд тешил себя лихорадочной надеждой, что удержался на плаву. Он радовался великолепию новой униформы, первым блестящим победам, одержанным над чернью Хуареса. Постепенно он стал догадываться, что стремительные атаки его кавалерии на мескитовые рощи были всего лишь показной бравадой — этот противник ускользал столь же легко, как и змея в песках, чтобы собраться с силами и нанести новый удар...

Завязнув в безнадежной битве Максимилиана за собственное выживание, Брэд невольно стал потихоньку забывать о плане освобождения Джорджии. Год за годом он пытался добыть богатство и славу и сбился с пути на этой выжженной солнцем земле.

Экспедиция на золотые прииски принесла лишь несколько самородков. Когда Брэд пытался отыгаться в Карлоте на продажах конфискованных гасиенд [\[22\]](#), его обошли придворные, чье влияние было гораздо больше его. Брэд признался самому себе, лежа в полусне на диване, что диагноз его бедам, поставленный Янси, оказался до боли точным. Но он доказал, по крайней мере себе, что настоящий солдат никогда не сдастся, каковы бы ни были поражения.

Брэд отправился в Кордову, чтобы вернуть утерянные богатства и отполировать свою счастливую звезду, которая сильно потускнела. Он думал, что появление его имени в придворной газете вернет ему утраченную благосклонность Максимилиана. Откуда ему

было знать, что император вот-вот предстанет перед командой, снаряженной для его расстрела? Или что эти проклятые бандиты с гор ринутся на него сотнями и ветеран армии Конфедерации не сможет отбиться от них?

Свою последнюю позицию он занял в изрешеченном пулями доме фермы после того, как разведчики донесли ему, что смертельный удар будет нанесен утром. Его заместитель Пепе Ортега получил приказ взять на себя командование, пока полковник Селби в темноте через ущелье отправится за подмогой. Не вина Брэда, что противник нанес удар не утром, а в полночь, залпом зажигательных бомб и добился успеха. Или что Ортега, гордясь своей новой ролью, надел на себя китель командира с эполетами и погиб в этой форме. Понятное дело, обгоревшее тело заместителя приняли за его собственное.

Готовясь к бегству, Брэд предусмотрительно надел гражданскую одежду, в данном случае второй лучший костюм некоего Эстебана Салазара, владельца фермерского дома, который погиб в первый день боя. Поскольку он вместе с костюмом забрал также и документы сеньора Салазара, Брэд решил перевоплотиться пока в этого достойного землевладельца. В Веракруссе ему хватило смелости заявиться в городской дом Дона Эстебана, где он отдался на милость сеньоры Салазар и просил у нее убежища до тех пор, пока не утрясет свои дела. Ему повезло, что она встретила его буквально с распростертыми объятиями.

Брэд догадался, что этот брак между стариком и молодой женщиной был заключен по расчету. Он не без удовольствия вспоминал, что оплатил за гостеприимство Инес притворным выражением бурной страсти. То обстоятельство, что он разбудил спящую кошку, не слишком беспокоило его: если на его теле все еще оставались следы ее ногтей, то он их честно заработал.

«Не слишком честно», — добавил он, помня, как занял деньги на проезд, когда братья-офицеры, уносившие ноги, как и он, подальше от грядущей катастрофы, убеждали его вернуться в родной штат и предложить свои услуги Ку-клукс-клану...

Брэд довольно вздохнул, вспомнив слова Дяди Дока. Он хорошо повеселился во время того антракта, развлекаясь с Инес Салазар. Верно, он оставил ее без гроша. Но памятуя с своей службе в Мексике, когда эта страна переживала тревожные времена, он не испытывал ни малейших угрызений совести.

— Не стану отрицать, мне еще раз не повезло, — самодовольно заметил он. — Мне совершенно наплевать на ложь, какой мои враги снабжали Квентина Роули. В моем послужном списке значится только хорошее, и я вернулся домой навсегда.

— Джеда Питерса вздернули по вашему приказу?

Дерзость Дяди Дока позабавила Брэда до такой степени, что он решил сказать правду.

— Питерса казнили за то, что он стал доносчиком, — ответил он. — В любой армии такое карается смертью: в Клане заведены те же правила.

— Раз вы Орел Клана, — сказал Янси, — значит, вы также стали вешателем.

— Что делается в Клане, остается его секретом. Однако вот что я вам скажу. Завтра, когда я спрячу свою одежду, и сюда заглянут патрули, никто не скажет, что я член Клана. И вы в том числе.

— Не будьте так уверены.

Брэд пожал плечами.

— Старик, в Селби вы не вольная птица. Рина заткнет вам глотку, стоит мне лишь переговорить с ней.

— Не будьте так уверены и в Лорене.

— Она доказала свою преданность, наградив меня наследником. Три года она стояла здесь на страже и не подпускала этих прохвостов. К чему ей подводить меня на сей раз?

— Разве то обстоятельство, что она вас больше не любит, ничего не значит?

— Какое отношение имеет любовь к браку?

— Или то обстоятельство, что она собирается выйти замуж за майора Кэролла?

Брэд фыркнул от смеха. Когда Янси выходил из себя, получался настоящий спектакль.

— Я слышал об этом парне даже в Мехико. Мне не верится, что Рина может предать своих.

— Когда вы перестанете скрываться за красивыми фразами? Разве вы не видите, что придуманный вами мир уже погиб? Лорена вам больше никогда не позволит грабить Селби.

— Все, что происходит в Селби, касается только меня. И перестаньте напрашиваться на неприятности, иначе я отправлю вас в богадельню. — Брэд говорил мягко, словно обращаясь к престарелому домашнему любимцу, который повел себя плохо. — То, что вы называете придуманным миром, все еще живет. Такие люди, как Гамильтон и я, не дадут ему умереть. Мы уж постараемся, чтобы он существовал и после того, как уберутся эти янки.

— Каким образом? С помощью веревки палача?

— Почему бы и нет, если это заставит умолкнуть смутьянов, и поможет вернуть наших рабов?

Янси воздел руки к небу.

— Даже ваш словарный запас взят из вчерашнего дня.

— Кого волнует, что *рабство* незаконно? Любой закон можно обойти. Когда суды снова встанут на нашу сторону, мы назовем рабов поденщиками или издольщиками. Любое слово подойдет, если они станут работать на наших условиях. Да и теперь они будут работать, черт бы их побрал, раз мы вселили в их сердца божий страх. Хотя вы и стары, Янси, до этого дня вы доживете.

— Боже, избавь меня от этого.

— На что вы жалуетесь? В Селби вам живется неплохо — один мальчик приносит вам напитки, другой снимает с вас сапоги, когда вы напиваетесь. Не дерзите и сможете наслаждаться прежней жизнью.

— Полагаю, вы уже считаете, будто переняли бразды правления в свои руки.

— Я снова дома, — ответил Брэд. — Я герой войны, у меня куча медалей. Завтра я покажу вам, как надо управлять Селби.

— После того, как вы нападете на Линкольнвилль?

— Не пытайтесь поймать меня в ловушку, мы действуем по секретным приказам.

— Вся округа знает, что вы сегодня готовитесь к набегу.

— И эта округа на моей стороне. Вот что я скажу для вашего сведения. Через час сотня членов Клана встретится в определенном месте, там к нам присоединится специальный отряд из Атланты. Все эти люди находятся под моим командованием.

— И имя этого командира Брэд Селби?

— Разумеется, нет. Я Орел Клана из штаба и выполняю свое последнее задание. Никто не станет спрашивать моего имени. Завтра я заслужу уход в отставку.

— Должно быть, Люк знает, кто вы такой.

— Люк и старик Гамильтон. Мне здесь нужна пара друзей, чтобы держать меня в курсе дел. — Брэд сел и зевнул, раскрыв рот до ушей. Его сегодняшний визит оказался полезным, и

он наслаждался негодованием Дяди Дока, пока излагал свои планы. Но пора подумать и о дисциплине, которую Брэд так жаждал установить. — Моя жена уже должна была бы прийти в себя. Передайте, что я хочу видеть ее.

— Вам больше нечего мне сказать?

— Я и так слишком много сказал. Делайте, что вам велят.

Брэд отдал эту команду, надеясь, что она немедленно будет выполнена. К его досаде, Дядя Док снова заговорил, уже стоя в дверях фойе.

— Полагаю, вы собираетесь убить Саладина?

— Можете на это рассчитывать. Скажу прямо, я не успокоюсь, пока не сделаю этого.

— Не забывайте, что в армии убийство карается повешением.

— Этот бравый майор не сможет повесить безмянного убийцу. Пожалуйста, перестаньте трепаться и скажите Рине, что я жду ее внизу.

Брэд опять прильнул к бутылке, не обращая внимания на то, что у него кружится голова. На лестнице послышались шаги жены. Вскочив на ноги, он предусмотрительно скрылся в тени до того, как она вошла в гостиную: это был чисто оборонительный маневр с целью посмотреть на ее реакцию.

Брэд ожидал увидеть на лице жены слезы или притворный ужас. Взгляд, каким она его одарила, входя в гостиную, можно было назвать воплощением безразличия. «Если бы он только что вернулся с попойки в Атланте — сердито подумал он, — она встретила бы его тем же самым кротким взглядом и гримасой мученицы, которые были ему столь хорошо знакомы».

— Выходи на свет, — сказала она. — Покажи мне, что ты настоящий.

Брэд вступил в пятно света, которое лампа отбрасывала вокруг камина.

— Ты могла бы изобразить хотя бы некоторое удивление, — с горечью сказал он.

— Дядя Док сказал, что вернулся призрак, чтобы терзать нас, — ответила она. — Похоже, ты и в самом деле жив.

— Ты чертовски права, и я жив! — крикнул он. — Я должен доказать это?

— Ты уже доказал.

— Не таким же образом!

Брэд уже заключил ее в грубые объятия. Отпустив жену, он понял, что ее губы не приняли и не отвергли его поцелуй. Они лишь покорились ему.

— Вижу, ничто не изменилось, — заметил он.

— Ты вряд ли ожидал перемен.

— Прости меня, миссис Селби, — сердито сказал он. — Я потерял голову от твоей красоты.

Брэд с презрением отвернулся от нее, а она продолжала рассматривать его с тем же настороженным смирением. Произнося свой фальшивый комплимент, он сообразил, что ошибся. Понятное дело, он должен найти способ, как поставить на место эту норовистую бабу. Это никогда не удастся, если он покажет, сколь глубока его ненависть.

— Не требуй, чтобы я притворялась, — сказала она. — Ты поздно вато вспомнил об этом.

— Рина, я вернулся домой. Навсегда. Разве это для тебя ничего не значит?

— Пока тебя здесь не было, дела у меня шли хорошо, — ответила она. — Не желаешь посмотреть? Даже в темноте видно, что я восстановила...

— Селби процветает, — признался он. — Признаю, в этом твои заслуги, ты всегда

умела проворачивать дела. Но я также ценю мнения соседей. Разве тебе так трудно понять это?

— Ни в коем случае.

В отличие от него она полностью владела своим голосом. Когда молчание затянулось, Брэд почувствовал, что жена смотрит сквозь него и вовсе не видит его.

— Разве доброе имя мужчины больше ничего не стоит? — сурово спросил он. — Неужели одни деньги имеют значение?

— Брэд, мне было нелегко сохранить твой дом.

— Только не говори, что ты сохранила его для меня. Ты считала меня мертвым. Тебе подвернулся шанс переделать Селби в своем вкусе и ты не упустила его.

— Я снова построила его ради мальчика.

— Твои мотивы меня не интересуют, — сказал он. — Сейчас меня волнует лишь уважение округа. Я должен вернуть его.

— Дядя Док посвятил меня в твои планы.

— Сегодня мы идем в Линкольнвилль, нас будет двести человек. Мы опустошим его так же основательно, как армия Шермана уничтожила наши плантации. Я сам убью этого черного мэра, даже если мне придется зажарить его живьем. Затем мы здесь займемся перестройкой. Ради разнообразия, на сей раз все будет в моем вкусе. Ты успеваешь следить за моей мыслью?

— Еще как. — Ее голос не дрогнул, она смотрела прямо на него. — Само собой разумеется, я предупрежу Сала.

— Такой возможности у тебя не будет. Люк сейчас стоит на страже и следит, чтобы никто не покинул этот дом. Рина, я спокоен, ты не станешь болтать. Ты настоящая южанка, хотя и заигрываешь с янки.

При этих словах она впервые покраснела; Брэд подумал, что она вот-вот заплачет. Когда она подняла голову в прежней вызывающей манере, которую он так хорошо помнил, Брэд втайне обрадовался. Даже когда он ненавидел ее больше всего, нельзя было не признать, что она умеет быть гордой.

— Сал и его рабочие помогли этой плантации выжить, — сказала она. — Разве его нельзя простить, учитывая этот успех?

— Негры созданы для использования. Когда они отбиваются от рук, им приходится расплачиваться за это.

— Если ты сожжешь Линкольнвилль, откуда плантаторы следующей весной возьмут рабочие руки?

— К весне наши рабы хорошо проголодаются и придут просить милостыню. Хижины все еще стоят на прежних местах. Я разрешу им вселиться в них. Они снова смогут работать за пропитание, такова божья воля.

— Ты же не можешь убить Сала просто так.

— Эта тема закрыта, — сказал он. — Где мой сын?

— Матушка Джо увезла Энди в Эшвил. Я велела ей остаться там.

— В Округе Крей станет спокойно после того, как мы снесем этот поселок из бараков. Ребенок может вернуться уже завтра.

— Я пошлю Люка с телеграммой к переправе, — сказала Рина. На этот раз Брэд не сомневался, что она заплачет, и это привело его в восторг — он упивался внезапным ощущением собственной власти.

— «Я отправлю телеграмму», — закричал он, стукнув кулаком по столу. — Разве ты не понимаешь, что твоей власти здесь пришел конец?

— Я стараюсь понять это, Брэд, — ответила она. — Очень стараюсь.

Приняв тон ее голоса за признак слабости, он перешел в наступление.

— С завтрашнего утра твоим уделом станет кухня. Ты будешь придумывать, какие обеды готовить для моих друзей, наливать вино и ложиться ко мне в постель, когда я того захочу. Не хмурься, моя дорогая, такое будет не часто. А в прочих случаях тебе придется держаться от меня подальше. Управлять всем я собираюсь с помощью Люка. Я также займусь воспитанием своего сына.

— Это материнская забота.

— Нет, Рина. Это исключено, раз ты здесь так успела прославиться. Я воспитаю сына таким образом, чтобы он уважал мои идеалы и правила поведения. Я сделаю его лидером в Джорджии. Он не вздумает преклоняться перед янки, как его мать.

Тут Рина набросилась на мужа с такой яростью, что тот инстинктивно уклонился. Пальцы на ее поднятых руках согнулись как когти.

Спрятавшись за диван, он громко рассмеялся, видя, как глубоко задел ее.

— Не заставляй меня и впредь ненавидеть тебя, — предупредил он. — Это может причинить нам обоим неприятности.

— Разве ты не можешь мне ничего оставить? Я отдала тебе все, что ты хотел.

— Рина, все, кроме себя.

Этот горький упрек упал между ними словно камень. Она владела своим голосом, когда заговорила снова:

— Брэд, я пыталась сделать все, чтобы наш брак был удачным. Ты это знаешь.

Брэд пожал плечами. Утвердив свою власть, он мог кое в чем уступить.

— Я не жалею, ведь ты подарила мне сына. Ты здесь полезное украшение и моему мальчику понадобится мать, которая слушается моих приказаний.

— Ты ожидаешь, что я буду тебе благодарна за такую щедрость?

— Думаю, Рина, тебе придется. Не забывай, я знаю, что люди думают в нашем округе. На твоём месте я вел бы себя осторожно.

— Я буду вести себя так, как мне угодно.

— Нет, уже не сможешь, после сегодняшнего вечера и ночи. — Он взял свое одеяние, расклешил широкий подол, вращая кистями рук, и наслаждался тем, что жена следит за его действиями. — Я вернусь через несколько часов, — сообщил он. — Старайся не волноваться. Меня не так просто убить.

— Брэд, на этот раз ты зашел слишком далеко. Если на небесах есть Бог, ты узнаешь об этом еще до наступления утра.

— Позволь мне переиначить твою набожную мысль. Бог на моей стороне, и я наконец-то делаю то, что мне полагается.

— Я уйду от тебя, когда захочу. На банковских счетах значится мое имя.

Брэд отрицательно покачал головой.

— Рина, я знаю тебя лучше, чем ты сама себя. Ты не оставишь Селби и моего сына. Даже если я отхлещу тебя перед всей округой.

— Я могу донести, и тебя арестуют как поджигателя и убийцу.

— Можешь, но ты это не сделаешь.

— Почему ты так уверен?

— Рина, я уже сказал тебе. Возможно, ты бы вышла замуж за майора Кэролла, если бы я не появился сегодня вечером. Но ты никогда не предашь хозяина Селби ради янки.

Наконец, он был готов уйти. Если он и задержался немного, облачаясь красивым движением в свою снежно-белую одежду, прихорашиваясь перед зеркалом над каминной полкой, то лишь для того, чтобы до нее дошел смысл его слов.

— Куда ты сейчас держишь путь?

— Сперва к месту встречи у брода. — Теперь он понял, что жена не представляет опасности, и не видел ничего предосудительного в том, чтобы устно отрепетировать свои действия. — Противник наблюдает за заставой: мы пересечем реку и выйдем на северный берег, чтобы сбить их со следа. Затем вернемся к Переправе Брандта. В болоте имеются тропы, которые даже Гамильтону неведомы. Я поведу остальных, и к середине ночи мы доберемся до Линкольнвиля.

— Квент здесь, — сказала она. — И Дядя Док. Ты не боишься, что они предупредят майора Кэролла?

— Я уже говорил тебе, что Люк стоит у дома. Он будет стрелять без предупреждения в любого, кто попытается выйти.

— Даже в меня, Брэд?

Он уже стоял в дверях и, повернувшись, льстиво улыбнулся.

— Даже в тебя, моя любовь.

Рина бросилась преградить ему путь. Она схватила мужа за руку, впервые коснувшись его по собственному желанию. Брэд оттолкнул жену с такой силой, что та упала на колени. Он умышленно медленно одну за другой поднял парные портьеры, поскольку теперь он уже уходил. Затем, не взглянув на жену, надел капюшон и растворился в темноте.

Конь стоял у колоды, Люк уже держал его за уздечку. Брэд, следуя излюбленной привычке, разбежался и одним прыжком вскочил в седло, поднял одну руку и насмешливо отдал прощальный салют портику. Он заметил, что Рина, шатаясь, вышла посмотреть ему вслед. Пустив коня галопом навстречу мести, он исторг из своей глотки мятежный вопль, напоминавший крик животного.

Когда Брэд исчез из виду, Рина еще стояла на портике, чтобы убедиться, не мерещится ли ей, что силуэт на подъездной дороге и есть Люк Джексон, а оружие в его руках настоящее. Едва перебирая ногами, она вернулась в гостиную и почувствовала, что все поплыло перед ее глазами. «Больше нельзя падать в обморок, — твердила она себе. — Сегодня слишком многое поставлено на карту». Она уже забыла, что чуть не упала в обморок только что на диване.

Когда в голове прояснилось, она обнаружила, что способна трезво оценить трудное положение, в котором оказалась. Однако она пока не могла составить ясного плана действий. Угроза, нависшая от безмолвного наблюдателя снаружи, то обстоятельство, что он следит за каждым ее движением в освещенной гостиной, все еще мешали ей думать.

А что если ей дерзко выйти в фойе, спуститься по задней лестнице и убежать, воспользовавшись дверью подвала? Она отказалась от этой мысли, когда сделала пробный шаг в этом направлении и заметила, что Люк тут же двинулся к портику. Вместо фойе она прошла в кабинет через открытую дверь и начала собирать накладные Сала, разбросанные ветром по всем углам.

Это было грустное занятие, но оно давало работу ее рукам. Вернувшись в гостиную, она обнаружила, что Дядя Док сидит в своем любимом кресле. Абсолютное спокойствие старика чуть приободрило ее.

— Ты слушал? — шепотом спросила она.

— Слышал каждое слово, — громко ответил он. — Не обращай внимания на этого изменника, который торчит там.

Рина поняла его намерение, видя, как Люк напрягся, услышав это неприятное прозвище. Теперь, когда их стало двое против одного, Рина почувствовала себя менее подавленной.

— Где Квент?

— Все еще наверху, — ответил Янси. — Он пока не знает, что мы в осадном положении. — Дядя Док поманил часового. — Входи, Люк. Нет смысла встречать свою смерть там. Когда спустится мистер Роули, ты сможешь сторожить нас троих со всеми удобствами.

Надсмотрщик вошел, волоча ногу, с виноватым видом, и он выглядел почти комично. Ружье, которое он держал, было взведено и готово к стрельбе. Рина заметила, что это армейский карабин — одна из английских моделей, известная под названием «магазинная винтовка». Она подумала, что Брэд действительно основательно подготовился.

— Люк, я не стану спрашивать, стыдно ли тебе, — сказала она. — И так видно, что ты перешел всякие границы.

— Не вините меня, миссис Селби. Я лишь выполняю приказ.

— Ты считаешь за честь идти против меня?

— Капитан прав, мадам. Мы должны бороться огнем против огня.

— Значит, ты одобряешь этот набег на Линкольнвилль?

— Разумеется.

— И намерение моего мужа расправиться с Салом? Ты согласен с ним?

— На сей счет, мы голосовали на последнем собрании Клана. Восемь из десяти проголосовали за его смерть. Я был одним из них.

— По крайней мере, приятно узнать, что ты думаешь на самом деле.

— Если хотите знать мое мнение, — сказал Янси, — Люк еще никак не доказал, что он вообще способен думать. — Янси обратился прямо к надсмотрщику с холодностью, по сравнению с которой презрение могло бы показаться любезностью. — Ты голосовал за смерть Сала по одной причине. В душе ты понимаешь, что он лучше тебя.

Лицо Люка помрачнело.

— Доктор Янси, у вас нет никаких оснований говорить подобное. Я в этом вижу свой долг.

— Долг перед чем или кем? Перед законом и порядком или беззаконием сброда? Или по отношению к хозяйке, которая дала тебе все? Или к человеку, который свихнулся?

— Спорить бесполезно, — ответил надсмотрщик. — Миссис Селби оказалась под влиянием дурных советов, но теперь этому пришел конец... — Люк неожиданно умолк и прижался к стене гостиной. Все услышали цокот копыт на подъездной дороге.

Сидя на углу дивана, Рина опасалась, что первый выстрел может прозвучать из темноты или из карабина Люка, и вздохнула с облегчением, увидев, что прибытию всадника никто не помешал. Когда тот привязал своего коня к колоде и появился в освещенных дверях гостиной, Рина узнала лейтенанта Эндрюса, одного из молодых адъютантов Дэна Кэролла. Дэн и раньше присылал этого мальчика с посланиями.

Она шепотом обратилась к Люку, пока надсмотрщик продолжал гротескно жаться к стене.

— Положи это оружие, идиот, и покажись. Он привез сообщение от майора.

Люк еще прижимал к себе карабин, затем поставил его в угол и, скрестив руки, встал перед камином. Хотя он соображал медленно, однако понял, что совершить вооруженное нападение на армейского посыльного было бы глупо, раз его товарищи, скорее всего, находятся в пределах слышимости.

— Следите за своим языком, мадам, — предупредил он. — Если понадобится, я выстрелю первым.

Наблюдая за надсмотрщиком краем глаза, Рина пошла Эндрюсу навстречу. На минуту ей пришла в голову мысль — броситься бежать, прикрываясь офицером армии Союза как щитом, но риск был слишком велик. Все же Эндрюс мог явиться один. Будет разумнее, если позволить ему передать сообщение.

— Входите, лейтенант, — позвала она. — Вы, конечно, знакомы с Янси. И моим надсмотрщиком.

Эндрюс медленно вышел из темного фойе в ярко освещенную лампой гостиную. Видно было, что ему не терпится сообщить новости, но он не знал, как это лучше сделать. Рина снова заговорила, прежде чем он заметил, что надсмотрщик от интереса разинул рот. Рина еще раз почувствовала, что ее последующие слова вполне могут решить судьбу Селби.

— Полагаю, вы слышали, что группа кукуклуксклановцев прошла этим путем, — сказала она. — Мы легко прогнали их.

— Миссис Селби, сегодня вечером мы застигли врасплох не одну маленькую кучку этих людей, — ответил Эндрюс. — Они бежали прежде, чем мы смогли обменяться выстрелами. Похоже, этот новый Орел Клана послал их нам навстречу, чтобы сбить нас с толку.

— Лейтенант, похоже, что я вас не понимаю.

Эндрюс спросил, взглянув на обоих мужчин:

— Можно ли нам поговорить наедине?

Люк тут же понял намек.

— Я пойду, мадам. — Он повернулся к двери кабинета, и, словно опомнившись, взял карабин. — Если не возражаете, я пойду кратчайшим путем.

Рина пристально наблюдала за ним, пока он не исчез за дверью кабинета, глядя на Эндрюса глазами, полными ненависти. Она знала, что Люк будет подслушивать за полуоткрытой дверью: она посчитала хитрость довольно глупой. Однако она увидела, что эта хитрость успокоила посыльного Дэна Кэролла. Он заговорил снова.

— Доктор Янси, извините меня за прямоту, — сказал он. — Эта просьба к вам не относится.

Дядя Док переглянулся с Риной, затем тяжелой походкой вошел в кабинет и вернулся оттуда с графином и стаканами.

— Лейтенант, можно предложить вам выпить?

Адъютант вежливо отклонил это предложение.

— Я не хотел говорить загадками, — начал он. — Но мое сообщение носит конфиденциальный характер. Майор не очень доверяет вашему надсмотрщику. Откровенно говоря, он полагает, что вы того же мнения.

— До сих пор у меня не было повода жаловаться на Люка, — откликнулась Рина. — Хорошие управляющие на поле в эти дни — большая редкость.

— Я не сомневаюсь в правоте ваших слов, — сказал Эндрюс. — Буду краток. Орел Клана, которого я только что упомянул, сообразительный парень. Надо сказать, он перехитрил сам себя. Сейчас этот малый проводит собрание у брода, чтобы мы подумали, будто он уходит из округа. Скажу честно, мы не сомневаемся, что около полуночи Клан нападет на Линкольнвилль.

Рина осторожно подбирала слова и гадала, что думает Люк об этом провале стратегии Брэда.

— Можно спросить, откуда у вас столь точная информация?

— Полагаю, вы знаете, что они повесили Джеда Питерса. Теперь об это известно всем. Если приказ о казни отдавал Орел Клана, а майор утверждает, что это так, то этот человек идиот. — Эндрюс говорил резко, с уверенностью, присущей молодым людям. — Таким образом, он решил предостеречь местных не очень убежденных членов Клана. На самом же деле это привело к тому, что много порядочных граждан покинули Клан.

Дядя Док фыркнул, выражая тем полное согласие.

— Я тоже так думал, — сказал он. — Рад, что это подтвердилось. Не подпускать негров к избирательным участкам — одно дело. Убийство — совсем другое.

— Майор хотел, чтобы вы первыми узнали об этом, — сообщил Эндрюс. — Почти пятьдесят добровольцев присоединилось к нам: завтра их число удвоится. Большинство из них бывшие члены Клана. Когда этот Орел Клана двинется к Линкольнвиллю, помощников у нас будет больше чем достаточно.

Рина почувствовала, как при этих словах у нее сжалось сердце. Значит, события приняли иной оборот, уставшие от войны соседи не стали прислушиваться к призывам таких смутьянов, как Гамильтон, и, наконец, взяли за ум. Не было сомнений, Брэд обречен, если только он не предпочтет вернуться... Зная, что именно такой совет Брэду даст Люк, как только ему удастся достичь брода, она отвела взгляд от полуоткрытой двери кабинета.

— Лейтенант, нападение все же произойдет?

— Майор в этом не сомневается, — ответил Эндрюс. — Они поплывут вниз по течению

реки и подойдут со стороны переправы. Мы уже приготовили им достойную встречу в том месте, где они этого меньше всего ожидают. После сегодняшнего дня люди Клана перестанут скакать по нашему округу. — Он взглянул на перчатки и улыбнулся своим хвастливым словам. — Так, по крайней мере, думает майор Кэрролл. Он хотел, чтобы вы узнали об этом и не волновались насчет Линкольнвилля.

— Как вы так быстро раскусили их планы?

— Это было нетрудно, миссис Селби. Особенно после того, как пятьдесят человек перешли на нашу сторону. Многие из них были друзьями Джеда Питерса.

— Вы уверены, что Орел Клана не откажется от своих намерений?

Даже сейчас Рине не хватило сил произнести имя мужа.

— Нет, сегодня он не откажется, — ответил Эндрюс. — Такого шанса у него больше не будет. Он привел с собой почти сотню мятежников из Атланты и собрал в сосновых лесах еще одну сотню. Тех глупых чернорабочих, которым *все равно в кого* стрелять, лишь бы не заниматься тяжелым трудом.

— Значит, это сражение до победного конца?

— Это уж точно, мадам. Орел Клана не знает одного — члены местного Клана всегда больше трепались, чем делали, пока сегодня не повесили этого беднягу. Сегодня те, кто отсиживались дома, перешли на сторону армии.

— Понятно, лейтенант. Спасибо за то, что пришли.

Эндрюс улыбнулся.

— Всегда рад, миссис Селби. Теперь извините меня, мне пора в путь.

Рина заговорила так, чтобы ее расслышал Люк.

— Я понадеялась, что майор прислал вас, чтобы охранять нас.

— Извините, но у нас нет ни одного лишнего человека. Мой взвод должен нанести отвлекающий удар у брода. Мы хотим убедить Клан, что попались на его удочку.

Дядя Док, все еще наблюдая за Риной, вышел в фойе вместе с Эндрюсом.

— Похоже, армия обо всем позаботилась, — говорил он. — Пожалуйста, передайте майору от меня пожелания успеха.

— Обязательно, доктор, если я вовремя доберусь к месту событий. В любом случае он прибудет сюда, как только кончится сражение.

Рина заметила, что Дядя Док старался держаться на виду, провожая Эндрюса к двери. Не успел курьер вскочить на коня и ускакать, как Люк тут же вышел в гостиную.

— Спасибо, миссис Селби, — сказал он шепотом заговорщика, хотя в этом не было необходимости. — Вы умно поступили, разговорив его.

Жестом пригласив Дядю Дока в гостиную, Рина быстро заговорила:

— Люк, ты подслушивал, держа в руках оружие. Что мне еще оставалось делать?

— Вы не назвали ему имени Орла Клана.

— Зачем ей было это делать? — спросил Янси, — Капитан Селби и так идет на верную смерть.

— У янки не хватит пуль, чтобы убить капитана, — уверенно возразил Люк.

— Не означает ли это, что ты собираешься предупредить его?

— Вы думаете, я сейчас предам Брэда Селби?

— Вполне, — ответил Дядя Док. — Если бы ты только нашел время немного подумать, то понял бы, что песенка Брэда Селби спета. Майору Кэрроллу известны ваши планы. Сегодня держи язык за зубами. И завтра ты спасешь свою шею.

— И пусть капитан умрет?

Янси бросил взгляд на Рину.

— Люк, Брэд Селби мертв по закону, — сказал он. — В ближайший час недалеко от Линкольнвилля убьют еще одного безымянного Орла Клана. Оставайся на месте и завтра тебя никто не тронет. Все просто.

— Для меня это не просто, — ответил надсмотрщик. — Я должен предупредить его, и вы не остановите меня.

Янси оказался проворным для своего возраста. Дробовик, висевший над камином, казалось, сам лег в его руки, и оба ствола нацелились в Люка, прежде чем тот вышел через дверь. Надсмотрщик ошарашенно посмотрел на Рину.

— Миссис Селби, вы же не допустите, чтобы вашего мужа пристрелили как собаку?

Лорена молчала во время этой молниеносной перемены обстановки. Ее взгляд остановился на портрете старого судьи в галерее, и она чуть не поверила, что эти умные печальные глаза читают в ее сердце и говорят, что теперь она стала Селби во всех отношениях. *«Брэд прав, — подумала она, — я не могу предать его сейчас. Пока он жив, мы с ним на одной стороне».*

— Отпусти его, Дядя Док, — сказала она.

— Лорена, ты не знаешь, что...

— Я не могу допустить, чтобы Брэда убили.

Янси медленно опустил дробовик. Люк тут же выскользнул через дверь. Она услышала топот его ног, пока он бежал к конюшне.

— Ты только что подписала смертный приговор Салу, — сказал Дядя Док. — Если Брэд сегодня выйдет сухим из воды, он вернется. Может погибнуть весь Линкольнвилль. Невинные люди, которые тебе доверяли и работали на тебя.

Рине казалось, будто эти слова доносятся издалека: она ответила уклончиво:

— Ты веришь в божью кару? Если она существует, то, должно быть, наказывает меня за грех, который я совершила с Дэниелом.

— Сейчас я не верю даже в божью справедливость... — Янси резко осекся. Оба услышали выстрел револьвера со стороны конюшни. — А может быть, я все же верю в это.

Рина бросилась за врачом плантации к скотному двору. Сразу за дверью конюшни она увидела извивавшуюся на земле у ближайшего стойла фигуру. Еще одна фигура нагнулась над дверцей стойла. Даже издали она увидела, что это Люк и Квент. Ее брат выпрямился и засунул за пояс револьвер с длинным стволом.

— Не делай такой озабоченный вид, Лорена, — сказал он и отошел в сторону, чтобы дать Янси опуститься на колени возле Люка. — Он стал отличной мишенью. Я слишком хорошо стреляю и убиваю насмерть только тогда, когда в этом есть необходимость. Дядя Док, он серьезно ранен?

Янси уже срезал пропитанную кровью ткань на колене надсмотрщика. Теперь он перетягивал верхнюю часть бедра Люка его же ремнем, используя его в качестве жгута.

— Пуля чисто прошла насквозь, — ответил он. — Мы отнесем его в мою лечебницу и найдем кровоточащий сосуд.

— Смотри, как бы ему сегодня не пришлось в голову скакать на коне, — предупредил Квент. — Там наверняка начнется стрельба, и его могут ранить.

Люк не проронил ни слова, пока его несли в лечебницу: сжав губы, он безмолвно переносил боль и избегал смотреть на Рину. Когда врач плантации быстро занялся своим

делом, Квент, поморщившись от сладковатого запаха крови, снова вывел Рину на свежий воздух, затем облокотился о крыльцо лечебницы, зажег сигару и выпустил дым в сторону постепенно светлевшего неба.

— Десять минут назад, — сказал он, — я чуть не зашел в гостиную. К счастью, я вовремя услышал голос Люка. Я спустился по задней лестнице и ждал в галерее. Когда он бросился к конюшне, мне было легко выследить его.

— Ты сильно рисковал, — заметила Рина. — Брэд вполне мог расставить здесь и других часовых.

— Похоже, он поручил Люку лишь наблюдать за нами, — сухо ответил ее брат. — Как ты только что убедилась, у Брэда вряд ли могли возникнуть сомнения в твоей надежности.

Голова Рины прояснилась: она вспомнила, почему именно сейчас пожалела Люка. Ее собственный скакун был в стойле: если на нем ускакать из Селби, никто уже не догонит его. Но Квент взял Лорену за руку, прежде чем та решила направиться к конюшне.

— Это бесполезно, Лорена. Даже если ты могла бы скакать вдвое быстрее, ты не добралась бы до Брэда вовремя. А если и добралась бы, думаю, он вряд ли поверил бы тебе.

— Я попрошу Дядю Дока.

— Он занят, ему надо спасать жизнь.

— Тогда можно послать туда одного из слуг дома.

— В то время, когда Клан готовится штурмовать Линкольнвилль? Судьба Брэда теперь в господних руках. Ты сделала все возможное, чтобы спасти его.

Из лечебницы донесся почти животный рев Люка. Рина вздрогнула и прижалась к брату.

— Отведи меня в дом, — попросила она. — Мне одной идти страшно.

— Думаешь, кругом ходят призраки Селби?

— Мне почти верится, что Брэд уже находится среди них.

— Не слишком доверяй своим способностям прорицательницы, — весело сказал Квент, когда оба шли по лужайке. — Нам остается лишь ждать, пока Дэн Кэрролл не предъявит труп. На этот раз будем надеяться, что труп окажется настоящим.

При этих словах она отстранилась от брата.

— Ты не имеешь права так думать. Тем более говорить...

— Иногда не мешаешь высказать вслух самые сокровенные желания, — ответил он. — Ты и в самом деле жалеешь, что я вовремя остановил Люка?

Рина не ответила. Радуюсь, что уже стемнело, она на мгновение задержалась на портике. Казалось, что небо вот-вот просветлеет, но оно снова помрачнело, несмотря на звезды, собиралась гроза. Если небо к восходу луны останется облачным, Брэд вполне может невредимым проскочить через засаду Дэна...

В лечебнице раздался второй вопль Люка, и все затихло. В годы войны, когда у Дяди Дока не было ассистента, в подобных случаях ему помогала Рина: она четко представляла эту рутинную операцию. Она знала, что теперь, перевязав вену, Янси дал ему достаточно сильное успокаивающее средство, и пациент будет вести себя спокойно до самого утра.

В фойе громко прозвучал веселый голос Квента, вызвавшего слуг из кухни и заказавшего ужин. Рина появилась в свете лампы и стала отдавать распоряжения.

Было трудно поверить, что она и Дядя Док, лишившись последних сил, стояли здесь под прицелом. Теперь, если верить лейтенанту Эндрюсу, ситуация резко изменилась. Единственную угрозу для них представлял Брэд, но тот устремился навстречу верной смерти.

В двух милях ниже Переправы Брандта, где главная дорога разветвлялась и встречалась с дорогой, идущей вдоль реки, негритянское поселение под названием Линкольнвилль спало под ночным небом, на котором мелькал лунный свет, а грозовые тучи плыли дальше. Майор Дэн Кэрролл терпеливо ждал здесь целый час, надвинув на глаза промокшую от дождя шляпу. Пока он наблюдал за низинами, где овощные хозяйства поселения сливались с болотами, у него от усталости застучало в висках.

Он не сомневался, что ночные всадники собрались у переправы. Если нападение запланировано на сегодня, оно обязательно произойдет с того направления. Неужели ложная атака Эндрюса не обманула их? Может быть, они ушли за реку, чтобы выступить на другой день?

Разумеется, было неразумно посылать сообщение Рине, но ему хотелось, чтобы она знала, что он владеет ситуацией.

Несмотря на долгое ожидание, Дэн все еще верил, что его план увенчается успехом. Главные силы куклуксклановцев получили приказ собраться у брода спустя час после захода солнца и дожидаться там прибытия Орла Клана из Атланты. Знакомясь с сообщениями перебежчиков, Дэн не сомневался, что сегодняшнему налету придастся решающее значение. Ложное нападение Эндрюса должно было навести противника на мысль, что он неверно определил направление и цель удара. Когда куклуксклановцы беспорядочно отступили через реку, армия отошла назад, явно намереваясь вернуться в свой лагерь... Теперь, когда до Линкольнвилля оставалось десять миль и драгуны, видно, появятся только утром, вожак Клана должен был поверить, что удар можно нанести в любой момент. Он никак не мог догадаться, что попадет в засаду, если только кто-то в последнюю минуту не предупредил его.

Кэрролл спешил с нетерпеливого коня. Он кивком дал знак, и коня отвели в чащу, где двести конных пехотинцев ловко успокаивали своих коней. Это долгое ожидание и сама засада вызывали в памяти тревожные воспоминания. На первый взгляд, это был лишь один из видов боевых действий. Воспоминания встревожили его, поскольку он не мог точно установить их причину.

По диагонали через главную дорогу, на которой дождь хорошо прибил пыль, в лунном свете виднелась еще одна почти непроходимая чаща. Она стала идеальным укрытием для пятидесяти добровольцев, которые прибыли в его лагерь после захода солнца и предложили свою помощь. Майор тщательно расставил этих неожиданных союзников. Большинство из них были ветеранами армии Конфедерации: он мог доверять им в предстоящем сражении.

Вообще-то, он вряд ли ожидал сражения в подлинном смысле этого слова или дуэли, даже хорошо известной бывалым кавалеристам, когда колени всадников соприкасаются. Однако было приятно знать, что обстоятельства складываются в его пользу, знать, что эта небольшая группа воинов в гражданской одежде стала лишь авангардом союза, который когда-нибудь породит единую нацию.

Линкольнвилль находился в небольшой ложине, от холодных северных ветров его защищали холмы вдоль реки. За закрытыми ставнями не было видно ни единого огонька. В этот час обитатели хижин крепко спали, не подозревая об угрозе со стороны Брода Индейцев

и о том, что уже все подготовлено к ее отражению.

Дэн прошел вдоль линии всадников к своему коню. Чаща в этом месте защищала его со всех сторон. Стоило лишь раздвинуть ветки, и он мог обозреть множество жилищ и внимательно изучить их расположение при свете восходившей луны.

Это поселение сначала росло беспорядочно вдоль линии поймы. Сегодня, когда Сал взялся за дело, оно приобрело удивительно стройный вид. Дворы поражали чистотой; вокруг многих стояли ограды с перилами. Большинство домов были покрашены... Дэн едва заметно улыбнулся, помня крики негодования при виде этих новых белых стен. Округ Крей не смог вовремя смириться с присутствием негритянского городка. Аккуратность Линкольнвиля, то обстоятельство, что лучшие жилища были вполне сравнимы с домами небогатых белых фермеров, воспринимались как оскорбление, которое нельзя было стерпеть.

Час назад, когда Дэн привел свои силы в оборонительный порядок, он раздумывал, не следует ли предупредить Сала о нависшей опасности. Но негритянская деревня не хранила бы такой идеальный покой, если бы распространился слух о неминуемом нападении. Когда куклуксклановцы окажутся на дороге близ реки, Линкольнвиль должен создавать видимость легкой добычи.

Кэролл почувствовал движение в чаще на противоположной стороне дороги: от чащи отделилась темная тень. Пригнув плечи, молодой капитан Келлер бежал среди деревьев к командующему. Тот самый Келлер, который служил во 2-м Пенсильванском кавалерийском батальоне. Он выбрал армию своей карьерой, по личной просьбе был назначен в этот район и теперь служил у Кэролла начальником штаба.

— Все в полном порядке, майор, но жаль, что мы стоим без дела.

— Полночь еще не наступила. Гражданские уже нервничают?

— Пока нет, — ответил Келлер. — Будьте спокойны, сэр. Они свое дело сделают.

— Я в этом не сомневаюсь.

— Они не менее нас горят желанием избавиться от ночных всадников. Вы могли поверить, что южане встанут на нашу сторону?

— Сегодня нам любая помощь дорога, — ответил Кэролл. — Этот бой должен стать решающим, иначе мы израсходуем порох впустую. Не забывайте, нам известны все их вожаки, кроме Орла Клана. Дадим им десять секунд на капитуляцию. Включая и полковника Гамильтона.

— Я понял, сэр. Будем надеяться, что ваше предупреждение сработает.

Оба в последний раз повторили очередность дальнейших действий. Располагая этими силами и уповая на восходившую луну, Кэролл был уверен, что накроет продольным огнем Клан, хотя тот, вероятно, и не уступает ему по численности. Майор собирался дать этим подонкам шанс бросить оружие и сдаться, когда последний куклуксклановец окажется на расстоянии выстрела. Предупреждение выкрикнет один из его снайперов, сержант с луженой плоткой, который расположился в вилке желтой сосны, нависшей над дорогой. Сигналом для этого предупреждения послужит короткий выстрел с командного поста. Если его проигнорируют, второй выстрел из револьвера командира станет приказом открыть огонь.

— Почему вы считаете, что они не сложат оружия? — спросил Кэролл. — Они ведь должны понять, что их положение безнадежно.

— Майор, девять из десяти этих людей настоящие головорезы. Если здешний армейский суд не захочет привлечь их к ответственности за убийства, эту честь на себя возьмет суд

другого штата. Такие бандиты предпочитают умереть на месте.

— Во время войны все было иначе, — сказал Кэролл. — Тогда целью всей стратегии являлся успех в бою. Так говорилось в уставах, и любая уловка для достижения успеха была в порядке вещей. Это старый армейский прием, и Линкольнвилль служит здесь приманкой. Кажется, не совсем справедливо преподносить такие сюрпризы гражданским лицам.

— Только не подумайте, что эти налетчики отказались бы устроить засаду *нам*, если им на то хватило бы мозгов.

Келлер сказал это с горячностью: Кэролл строго посмотрел на своего заместителя.

— Капитан, я прихожу к заключению, что вам не терпится завершить свою службу в Джорджии.

— Я солдат, сэр, — ответил Келлер. — Полицейская служба мне не по душе. Только по одной этой причине мне хочется поскорее распрощаться с этим краем из красной глины. Как вы знаете, я просил перевести меня на Запад: вот там будет твориться настоящая история.

— В эти дни история творится и в Джорджии, — ответил Кэролл. — Мы изменим ее, если сегодня все пройдет хорошо.

Майор поднял руку в белой перчатке, требуя соблюдения тишины. Вдали, где дорога терялась среди болотных черных дубов, в ночи прозвучал крик совы. Его исторгла глотка человека, и это означало, что враг наконец-то приближается.

— Возвращайтесь на свой пост, капитан. Распорядитесь, чтобы взвели курки всех карабинов. Стрелять только после второго сигнала, который последует *после* предупреждения сержанта Гарди. Все понятно?

— Все понятно, майор.

— И еще одно. Первый залп последует с этой стороны дороги, огневая мощь у нас сильнее. После залпа с вашей стороны берите на себя командование наступлением. Дух врага будет легче сломить, если тот увидит, что в него стреляют жители Джорджии.

— При условии, что у противника останется хоть капля духа, — ответил Келлер. — Эта битва вряд ли будет отличаться от той, которая произошла у Брода Индейцев осенью 1864 года. Майор, вы помните ту засаду? Тогда мы не предупреждали *их*. Говоря между нами, я бы сегодня тоже не стал бы их предупреждать.

Келлер исчез до того, как раздался второй крик совы, возвестивший майору Кэроллу, что враг уже почти в поле зрения. Дэн почувствовал, как по старой привычке крепко стиснул зубы: начальник его штаба вовремя воскресил кое-что в памяти... Через секунду показался первый куклуксклановец. Это был высокий всадник. Благодаря черному, как уголь, боевому коню под ним, казалось, что белый всадник парит между небом и землей.

Кэролл вздохнул и повторил команду взвести курки. Во мраке зарослей он услышал, как взвод за взводом без лишнего шума выполнил его команду. Он подумал, что история повторяется чаще, чем утверждают историки, но существовала какая-то жуткая параллель между этой хорошо расставленной ловушкой и боем у брода. Даже при лунном свете вожак этого набега казался вылитым капитаном Брэдфилдом Селби.

Спустя мгновение к одинокому всаднику присоединились скачущие клином кавалеристы. После того как из болота потекла масса налетчиков, этот клин превратился в толпу. Каждый из куклуксклановцев облачился в те же призрачные одеяния, некоторые из коней тоже были покрыты белым. Только в облачении вожака были заметны следы других цветов — варварский различительный знак на груди, который при дневном свете вполне мог

бы оказаться алым. При тусклом свете луны возникло впечатление, будто у того на груди засохла кровь.

Орел Клана скакал с привычной легкостью кавалериста: в левой руке он держал белую пику, которая служила флагом для следовавшего за ним воинства. Налетчики скакали, не произнося ни слова. Если не считать цокота копыт, они могли бы сойти за чудовищных ночных птиц, может быть, за белых аистов или соколов из иного мира. Невзирая на хорошую подготовку, Кэрролл почувствовал, как внутри у него затаился страх, когда он вытащил из кобуры револьвер и поднял его. Скача во весь опор, призрачное полчище оказалось почти на линии огня. Промедли майор секунду, и эти всадники могли бы выскочить из засады, и тогда до цели им остались бы какие-нибудь четыреста ярдов.

Из впадины в дорожном полотне показалась вторая совершенно белая фаланга, отчетливо видневшаяся на фоне усеянного облаками неба. От такого зрелища затрепетало бы любое сердце. Даже призрачные одежды вписывались в этот пейзаж, ведь всадники собирались проскочить, откровенно говоря, меж челюстей смерти... После второго выстрела револьвера челюсти намертво защелкнутся. Палец Кэролла, лежавший на крючке, напрягся и раздался сигнал, который должен был предупредить Гарди, устроившегося в вилке дерева.

Момент был выбран очень удачно. Орел Клана, на два полных корпуса скакавший впереди своей волчьей стаи, теперь уже достиг восточного края кустарника, где деревья граничили с лугом. Масса всадников оказалась под прицелом стрелков армии. В этом беспорядочном строю, они станут мишенями продольного огня, даже не успев остановиться. Когда Гарди прокричал команду стоять на месте, весь строй всадников вздрогнул. Возникло впечатление, будто неприятель инстинктивно догадался, что попал в засаду.

— Вы окружены! Бросайте оружие!

Это предупреждение было хорошо рассчитано. Оно прозвучало как прямое обращение к вожаку и было рассчитано на то, что Орел Клана замешкается и погибнет вместе с остальными. Не было сомнений, что следовавшие за ним рядовые всадники догадались о том, в какой ситуации оказались. Натянув вожжи до предела и разразившись руганью, белые всадники, все до единого, подняли лошадей на дыбы. На мгновение казалось, что вожак поступит точно так же, но тот опасно развернул коня и поскакал назад вдоль фланга плотно сомкнувших строй всадников. Ни один звук не нарушил тишину. Орел Клана приподнялся в стремени и нацелил свое белое копьё на Линкольнвилль.

— Яааааааа! Вперед на Форкс.

Этот крик мятежника вырвался из луженого горла. Кэрролл понял, что Орел Клана принял его предупреждение за военную хитрость. Как бы там ни было, на раздумья не оставалось времени. Он поднял револьвер и направил второй выстрел в голову вожака.

Это был сигнал к началу боевых действий, и Дэну пришлось признать, что его предупреждение оказалось потерей времени. Теперь, когда он узнал голос под конусообразным капюшоном, у него не осталось иного выбора.

Снова ему в голову пришла мысль, что история свернула на безумный путь. Первый залп, произведенный одновременно двумястами армейскими карабинами, попал точно в цель. С дороги открыли беспорядочный ответный огонь по невидимым целям. Когда выстрелили добровольцы, половина вражеских седел опустела, и с десятков коней брыкались на обочине.

Третьего залпа не понадобилось, добровольцы бросились в атаку, чтобы разъединить уцелевших и заставить их сдаться под дулами карабинов. Только вожак и два его помощника,

которые чудом уцелели под градом свинца, с головокружительной скоростью продолжали скакать к Линкольнвиллю.

Выстрел Кэролла прошел мимо цели. Он выстрелил снова и галопом бросился вдогонку, безуспешно пытаясь отвлечь этого сумасшедшего. Один из его помощников уже упал на землю, когда раздался выстрел из карабина. Второй вылетел из седла головой вперед, когда рухнул его конь и распластался у канавы со сломанной шеей. Это тоже стало повторением истории. Вожак продолжал скакать на недостижимом для выстрела расстоянии.

Спустя мгновение призрачный силуэт затерялся среди стен негритянского поселения. Затем снова возник в поле зрения, когда устремился к аккуратному домику, где жили Сал и Флорида.

Люди Клана приблизились к поселку так стремительно, что не удалось точно рассчитать время. Трудно поверить, но прошла всего минута с того момента, как раздался предупредительный выстрел Дэна. Несясь к Форксу на предельной скорости, он мог лишь в беспомощном гневе наблюдать, как у порога домика Сала вспыхнул факел.

В этом белом, как и другие, домике, похоже, никто не проснулся. Ставни были закрыты, и с расстояния в четверть мили казались достаточно прочными, чтобы выдержать наступление. Второй факел вспыхнул в покрытом песком дворике: Кэролл заметил, что оба факела с большими шарами смолы на концах имели длинные ручки. Всадник еще раз объехал дом и огласил Линкольнвилль воплем мятежника.

Кэролл не ожидал быстро последовавших один за другим взрывов, которые слились в один. Затем вспыхнул язык пламени в одном из окон, и Орел Клана издал еще один победоносный крик. Кружа вокруг домика, он достал из песка оба факела и бросил их внутрь домика Сала через зияющую дыру, которую вырвали в обшитой вагонкой стене две ручные бомбы.

Из дома раздался жалобный крик, когда прозвучали взрывы. Кэролл узнал голос Флорри и приказал Келлеру взять левее, чтобы в последний раз попытаться отрезать Орла Клана.

Рассчитав все до секунды, Брэд Селби дерзнул подъехать к крыльцу домика, чтобы проверить, какой ущерб нанес огонь. Построенный из сосны, домик горел, словно спичечный коробок.

Брэд выстрелил один раз в огромные языки пламени. Затем напрямик направился к болоту, низко припав к седлу, чтобы избежать пуль, летевших ему вдогонку. На ходу он вывернул свое одеяние наизнанку, после чего конь со всадником слились с ночью.

Прошло менее пяти минут, как завершилось сражение. Фигуры в капюшонах, окруженные на дороге синими униформами, бросали оружие. Сражение у Форкса закончилось блестящим успехом, если не считать везения Орла Клана. Уже было поздно спасти домик Сала или его обитателей.

Рискуя жизнью, Кэролл подъехал к крыльцу домика. Флорри взрывом оторвало половину лица, и она лежала мертвой у раздробленной колыбели, где два маленьких тела растянулись, словно разбитые куклы. Сал упал лицом на колыбель. Дэн понял, почему Орел Клана стрелял и, уезжая, издавал радостные крики.

Пока Дэн смотрел на эту застывшую картину, плотная завеса дыма скрыла все из виду. Загорелся соседний домик, и его обитатели начали выскакивать во двор, на ходу спасая все, что могли.

Старый кавалерийский конь под ним лишь негромко заржал, чуя идущий из домика запах смерти. Конь в ужасе заржал опять, когда рухнула крыша домика Сала, посылая в небо

снопы искр. Когда Кэрролл поехал к своему войску, он заметил, что его туника горит, и мгновенно стащил ее.

Часы в тихом домике Сала пробили полночь и вывели хозяина из глубокого сна. Какое-то время он считал удары и тихо лежал в удобной просторной кровати на двоих. Он молил Бога, чтобы ночь прошла спокойно, и стал уже надеяться, что его мольбы услышаны.

Правда, он знал об упорных слухах, будто куклуксклановцы планировали собраться у брода. Но в это время вообще много говорили об ужасных вещах, а занятому человеку просто некогда было прислушиваться к этим разговорам... Подоспел урожай Рины: утром они просмотрят бухгалтерские книги, и она убедится, что ее прибыли значительно возросли. Когда замерли последние удары часов, ему пришла в голову мысль, что было бы неплохо снова уснуть. Глаза Саладина Вебстера закрылись и его мысли настроились на сон. Раз его ждал долгий день на хлопкоочистительном заводе, сон в предрассветные часы не помешает.

Саладин Вебстер. В его засыпавшем мозгу гордо теплилась эта мысль. Подобно большинству негров, он взял себе фамилию, чтобы его могли внести в списки избирателей, когда голосование станет по-настоящему всеобщим в этом углу Юга. Верность Мисс Рине подсказывала ему взять в качестве фамилии название плантации, но воспоминания о капитане Селби исключали подобную возможность. В конце концов, Сал выбрал себе крестным отцом сенатора Новой Англии: он вспомнил книгу по истории из библиотеки судьи и бессмертный призыв Вебстера к верховенству Союза.

Еще в прошлое воскресенье он внес свою новую фамилию в регистрационную книгу негритянской церкви у Переправы Брандта. Рядом он записал имя Флориды Вебстер. Его жена теперь читала достаточно хорошо, но все еще никак не могла полностью расписаться. Под этими крупными буквами он записал имена своих детей — Авраама Линкольна Вебстера, которому еще не исполнилось и двух лет, и Хуаниты Вебстер, шестилетней дочери.

В тот момент Флорри не было рядом с ним. Он слышал, что она тихо ходит по комнате нижнего этажа, которую они использовали в качестве детской, и сквозь сон видел ее улыбку, когда вспомнил причину ее отсутствия. Хуанита страдала от крупа. Два дня назад доктор Янси заявил, что она выздоровела, и дети теперь делили одну колыбель. Но Флорри была внимательной и любящей матерью. Проснувшись в полночь и думая о двух спавших малышах, она не могла успокоиться, пока не проверила, хорошо ли те укутаны перед наступлением утренней прохлады.

Слушая скрип колыбели, которую жена тихо покачивала, Сал снова погрузился в сон.

Двойной взрыв, пробивший стену детской комнаты, еще не выбросил его из постели. Но он тут же вскочил. Его глаза широко раскрылись и ноздри раздулись от дыма, заполнявшего комнату.

Погрузившись в глубокий от усталости сон, он не слышал цокота копыт на дороге или выстрелы, остановившие двести куклуксклановцев. Пока он пребывал на грани между сном и пробуждением, до него долетел едва слышный мятежный крик Орла Клана. Эти звуки сами по себе не разбудили бы его. Он слышал по ночам другие выстрелы и другие мятежные крики. Клан не впервые носился вокруг Линкольнвиля.

Взрыв бомб, разорвавший тишину, нанес его домику сокрушительный удар. Домик сгорел бы даже в том случае, если бы Орел Клана и не бросил бы еще сосновые факелы в детскую. Задыхаясь в удушливом дыму, Сал остановился, чтобы смочить ткань в воде и

прикрыть лицо, потом сбежал вниз по лестнице. Была дорога каждая секунда, но без смоченной в воде ткани волна жара свалила бы его.

Одного взгляда было достаточно, чтобы его опасения подтвердились. Бомба, взорвавшись в ярде от колыбели, убила обоих детей во сне. Что же касается Флорри, то ему было невыносимо смотреть на нее. От красивого прежде тела у колыбели осталась лужа крови, в которой плавали мозги.

Ее вопль эхом еще отдавался в ушах Сала, когда он услышал цокот тяжелых копыт на улице и понял, что налетчик вернулся, чтобы нанести последний беспощадный удар оставшимся в живых. Ветер отогнал дым, и он ясно увидел фигуру в белых одеяниях, понукавшую коня взойти на крыльцо. Сал упал рядом с колыбелью, чувствуя, как напряглись его мускулы для прыжка, после которого можно было бы сомкнуть пальцы вокруг шеи убийцы. Когда Сал заметил пистолет в руках Орла Клана, инстинкт самосохранения поборол желание отомстить, и он прижался к колыбели.

Казалось, будто дуло пистолета почти касалось его головы, когда всадник навис над ним. Выстрел и безумный крик радости стрелявшего слились воедино. Услышав, как пуля пролетела мимо уха, Сал опять подчинился инстинкту; притворившись мертвым, он ничком упал на колыбель и, затаив дыхание, ждал, когда уедет его мститель.

Сал не сразу осмелился подняться, хотя и чувствовал, что языки пламени лижут ему пятки. Он опасался, как бы убийца не затаился у дома, чтобы убедиться в том, что никто не остался в живых. Спустя мгновение во дворе послышался цокот другого коня и Сал продолжал лежать на телах своих детей, когда второй всадник поднялся на крыльцо.

Этот вполне мог оказаться тоже врагом. Сал не рискнул взглянуть на него... Через некоторое время, когда второй всадник ускакал, он вдруг сообразил, что крыша вот-вот рухнет ему на голову, и, шатаясь, вышел из дома.

Дым чуть не ослепил его. Когда дым рассеялся, он оцепенело пошел куда-то, сталкиваясь с другими бегущими людьми, отталкивал руки, пытавшиеся остановить его. Та же слепая сила, которая спасла ему жизнь, теперь толкала его к бегству, казалось, что он двигался без всякой цели. Сал остановился отдышаться только после того, как достиг черных дубов, росших у края болота. Здесь он начал немного соображать и обнаружил, что снова может видеть.

Из всего Линкольнвиля только его дом и два соседних домика пострадали по-настоящему. Бригада с ведрами в руках, под командованием офицера таскавшая воду из реки, начала тушить соседние крыши и затапывать головни, которые разлетались от трех еще пылавших строений. Все члены разбитой банды налетчиков полностью сдались. Сал почувствовал, как у него сжимается горло от дикой радости, когда он увидел убитых, лежащих рядами. Сама судьба распорядилась, чтобы эти порождения зла вылетели из своих седел, уже завернутые в готовые саваны.

Однако кое-что предстояло еще завершить: у него не оставалось времени радоваться гибели местного Клана. Сал подошел к болоту с определенной целью: тот, кто убил его жену и детей, если ему все же удалось бежать, должен был избрать этот путь. К дороге вдоль реки вела тропа из Селби... Сал пользовался этой заросшей сорняками тропой сотни раз, поскольку она кратчайшим путем вела из дома к плантации. Он мог идти по ней уверенно и при лунном свете, если знал, что добыча близка.

Вскоре он вышел к первому ориентиру — к опушке на небольшом холмике, в сотне ярдов от первого дома Линкольнвиля. Сердце у Сала дрогнуло, когда он на фоне ночного

неба увидел силуэт этого человека. Видно, Орел Клана остановился здесь, чтобы в последний раз взглянуть на дело своих рук, а уж затем отправиться дальше по болотной тропинке. Ночной всадник вывернул наизнанку свое одеяние и теперь казался таким же черным, как и его конь. Он легко держался в седле, а в руке у него была фляга. Сал сжал кулаки, всадник прильнул к фляге, затем бросил ее... Рискнув приблизиться, пока враг смаковал оставшиеся на губах капли выпитого бренди, Сал заметил, что капюшон у того переброшен через плечи.

Сал не удивился, обнаружив, что Орлом Клана был Брэд Селби. Он почти не сомневался, что тот, кто целился в него из пистолета, окажется именно этим человеком.

Окажись Сал поближе, он мог бы одним прыжком преодолеть разделявшее их расстояние. Но кустарник густо переплетался с шиповником; малейший треск веток мог выдать его присутствие, а пистолет, висевший на ремне Брэда Селби, представлял нешуточную угрозу. К тому же не было ничего страшного, если бы Орел Клана сейчас ушел бы от него. Когда Брэд с удовольствием в последний раз взглянул в сторону горевших домов Линкольнвилля и двинулся дальше по болотной тропе, Сал почувствовал, как у него рассеялись последние сомнения.

Теперь все дороги вели в Селби. Он бегом пустился по следу всадника, словно возвращавшийся домой мастифф.

Рина первой заметила языки пламени, тянувшиеся к восточной стороне неба.

Рина была слишком взвинчена и не могла думать о сне. Она не без усилий села ужинать вместе с братом и Дядей Доком. Когда эта пародия на поздний ужин закончилась, все трое устроились за карточным столиком, делая вид, что их мысли целиком заняты игрой в вист с «болваном»... Кое-как удавалось скоротать время. Напряжение почти спало, когда обнаружилось, что Линкольнвилль все же подожгли. Это событие, по крайней мере, доказывало, что угроза Клана не была пустой.

Мгновение все молча стояли на восточном портике. Дядя Док заговорил первым:

— Пожар не слишком сильный.

— Горит не больше полдюжины хижин, — заметил Квент.

— Это означает, что они вырвались из засады Дэна? — спросила Рина.

— По-другому это трудно объяснить, — ответил ее брат. — Если Брэд достиг Линкольнвилля, то произошло, должно быть, тяжелое сражение.

— Я лучше запрягу лошадь и поеду туда, — сказал врач плантации. — В распоряжении Дэна есть лишь один армейский костоправ. Сегодня ему не обойтись без помощи.

— Возьми Квента с собой, — посоветовала Рина. — Пришлешь его назад, когда выяснится, что там случилось.

Она смотрела им вслед, храня необычное спокойствие, радуясь, что никто из них не задал этот безмолвный вопрос. Теперь буквы из языков пламени ясно поведали о том, что Брэд восстал против будущего. Оставалось лишь ждать, пока не прояснится его судьба, а также судьба Сала. Что бы ни случилось с Брэдом, она не выдаст его Дэну Кэроллу. Если ее муж погиб в этом самоубийственном нападении, тогда и выдавать его не придется.

Это был горький выбор, но она нашла в себе силы сделать его.

Квент и Дядя Док уехали, когда луна уже начала убывать. Врач плантации положил на сиденье повозки свою обычную черную сумку, Квент вскочил на быстрого скакуна Рины.

Теперь, спустя добрых три часа, языки пламени на горизонте давно исчезли в предрассветной темноте. Рина неподвижно сидела перед камином в гостиной... Ей было страшно бодрствовать, но как ни странно, она обнаружила, что это ей удается. Когда на подъездной дороге раздался цокот копыт, она прибавила свет в лампах. Услышав неторопливые шаги Квента на ступеньках портика, она отказывалась признавать в его медлительности дурное предзнаменование. Даже когда он задержался в фойе, чтобы снять свою накидку, Рина не сразу вышла ему навстречу — она нашла время бросить еще одно сосновое полено в камин.

— Дэн одержал полную победу, — сообщил Квент. — Надеюсь, ты уже догадалась об этом.

— Что с Брэдом?

— Он завел Клан в засаду. Вполне возможно, что его пристрелили. Еще не все убитые опознаны...

— Тебе об этом сообщил Дэниел?

— На это не было времени. Дэниел цел и невредим и приедет сюда, как только сможет. Мне об этом говорил капитан Келлер.

— Не жалею меня, Квент.

Рина в задумчивом молчании выслушала рассказ брата. Для нее не стало новостью, что Брэд сделал все возможное, чтобы стереть с лица земли Линкольнвилль, поскольку это негритянское поселение создал Сал. Теперь она знала, что хижина Сала уничтожена и обнаружила, что воспринимает эту весть без удивления. Это тоже явилось частью истории, которую с самого начала начертала судьба.

— Ты уверен, что никто не спасся до того, как сгорела хижина?

— Дэн сам видел внутри хижины четверых погибших, — ответил Квент. — Брэд метко стреляет по спящим людям. Я лишь надеюсь, что пуля его все же настигла.

— Ты же знаешь, что он сбежал. И я тоже это знаю.

— Даже если так, Лорена, ты можешь быть спокойна. Он вряд ли снова заявится сюда.

— Почему нет? Он свое дело сделал. Теперь он может почивать на лаврах.

— Набег провалился.

— Верно, местный Клан разбит. Что ему до этого? Либо ему, либо Салу все равно пришлось бы умереть. У Сала не было ни малейших шансов уцелеть в столкновении с Брэдом. Сегодня на стороне Брэда был сам дьявол, который всегда стоял рядом с ним.

— Брэд никогда не сможет показаться в Селби, — твердил Квент. — Тем более в то время, когда Клан уничтожен и Переправу Брандта охраняют добровольцы.

— Кто узнает, что Кланом сегодня руководил Брэд? Ты говорил об этом Дэниелу?

— Нет, Лорена. У меня не было случая.

— Полковника Гамильтона, вероятно, пристрелили. Люк никогда не заговорит. Если Дэниел так подумал, то доказательств у него все равно нет. Нет такого человека, кто мог бы указать на виновника.

— Тогда тебе придется рассказать Дэниелю правду.

Рина долго молчала.

— Я не могу, Квент.

— К счастью, меня не мучают такие угрызения совести. Как и Дядю Дока.

— Я запрещаю вам обоим говорить об этом.

— Допустим, Брэд спас свою шкуру. Ты собираешься взять его обратно? Доживать свои дни вместе с убийцей?

Зная, что на это есть лишь один ответ, Рина наконец поняла, что сокрушена. Когда брат дотронулся до ее руки, она не отстранилась и склонила голову. Позднее она даст волю слезам. А сейчас в ее глазах не появилось ни слезинки, а уставшая голова уже не могла придумать никаких ответов.

— Что мне делать? — прошептала она.

— Сначала мы поедem в Эшвил, — ответил Квент. — Возьмем твоего мальчика и начнем бракоразводный процесс. Если Брэд вздумает сопротивляться, мы знаем, как можно заткнуть ему глотку. Ни один суд не предоставит ему права попечительства над Энди.

— Это будет означать, что я отказываюсь от наследства сына.

— Если здесь станет командовать Брэд, то в наследство сыну останется немного. Лорена, уезжай, пока еще есть время. Я найму тебе юристов...

— Что мне сказать Дэниелу?

— Напиши ему письмо. Ты сможешь выйти замуж, когда получишь развод.

Рина знала, что Квент прав: она должна последовать его совету. Осознавая глубину своего смирения и все, что оно принесет в будущем, она почувствовала, как в душе возникает чувство успокоения. Она снова порадовалась, что уступила мужской логике. Рина быстро

заговорила, пока этот порыв еще не прошел.

— Собирай свои вещи. Мы покинем Селби, как только рассветет.

Лорена пристально смотрела на своего брата, ее немного задела то, что он воспринял ее уступчивость с таким спокойствием.

— Возьмем кабриолет, — сказал он, — и отправимся в Мейкон. Через час будет светло. Может, тебе тоже лучше собирать вещи?

— Из этого дома я уйду, не взяв ничего с собой, — ответила она. — Лучше поторопись, а то я могу передумать.

— Моя дорогая, на сей раз ты не передумаешь. Жизнь тебе не позволит этого. Жизнь, которую Брэд собирается здесь устроить.

— А что если ты ошибаешься? Брэд ведь мог и в самом деле погибнуть.

— Тогда Селби сохраняется за тобой. Ты всегда сможешь вернуться.

Сказав это, он быстро взбежал по лестнице. Когда брат исчез, Рина не могла поверить, что произнесла слова капитуляции, но она чувствовала, что у нее с плеч свалился тяжелый груз.

Стараясь успокоиться, она опустила в ближайшее кресло. Что-то невольно привлекло ее взгляд к открытой двери. Ночь начала рассеиваться, и рассвет уже был не за горами. За воротами начиналась дорога в Мейкон, далее поездом до Эшвила и перед ней откроется новый мир. Однако, как заключенный, отказывающийся верить своим глазам, когда широко раскрывается дверь камеры, она никак не могла решиться пойти навстречу этой свободе.

Причину этого она поняла позднее. От самшитовых деревьев отделился чей-то силуэт и начал обретать ясные очертания на фоне рассеивавшегося мрака. Задолго до того, как человек вышел на свет, она поняла, что это ее муж.

— Итак, ты вернулся, — сказала она.

— В этот раз навсегда. А ты разве думала, что я не вернусь. — Брэд говорил весело, почти любезным голосом. Он отбросил свое одеяние и отстегнул пистолет от ремня.

— Я слышала о том, что произошло в Форксе, — сказала она. — Только не говори, что ты в этом не участвовал.

Брэд аккуратно свернул одеяние и положил его в шкаф. Открыв гнездо барабана пистолета, он вытащил отстреленную гильзу, бросил ее в огонь и спрятал оружие под своим одеянием.

— Рина, что ты такое говоришь? — спросил он. Она могла почти поклясться, что его удивление было неподдельным. — Ты ведь не могла забыть, что я вернулся в Селби, когда еще только вечерело. С тех пор я не покидал свой семейный очаг.

— Ты собираешься рассказывать эту историю?

— Это *наша* история, — поправил он. — Не вини меня в том, что какие-то местные налетчики сегодня вечером пытались сжечь городок цветных и испортили все дело.

— Сал мертв, Флорри и ее дети тоже. Ты стал их убийцей.

— Просто удивительно, что никто раньше не убрал этого нахального негра, — сказал он и пожал плечами. — Я не стану притворяться, будто жалею об этом.

— И ты думаешь жить здесь так, будто ничего не произошло?

— Почему бы и нет, раз кто-то забыл о подобающем ему месте. Надо ли уточнять, что речь идет о месте женщины?

— Брэд, это относится ко мне?

— Может, стоит дать тебе понять, что я здесь хозяин, да так, чтобы ты об этом больше

не забывала?

Теперь, когда он нарисовал ожидавшее их будущее, Рина поняла, что ничего другого и не ожидала. Ее порыв бежать с Квентом был чистой глупостью. К тому же она знала, что Брэд возвращается невредимым из всех своих военных походов. Конечно, он не признается в том, что участвовал в набеге на Линкольнвилль: Брэд Селби, джентльмен с Юга, сохранит свой статус безупречным. Все, наконец, прояснилось: как в составной картинке-загадке все составляющие ее кусочки заняли отведенное им место... Только для одного кусочка не нашлось места — для призрака, упорно шедшего по стопам Брэда еще до того момента, как он вошел в дом.

Рина заметила, что этот призрак вышел из тени самшитовых деревьев. Еще не до конца осознав его присутствие, она смотрела, как он медленно поднялся на портик, и остановился в тени, ожидая, пока ее муж снимает свое одеяние. Теперь, широко раскрыв от удивления глаза, она обнаружила, что этот призрак — Саладин.

— Ты бы лучше перестал рисоваться, Брэд, — сказала она. — У нас гость.

Брэд уже собирался взяться за графин, но резко обернулся. Сал только что вошел. Он стоял, положив одну руку на спинку кресла, и немного покачивался, будто держаться на ногах ему было почти не по силам. Рина увидела, что от одежды Сала осталось одно обгоревшее тряпье, а его руки покрыты страшными ожогами. Сал был отмечен знаком смерти, если не считать его глаз — в них пылал всепожирающий огонь мести. Это заставило Рину инстинктивно отпрянуть, хотя Сал, похоже, не замечал ее присутствия. За свою жизнь она не видела такой ненависти в глазах человека.

— Это я, капитан, — сказал он. — Сал Мисс Рины. Разве ты не узнаешь меня?

То обстоятельство, что Сал заговорил певучим голосом раба плантации, но без тона рабского унижения, испугало Рину не меньше, чем его изуродованное огнем тело. Дьявол, пришедший из ада, не казался бы более страшным — как и тот падший ангел, гость пришел сюда подвести черту.

На появление этого привидения Брэд отреагировал инстинктивно. Впервые Рина увидела страх на его лице. Она заметила, что глаза мужа метнулись к шкафу, куда он спрятал пистолет, и увидела, как он вздернул плечи, убедившись, что не сможет вовремя добраться до него.

— Я убил тебя, парень, — сказал он. — Я всадил пулю тебе меж глаз. Не надо преследовать меня.

— Я не привидение, капитан.

— Ты сгорел, черт бы тебя побрал!

— Капитан Селби, я так просто не умираю. Так что, видишь, в этом мы похожи.

— *Последний раз говорю тебе, черный бабуин, убирайся отсюда!*

Шаг за шагом Брэд приближался к камину, чтобы дотянуться до ружья, приставленного к нему. Его глаза следили за правой рукой Сала, сжимавшей плеть, словно огромную змею. Брэд не успел дотянуться до ружья: плеть сверкнула в воздухе, и Рина поняла, что негр угадал намерение мужа. Плеть длиной в семь футов шелкнула, словно выстрел пистолета, и угодила Брэду в щеку, не задев глаза. Второй и третий удары сорвали рубашку и оставили на спине Брэда кровавый крест. Четвертый удар — и плеть обвилась вокруг пояса Брэда, словно лассо, и сбросила его в камин.

— *Сал, подожди! Хватит!*

Это был скорее просто крик, а не осознанный протест. Рина понимала, что нет силы,

способной встать между мстителем и его жертвой. Сал, прежде чем снова поднять плеть, наконец-то заметил ее.

— Извините, Мисс Рина, — хрипло произнес он. — Он должен расплатиться за то, что сделал.

После каждого слова следовал взмах плети, и после каждого взмаха выступала кровь на валявшемся в пепле теле Брэда.

— Капитан, я не дам тебе легко умереть. Я разделаюсь с тобой так, как ты с Черным Лолли...

Черный Лолли. Рина закрыла глаза, вспомнив огромного раба, который у судьи когда-то был лучшим кузнецом. Лолли совсем искалечили в тот год, когда она прибыла в Селби, — он стал инвалидом, спавшим за конюшней, и передвигал своими изуродованными руками и ногами, словно больной краб клешнями. Поговаривали, что его искалечил взбесившийся конь, но ходили упорные слухи, что его в пьяном угаре избил Брэд...

— Ты сломал спину Лолли, мастер Брэд, — говорил Сал. — А теперь я сломаю твою.

Сал отшвырнул плеть и бросился к камину как раз в тот момент, когда Брэд встал на колени и схватил дробовик.

Сал промедлил лишь на долю секунды. Затем шаг за шагом стал приближаться к камину, не обращая внимания на ружье, которое Брэд нацелил на него. Ударник наткнулся на пустой патронник. Когда из второго ствола вырвалось пламя, казалось, будто гром выстрела разрушит стены гостиной. Тяжелый заряд угодил негру в бок. Даже с того места, где стояла Рина, было видно, что Сал получил смертельную рану — заряд буквально продырявил его тело. Но он все равно шел вперед.

Брэд швырнул дробовик в нападавшего, но негр легко уклонился от него. Затем Сал бросился вперед, готовясь нанести решающий удар, и Брэд пустился наутек. Капитан Селби совершил последний осознанный шаг: одна рука Сала уже схватила его за глотку. На мгновение оба уставились друг на друга, и Сал тряс Брэда, словно тот был тряпичной куклой. Рина, застывшая от неподдельного ужаса, удивилась его силе. В это мгновение казалось, что в Сала вселились демоны.

Рина вскрикнула снова, тщетно пытаясь остановить насилие. На этот раз, ее голос потонул в воплях Брэда, когда негр чуть отпустил его горло. Брэд, похоже, ослаб и не мог оказать сопротивление, когда негр схватил его за ремень и оторвал от пола. Сал поднял одну ногу на подлокотник дивана. Затем обеими руками опустил неподвижное тело Брэда спиной на поднятое колено. Раздался страшный хруст, и тело жертвы сложилось так аккуратно, будто складной ножик.

Сал бросил неподвижного врага на ковер и, наконец, повернулся к Рине.

— Извините, мадам, — сказал он тоном, в котором чувствовалось и достоинство, и странное спокойствие. — Теперь он *никому* не причинит неприятности. — Едва сумев произнести эти слова, он рухнул в камин лицом вниз.

Рина поняла, что он мертв, даже не успев отойти от стены. Хозяйке Селби казалось, будто она парит в воздухе, когда она с грехом пополам подошла к мужу и опустилась перед ним на колени.

Спустя несколько минут влетел Дядя Док, а за ним следом Дэн Кэрролл. Рина все еще держала голову Брэда и своим подолом, как могла, вытирала кровь с его глаз.

— Все ясно, он больше не сможет ходить, — заключил Янси. — Со сломанным позвоночником это невозможно. Он полностью парализован до самого пояса. Но какое-то время он, видимо, проживет. Если это можно назвать жизнью.

— Как, по-вашему, сколько он проживет? — спросил Кэролл.

— Год, самое большое. Вероятнее всего, он протянет несколько месяцев. Сал хотел искалечить его, так что Брэд состарится полумертвым. Но он отменно поработал. Паралич обязательно будет прогрессировать.

Дэн кивнул и спустился на несколько ступеней портика, чтобы взглянуть на пробуждавшийся день. После дождя наступило прекрасное утро. Янси глубоко вдыхал воздух бабьего лета. Он устроился на нижней ступеньке, подставив солнечным лучам свое старое тело.

В Линкольнвиле выдалась тяжелая ночь, а случившееся в Селби было еще тяжелее. К счастью, армейский врач вместе с ассистентом приехали в повозке Янси за лекарствами, и вызвались в добровольные помощники. Их помощь оказалась бесценной. Брэда положили в кровать, из которой он уже никогда не встанет.

— Поверить не могу, что капитан Селби опять среди нас, — сказал Дэн. — Неужели он вернулся домой, чтобы умереть?

— Ваш врач подтверждает мой диагноз. — Дядя Док строго посмотрел на Кэролла. — *Вы называете себя философом,* — тихо добавил он. — *Философия вам сегодня очень пригодится.*

— Как теперь поступит Лорена? Что ей теперь делать?

— Пусть она сама ответит на это, — промолвил врач плантации, глядя на сад. Усталой походкой по нему шел Квент Роули.

— Похоже, я уже нашел ответ, — сказал Дэн. — Но я слишком упрям, чтобы смириться с ним.

Янси закрыл глаза, вспомнив ярко освещенную гостиную и черного мстителя, распростертого в камине. Он все еще слышал тихий монотонный плач Лорены, сидевшей рядом с телом Сала и державшей голову Брэда на своих коленях. Она умолкла лишь тогда, когда оба врача наклонились, чтобы отнять у нее эти тела. Затем, отказавшись от любых предложений помощи, она поднялась в свою комнату. Янси вспомнил, что она не сказала ни слова Кэроллу. Она лишь молча кивнула ему, словно не замечая его присутствия.

— Дэн, она скоро спустится, — сказал он и встал. Квент уже поднимался по ступеням портика. Брат Лорены занялся похоронами Сала.

— Кастор и Поллукс сделают гроб, — сказал он. — Мы похороним его на кладбище плантации вместе с тем, что осталось от Флорри и детей. Армейский капеллан скажет несколько слов. В таких условиях лучше действовать быстро. Правда о прошлой ночи скоро распространится.

Кэролл говорил, не смотря ни на кого.

— Доктор, каково ваше заключение относительно Саладина.

«Значит, ты упростишь нам задачу, — подумал Янси. — Как раз на это я и рассчитывал».

— Сал, видно, сошел с ума, — ответил он. — Я все еще никак не пойму, как у него

хватило сил жить, чтобы сделать с Брэдом то, что он сделал.

— В своем отчете я должен записать нечто конкретное, — сказал Кэрролл.

— Назовем это временным умопомрачением, вызванным горем. Это подойдет?

— Думаю, звучит неплохо, — ответил майор. — Я могу добавить, что капитан Селби убил его в порядке самообороны?

— А как еще это можно назвать? — спросил Квент. — Сал всегда был немного сумасшедшим. Таково большинство мужчин, путающих завтрашний день с сегодняшним.

На портике воцарилось молчание, которое нарушал лишь карандаш Кэролла, скользивший по бумаге.

— Значит, пусть будет самооборона, — сказал он. — Такое заключение облегчит жизнь нам всем.

— Сойдемся на этом, — согласился Янси.

Кэрролл взял головной убор, портупею с оружием и направился к выходу.

— Передайте, пожалуйста, мое почтение Лорене и скажите, что мне пришлось уехать. Можете себе представить, впереди у меня долгий день.

— У всех нас тоже, — сказал Дядя Док. — Долгий, долгий день.

От группы всадников на подъездной дороге отделился ординарец и подвел коня к майору. Вскочив на коня, Дэн спросил:

— Лорена сама будет заботиться об этом калеке?

— Жены Селби всегда заботились о своих мужьях, когда те хворали, — ответил Дядя Док. — В Джорджии это давняя традиция.

— Если ей понадобится помощь, меня можно найти в Четырех кедрах. Скажите ей, что я буду ждать. Я умею ждать. Она это тоже поймет.

Янси сообразил, что уснул, прислонившись к колонне, когда восходившее солнце начало припекать. Плантация стала просыпаться.

Квент второй раз отправился разбирать свои сумки. На лужайке громко ссорились сойки. Они отложили ссору и взлетели на ветки остролиста, когда трое садовников, собиравшиеся в последний раз перед наступлением осени подровнять ветки самшитовых деревьев, стали приближаться со стороны розового сада. За защитной полосой из кедровых деревьев рабочие, ритмично орудуя мотыгами, приступили к очистке нового поля, готовя его к посеву следующей весной. Даже без Сала они пришли на работу при первом ударе колокола надсмотрщика, не обращая внимания на то, что колоколом управляла более черная рука, чем у Люка Джексона.

С этого дня и впредь Селби будет жить: ход событий на плантации станет столь же предсказуем, что и следующий восход солнца. Брэд Селби уже отдал все свои последние указания, и Лорена добилась своего. Неужели это бесплодная победа, и она заплатила слишком высокую цену? «Такие вопросы сейчас должны остаться без ответов», — подумал Дядя Док. Он поднялся, когда Лорена спустилась вниз, и вошел в дом, чтобы встретить ее у дверей гостиной. Он остановил ее жестом руки, когда она повернулась к кабинету, ставшему теперь больничной палатой для мужа.

— Брэд проспит до вечера, — сказал он. — Я позаботился об этом.

— Ему там удобно?

— Удобнее не бывает. За три предстоящих дня я подготовлю троих девочек к выполнению обязанностей медсестер. Они будут дежурить у него, сменяя друг друга через восемь часов. Девочки легко справятся, когда освоят заведенный порядок.

— Дядя Док, я не хочу оставаться в стороне.

— Разумеется. Но ты должна управлять плантацией и воспитывать мальчика. Эти заботы на первом месте. Даже Брэд поймет тебя, раз ему больше не суждено вмешиваться в дела плантации.

— Он действительно больше не встанет?

— Сал отомстил ему, — тихо ответил врач. — Когда Брэд проснется, сомневаюсь, что он сможет говорить или даже поднять голову. Нельзя исключить, что он протянет до Нового года. Не стану называть это везением. Ему повезет, если он умрет раньше.

— Ты сказал Дэниелу об этом?

— Дэниел все знает.

— Я видела, как он уехал, — задумчиво сказала Рина. — Я догадалась, почему он так поступил.

— Он знает, что ты должна остаться с Брэдом до самого конца.

Дядя Док внимательно наблюдал за Риной, когда та подошла к застекленным дверям и широко раскрыла их перед новым днем. Она надела домашнюю одежду, которую именовала полевой. Все шло по-прежнему.

— Разве не странно, что являющемуся сюда янки заранее известно, что я буду делать?

— Не совсем, девочка. Ты не забыла, что он любит тебя?

Как Янси и надеялся, она не выдержала этого вопроса и, прислонившись к дверям, горько зарыдала. Он не стал утешать ее. Такая разрядка ей была крайне нужна.

— Я не могу вечно ждать счастья, — наконец ответила она. — Такое не вынесет ни одна женщина.

— Лорена, к тебе это не относится. Стоит тебе лишь вспомнить чарлстонские манеры, как все образуется.

Эта веселая фраза была у них давней шуткой. Взяв предложенный Янси носовой платок, Лорена вытерла слезы, затем взглянула на гостиную. Слуги убрали все и даже вставили в дверь новое стекло вместо разбитого. Только два дробовика лежали на том месте, где упали. Соблюдая осторожность до конца, негры не осмелились притронуться к ним.

Лорена подняла дробовики с ковра и собралась снова повесить их над каминной полкой. Но и на этот раз Дядя Док не пытался ей помочь. С этим она должна справиться сама.

— Похоже, сражение наконец-то закончилось, — сказала хозяйка Селби Холла. — Я лучше уберу это оружие в надежное место.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ф. СЛЕЙТЕР

ЛОРЕНА

XIX век. Гражданская война между Севером и Югом в США. Прекрасная южанка Лорена Селби красива, умна и отважна, как Скарлетт О'Хара. Но в любви ей не везет. Лорену насильно выдают замуж за недалекого, алчного и сластолюбивого человека. Чтобы забыться, Лорена полностью отдается работе: на ее хрупких плечах огромная плантация Селби. Она покоряется судьбе и боится даже мечтать о счастье. Но оно приходит вместе с передовыми отрядами янки генерала Шермана. Кто бы мог подумать, что свою любовь гордая южанка найдет в лице врага, майора-янки Дэна Кэролла?!

ISBN 978-5-486-01559-5



9 785486 015595

 МИР КНИГИ

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

notes

Эта песня была написана в 1857 г. и стала самой популярной в армии Конфедерации во время Гражданской войны.

Саванна — морской порт Восточной Джорджии в устье одноименной реки. — Здесь и далее *прим. пер.*

Шило — место, где в начале Гражданской войны (в 1862 г.) произошла битва.

Лохинвар — герой баллады «Мармион», написанной Вальтером Скоттом.

Каролина — имеется в виду один из штатов США — Северная Каролина или Южная Каролина.

Самтер — форт в Южной Каролине. Вооруженные силы Конфедерации напали на него 12 апреля 1861 г., после чего началась Гражданская война.

Status quo (лат.) — статус-кво — существующее положение дел.

Droit du seigneur (фр.) — «право первой ночи».

Иоганнисбергер — сухое белое рейнское вино.

Поммери — французское шампанское, производимое в Реймсе.

Аболиционист — сторонник отмены рабства в США.

Джордж Ромней (1734–1802 гг.) — английский художник.

Джордж Бруммель (1778–1840 гг.) — английский законодатель мужской моды.

Луи Годей (1804–1878 гг.) — издатель, в 1830 г. основавший первый женский журнал в США.

Фригольд — безусловное право собственности на недвижимость.

Джеймс Оглеторп (1696–1785 гг.) — британский генерал, основавший первую колонию в Джорджии.

«Саквояжник» — северянин, добившийся влияния и богатства на Юге.

Ехтранјеро (*исп.*) — иностранец.

Орел Клана — название вышестоящего начальника в Ку-клукс-клане.

Чиппендейл — стиль английской мебели XVIII в.

Аппоматтокс — город в центральной Виргинии, где 9 апреля 1865 года генерал Конфедерации Ли сдался генералу Союза Гранту. Этот акт ознаменовал конец Гражданской войны.

Гасиенда — имение.